

НОВАЯ ПОЛЬША

№4(52)



2004

Яцек Куронь: Как рухнул реальный социализм

СТАНИСЛАВ ИГНАЦИЙ ВИТКЕВИЧ, ЗБИГНЕВ МИЦНЕР
И ИДА ЛОТОЦКАЯ О ХУДОЖНИКЕ БРОНИСЛАВЕ ЛИНКЕ

А Р Х И В Р И Н Г Е Л Ь Б Л Ю М А

Александр Липатов: Неведомая Польша

Из дневника Марии Кунцевич

СТИХИ ЕРЕМИЯ ПШИБОРЫ И ВЛАДИСЛАВА СЕБЫЛЫ

ВАРШАВА

ISSN 1508-5589

Новое лицо «Новой Польши» в Новом году!

Уважаемые Читатели, не беспокойтесь. Мы остаемся такими, какими были. Но мы рады сообщить, что наряду с известным Вам традиционным журналом на бумаге, мы решили создать интернет-страницу.

В виртуальной версии «Новой Польши» вы найдете постоянно пополняющийся архив: содержания всех номеров, важнейшие тексты, последний номер, анонсы, а также текущие обзоры польских еженедельников, которых Вы не найдете в традиционном журнале!

Ищите нас в сети:

www.novpol.ru

Пишите!

Беседа Павла Томчика с Виктором Кулерским «Цена опыта» («Н.П.» № 2.2004 впервые была опубликована в журнале «Одра». Автор фотопортрета В.Кулерского - Влодзимеж Бобинский. Редакция приносит извинения за то, что была пропущена вышеуказанная информация.

НОВАЯ ПОЛЬША



№ 4(52)
2004
АПРЕЛЬ

ISSN 1508-5589

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК

	Яцек Куронь КАК РУХНУЛ РЕАЛЬНЫЙ СОЦИАЛИЗМ	3
	Станислав Игнаций Виткевич NUT AB, MEINE HERREN — EIN GENIE!	11
	Збигнев Мицнер ВСПОМИНАЯ БРОНИСЛАВА ЛИНКЕ	15
	Ида Лотоцкая МОРФОЛОГИЯ ВПЕЧАТЛИТЕЛЬНОСТИ	17
	Виктор Кулерский ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ	23
	ЛЕТОПИСЦЫ КАТАСТРОФЫ	29
	НАШИ ЗА ГРАНИЦЕЙ Славомир Загурский ГИГАНТ №17	43
	Александр Линатов НЕВЕДОМАЯ ПОЛЬША	48
	ИЗ РЕДАКЦИОННОЙ ПОЧТЫ Владимир Крюков ПРИЗНАНИЕ ПОЛЬШЕ	51
	Еремий Пшибора СМЕРТЬ ПТИЦЫ	53
	БЫЛА БЫ ИДЕЯ Тереза Черневич-Умер БЕЗДОМНЫЕ	54



	Чеслав Милош СЕБЫЛА, КОТОРОГО ЗНАЮТ МЕНЬШЕ	61
	Владислав Себыла СТИХИ	63
	Агата Жилинская ИНОСТРАНКА В СОБСТВЕННОЙ СТРАНЕ	69
	Мария Кунцевич ДИАПОЗИТИВЫ	71
	Игорь Клек О ВОСПРИЯТИИ БРУНО ШУЛЬЦА...	76
	Янина Куманецкая ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ	78
	Катажина К. Гардзина ВЕЛИКАЯ МАРИЯ	81
	Лешек Шаруга ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ	83
	ОТ «ЯРМАРКИ ЕВРОПЫ» ДО «КОЛИЗЕЯ» <i>Интервью с Богданом Томашевским</i>	86

Редакционный совет

Стефан Братковский
Хенрик Возняковский
Наталья Горбаневская
Ежи Клочовский
Кароль Модзелевский
Януш Тазбир
Станислав Чёсек

Ежи Помяновский

(главный редактор)

Редколлегия

Наталья Горбаневская
Никита Кузнецов
Виктор Кулерский
Янина Куманецкая
Петр Мицнер *(зам. гл. редактора)*
Кристина Пашек *(секретариат)*
Гжегож Пшебинда
Ежи Редлих *(зам. гл. редактора)*
Станислав Филипчак
(ответственный секретарь)

Лешек Шаруга

Дмитрий Шевионков-Кисмелов
(главный художник)

Графика и макет

Дмитрий Шевионков-Кисмелов

Техническая редакция

Кацпер Ванчик

Адрес редакции

Al.Niepodległości, 213
02-086 Warszawa
Ал. Неподлеглиости, 213
02-086 Варшава
тел: _____ (0-22) 608 27 95; 608 25 65
факс: _____ (0-22) 608 25 05; 608 27 96
e-mail: _____ nowpol@bn.org.pl

Информация о журнале для стран СНГ:

Издательство МИК, Москва,
ул. Большая Переяславская,
д.15, кв. 49
тел.: _____ 280-83-52
e-mail: _____ mik@mecom.ru

Издатель

ВІБЛІОТЕКА НАРОДОВА
НАЦИОНАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

По поручению
Министерства Культуры
Республики Польша
Тираж 4800 экз.

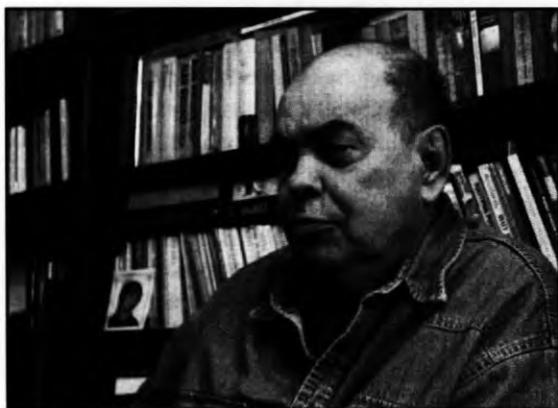
Переводчики: А.Базилевский, В.Блинков, А.Бондарев, Н.Горбаневская, Н.Кузнецов, С.Филипчак, Е.Шиманская, С.Шорин.

Фото ©: Agencja Gazeta (стр. 3, 43), Żydowski Instytut Historyczny (стр. 30, 31, 41), Archiwum (стр. 61, 69).



Яцек Куронь

КАК РУХНУЛ РЕАЛЬНЫЙ СОЦИАЛИЗМ



В мае 1989 г. я получал в США «Премию демократии» и по этому случаю встретился с крупнейшими американскими советологами. Я сказал им, что Советский Союз не протянет и двух лет. Они только смеялись и говорили, что это, мол, «wishful thinking», то есть я принимаю желаемое за действительное. Как они могли предвидеть крах тоталитаризма, если им был непонятен механизм этого явления? Впрочем, мы по-прежнему до конца не понимаем того, что случилось за прошедшие полвека, а ведь этот опыт в значительной степени сформировал сегодняшнюю действительность.

Явлению тоталитаризма посвящена обширная литература — достаточно вспомнить хотя бы труды Ханны Арендт или Эриха Фромма. Но эти книги были написаны в определенную историческую эпоху, их авторы сосредотачивались главным образом на нацизме. Вероятно, именно поэтому возникла убежденность, что тоталитаризм может рухнуть только под воздействием внешних сил — как это случилось с Третьим Рейхом.

Что касается крушения советского тоталитаризма, то его не удастся объяснить исключительно воздействием подобных сил. Разумеется, гонка вооружений, технологическое соперничество и пропагандистская борьба оказывали на СССР значительное внешнее давление. Однако эти факторы вносили свой вклад в разрушение «социали-

стического лагеря» лишь в той степени, в какой оказывали влияние на внутренние силы в этом лагере. Сегодня мы знаем, что ведущие западные политики до последнего момента пытались спасти СССР, тогда как некоторые руководители в Кремле продолжали — быть может, неосознанно — вести свою разрушительную работу.

Победа общественных движений

Каждый общественный уклад в истории человечества, да и в наше время создается общественными движениями, и только они могут его разрушить. Я определяю здесь общественное движение как взаимодействие большой группы людей, объединенных во имя цели, к которой стремится каждый отдельный ее участник.

Общественные движения — это двигатель любого социального преобразования и основа демократического устройства общества, ибо лишь через них граждане могут воздействовать на политику властей в соответствии со своими стремлениями, а не только выбирать одну из программ, предлагаемых правящей бюрократией. В эпохи, когда общественный уклад переживает кризис, общественные движения можно подразделить на консервативные и новаторские. Первые сосредотачиваются на защите ценностей существующей системы, а вторые ищут новых форм социального сотрудничества. Наиболее эффективным преодоление кризиса может стать компромисс обоих этих направлений: тогда новые формы в наименьшей возможной степени нарушают традиционные ценности.

В ходе II Мировой войны с обеих стороны сражались массовые общественные движения. Германия начала поход за мировое господство. В Польше массы поднялись лишь перед угрозой агрессии. Движение сопротивления продолжало свою борьбу на протяжении всей оккупации, а польское подпольное государство стало уникальным явлением в истории массовых общественных движений.



Советский государственный аппарат боялся любых общественных движений — в особенности тех, которые не мог сокрушить военной силой, — и стремился их подавлять. Именно поэтому в октябре 1944 г. Сталин сдал англичанам сосредоточенное вокруг коммунистов греческое движение сопротивления, после чего англичане интернировали Греческую национально-освободительную армию (ЭЛАС). По тем же причинам Сталин старался сдерживать китайскую революцию.

Идеалы и участие в общественной жизни

И все же освободительные движения во всем мире ощущали себя победителями в этой войне, и сдерживать или хотя бы направлять их было невозможно. С их влиянием приходилось считаться усиливающимся бюрократическим аппаратам власти — как на Западе, так и на Востоке. При этом советский аппарат питал надежду на то, что ему удастся обратить динамику освободительных движений себе на пользу, что в свою очередь вынуждало западные правительства заигрывать с этими движениями.

Опыт рузвельтовского «Нового курса», но также и опыт тоталитарных режимов сформировали новые общественные чаяния, ломающие все стереотипы старого порядка. Именно это было основной причиной принятия ООН в 1948 г. подлинно революционного документа, каким была Всеобщая декларация прав человека. В этом документе провозглашались права и свободы, за которые с XVIII столетия боролись мощные общественные движения в Европе и Северной Америке. Подчеркивая значение демократии и гражданских свобод, декларация провозглашала также, что каждый человек имеет право на труд, на достойное вознаграждение за этот труд и на доступ к образованию. Впервые в истории человечества столь представительное собрание провозгласило в качестве цели общественного сотрудничества идеал такого социального устройства, которое было предметом устремлений каждого духовно свободного индивидуума.

До тех пор на свете не было — и по сей день нет — такого устройства, которое сумело бы воплотить в жизнь этот высокий идеал. Однако тысячи людей во всем мире начали организованно сотрудничать во имя целей, провозглашенных во Всеобщей декларации прав человека. Эти устремления, выражавшиеся самыми различными общественными движениями, были связаны с конкрет-

ным историческим опытом и местными условиями жизни. Благодаря энергии этих движений восстанавливались разрушенные войной страны, освобождались и поработались народы, велась гонка вооружений и «борьба за мир».

Несмотря на раздел мира на два противостоящих военно-политических блока, идеалы общественных движений, охватывавших человечество, сосредотачивались на общих целях. В США и Западной Европе в рамках программы «государства всеобщего благоденствия» создавался общественный уклад, основанный на динамичном экономическом росте, распространении благосостояния населения и социальных гарантиях. Скандинавские страны своим трудом достигли впечатляющего уровня экономического и социального развития, получившего впоследствии название «скандинавской модели социализма». В этих странах Всеобщая декларация прав человека нашла свое наиболее полное до настоящего времени воплощение.

Несомненно, общим успехом конфликтующих между собой общественных движений последнего полувека стало все нараставшее освобождение наций, рас и полов во всем мире.

Все упомянутые здесь программы, в особенности государственные программы эпохи «холодной войны» и связанная с ними гонка вооружений, укрепляли роль бюрократического аппарата, пусть даже по-прежнему контролируемого (во всяком случае — ограничиваемого) общественными движениями. Участники этого аппарата формировали собственные идеалы, руководствуясь собственными групповыми целями и интересами.

Разумеется, в их идеалах были и элементы устремлений любого человека. Поскольку роли, которыми наделяются люди в рамках общественного сотрудничества, в немалой степени связаны с публичной сферой, люди делают эту сферу предметом своих частных устремлений. Таким образом, с одной стороны — в связи с требованием эффективности, главенствующим у личностей, которые характеризуются типажом «человека власти», — люди проявляют сильную тенденцию к независимости от общественного контроля. С другой — их поступками движет забота об «общем благе», они участвуют в общественных движениях, руководят ими и вырастают из них.

Это явление имеет важнейшее значение для всей описываемой здесь эпохи общественных движений, но оно становится центральным для стран



советского блока и коммунистических движений. Там бюрократический аппарат руководил массовым движением, сосредоточенным вокруг благороднейших лозунгов и идеалов человечества, воспитанного, как правило, в духе марксизма и, несмотря на все деформации, сохранившего свой плебейско-освободительный характер. Все это, впрочем, со временем обратилось против коммунизма, ибо за каждым словом стоит его подлинное значение и нельзя безнаказанно злоупотреблять такими терминами, как «свобода» или «власть народа».

Левые против сталинизма

Первое в истории коммунистического движения открытое выступление за свободу и против Сталина было начато кадрами югославских коммунистических партизан под руководством Иосипа Броз-Тито уже в начале 1948 года. Экономические санкции, принятые СССР, послужили причиной выхода Югославии из советской сферы влияния, что в результате привело к радикальному ограничению государственной власти за счет усиления системы «рабочего самоуправления» и введения некоторых элементов рыночной экономики. В свете этих фактов трудно считать паранойю Сталина единственной причиной разгрома «правонационалистического уклона» в коммунистических партиях Центральной Европы. Если посмотреть на ситуацию с этой точки зрения, то существовала реальная угроза распада социалистического лагеря.

После смерти Сталина советские руководители расправились со своими соратниками, стоявшими во главе органов массового террора. Чтобы исключить возможность возврата к репрессиям во внутрипартийной борьбе, они почти сразу же начали публичное разоблачение сталинских преступлений. Уже в 1954 г. в документе, подписанном политбюро ЦК КПСС, появилось выражение «культ личности». Вскоре после этого были осуждены «нарушения социалистической законности» и установлен принцип подчинения органов госбезопасности партийному аппарату. Так называемые ревизионисты утверждали, что речь шла исключительно о защите групповых интересов партийно-государственной номенклатуры. Это толкование, по сути верное, грешит, однако, упрощенчеством, ибо не учитывает ни влияния подлинного общественного движения, инициаторами и руководителями которого были также идейные ком-

мунисты, ни совпадавших с общественными чаяниями тенденций в лоне стоявшего у власти бюрократического аппарата.

По моему убеждению, радикальное ограничение террора, предпринятое аппаратчиками советского блока, имело своей целью также повышение эффективности общественного сотрудничества. Стремясь создать механизм самозащиты от террора, эти аппаратчики хотели заручиться общественной поддержкой, ища ее среди партийного актива на предприятиях. Разумеется, советская система не сумела полностью отказаться от террора — как, впрочем, и западная (которая, однако, применяла террор исключительно во внешней политике). Можно сказать, что в советском блоке была принята установка, схожая с западной: не применять террор, если без него можно обойтись (т.е. пока ничто не угрожает власти аппарата).

Положение бюрократического аппарата в западных странах затруднялось (а может быть, как раз облегчалось?) тем, что пытавшиеся его контролировать общественные движения пользовались формальными механизмами демократии и неподцензурными СМИ. В советском же лагере разоблачение террора представителями правящей верхушки и различные меры, направленные на модернизацию, привели к тому, что как в обществе, так и среди партийного актива резко усилились требования улучшить условия жизни и ограничить цензуру, а также выступления за свободу и независимость. Особенно широкие масштабы эти выступления приобрели в Польше, где сохранилась глубоко укоренившаяся в обществе традиция антигитлеровского движения сопротивления и действовали кадры довоенного коммунистического движения. На долю людей этой закалки выпал особый исторический опыт: компартия Польши была еще в 30-е годы разгромлена Сталиным, ее деятели попали в лагеря, а те, кто выжил, сохранили память о погибших друзьях. Ряды коммунистического движения времен оккупации и первых послевоенных лет — Польской рабочей партии — сильно поредели в результате борьбы против «правонационалистического уклона». В результате в Польше в середине 50-х годов появилось чрезвычайно мощное массовое движение за свободу и независимость под руководством кадровых деятелей ПОРП и Союза польской молодежи (СПМ — польского комсомола).



Люди с традиционно правыми политическими убеждениями не верили в коммунистов и перемены, которые от них исходили; по этой причине они, как правило, не приняли участия в левом антисталинистском движении второй половины 50-х (хотя кампанию за реабилитацию репрессированных бойцов Армии Крайовой начал как раз левый революционный журнал «По просту»). Правые в это время стояли во главе формирующегося массового движения в защиту католической Церкви, по-прежнему подвергавшейся гонениям. Это движение оказалось жизнеспособным и эффективным и сыграло первостепенную роль в борьбе за духовную суверенность поляков.

Варшава—Будапешт

В июне 1956 г. по инициативе местной профсоюзной и части партийной организации паровозостроительного завода в Познани началась забастовка, которая быстро перешла в уличные демонстрации. Рабочий протест был кроваво подавлен. В ЦК ПОРП, а также в партийных инстанциях различных уровней мнения резко разделились: чем были познанские события — выступлением против социалистического государства или справедливым бунтом рабочего класса? В результате представители партийных кругов начали более активно участвовать в разнообразных общественных движениях, прямо или косвенно связанных с внутрипартийными фракциями.

Среди них самое большое значение имело движение «рабочих советов», боровшееся за лишение правящей бюрократии власти над средствами производства. Руководителем этого движения был деятель СПМ Лешек Гоздик, фрезеровщик варшавского завода легковых автомобилей, избранный на своем предприятии секретарем парторганизации. Движение «рабочих советов» сыграло важную роль и в венгерской революции 1956 года. Четверть века спустя «Солидарность», развив эту идею, выдвинула на ведущее место в своей программе создание «Самоуправляющейся Речи Посполитой».

Польское общественное движение середины 50-х годов было инициировано деятелями партии и комсомола, но уже с июня 1956 г. оно стало подлинно массовым и общенациональным. Его апофеозом стал состоявшийся в октябре 1956 г. VIII пленум ЦК ПОРП. Первым секретарем ЦК на нем был избран довоенный кадровый коммунист

Владислав Гомулка — к сожалению, человек, не терпящий возражений, догматик, приверженец скорее власти как таковой, нежели идеи. Однако еще до начала VIII пленума первый секретарь Варшавского горкома ПОРП Стефан Шашевский, довоенный коммунист и узник советских лагерей, распространил в столице список нового состава ЦК. Для этого он воспользовался нами — то есть группой, которая в то время называла себя «молодые коммунисты».

Когда на варшавский пленум прибыла делегация ЦК КПСС во главе с Н.С.Хрущевым и главнокомандующим вооруженными силами стран Варшавского договора И.И.Якубовским, ЦК ПОРП не допустил советскую делегацию в зал заседаний. На переговоры были направлены, в частности, сам Гомулка и Эдвард Охав — прежний первый секретарь ЦК, тоже кадровый деятель КПП и бывший эзк. В то же время на Варшаву двинулись размещенные в Польше советские танковые дивизии и польские части под командованием министра обороны ПНР, маршала СССР К.К.Рокоссовского, тоже бывшего эзка. Охав в этот момент проявил необычайную смелость, заявив Хрущеву, что столица будет обороняться. Вблизи Варшавы были расквартированы войска, подчиняющиеся министерству общественной безопасности, которыми командовали генералы Вацлав Комар и Юлиуш Хибнер, бывшие бойцы испанских интербригад. Разумеется, Хрущев хотел избежать непопулярной войны с Польшей. Однако, как выяснилось через некоторое время в Венгрии, он соблюдал главное правило советской бюрократии постсталинского периода: применять террор только тогда — но всякий раз! — когда под угрозой находится ее власть.

Революция в Будапеште началась как отклик на «польскую революцию» — так называли наше движение мы, «молодые коммунисты», — после того, как органы госбезопасности атаковали толпу, возложившую венки к памятнику генерала Бема (поляка, одного из вождей венгерской революции 1848 г.) и проводившую демонстрацию перед зданием парламента. Во главе венгерского движения стал недавний политзаключенный, кадровый коммунист Имре Надь. Но в этом движении коммунисты были в меньшинстве. Среди вновь образованных и возродившихся партий самой сильной была Партия мелких собственников, опиравшаяся на католическую Церковь. Находящиеся в Буда-



пеште польские и западные журналисты считали, что коммунизм в Венгрии рухнул бесповоротно. Для бюрократии в советском блоке это стало сигналом тревоги. Хрущев получил секретное одобрение вооруженной интервенции от руководителей всех стран «социалистического лагеря». Говорят, что с поддержкой выступил также Тито, а президент США, надо полагать, был проинформирован о планах интервенции.

Неизвестно, что пообещал Гомулка Хрущеву во время переговоров в октябре 1956 года. Но зато известно, что, воспользовавшись своим авторитетом и распространенной СМИ картиной кровавой расправы с венгерской революцией, Гомулка сумел заблокировать общественные инициативы нашей, польской революции. При этом, однако, он начал с освобождения из-под ареста примаса Польши кардинала Стефана Вышинского (с 1953 г. кардинал Вышинский содержался под стражей в монастыре. — Ред.), который, по очевидным причинам стремясь уберечь Польшу от советской интервенции, поддерживал Гомулку на выборах в Сейм 1957 года.

Во время предвыборной кампании Гомулка призвал население голосовать, не вычеркивая никого из кандидатов, а наша революция была направлена как раз против подобных манипуляций. В результате поляки вычеркивали кандидатов, фамилии которых были помещены в избирательных списках на так называемых «внемандатных» местах (то есть после основных кандидатов, число которых строго соответствовало числу мандатов в данном округе. — *Пер.*). Так в органы власти не попали Гоздик и другие представители левых сил — участники «польского октября».

1968 год

В рассматриваемую здесь эпоху крупных общественных движений всемирного масштаба усиливались также социальные группы аппарата власти — как на Востоке, так и на Западе. Бюрократы на Западе завидовали почти неподконтрольной власти бюрократов на Востоке, а те в свою очередь — частной собственности, экономической динамике и стабильности уровня жизни. При этом у аппаратчиков по обе стороны «железного занавеса» было сильно развито чувство общей групповой солидарности. Руководствуясь интересами своих обществ, а также своими групповыми интересами, они систематически — и все более эффективно — вступали в сговор друг с другом, не

переставая при этом подчеркивать свои непримиримые идеологические различия и культивировать миф взаимной вражды.

Неприкрытое преступление против венгерской революции и поражение польского революционного движения положили начало полной компрометации советского блока в глазах мирового коммунистического движения и даже среди умеренно ориентированных на советский лагерь антивоенных и национально-освободительных движений. Это стало началом конца эпохи общественных движений.

В марте 1965 г. было обнародовано «Открытое письмо к членам ПОРП» Яцека Куроня и Кароля Модзелевского — по-видимому, последний по времени строгий анализ советского тоталитаризма в марксистских категориях. Это письмо, переведенное почти на все языки мира, значительно укрепило антисоветские тенденции в революционных движениях. Мы писали, что освобождение рабочего класса — то есть, с точки зрения марксистского подхода, каждого человека, — станет возможным только в результате совместного выступления всех узников «социалистического лагеря», в первую очередь русских. Мы указывали также на вышеупомянутый союз советской и западной бюрократии.

Весной 1968 г. общественное движение студентов и интеллигенции преградило дорогу попытке провести националистические и антисемитские преобразования в аппарате власти. Эту попытку можно смело назвать антикоммунистической и, таким образом, близкой настроениям значительной части поляков. Студенческое движение было начато и в течение некоторого времени шло за молодежью, связанной с авторами «Открытого письма», но критически относившейся к его программному содержанию, восходящему к традициям революционных левых партий, — тогда как инициаторы движения пытались обозначить свое политическое лицо, опираясь, в частности, на традиции либеральной демократии.

Однако мартовское студенческое движение вскоре превратилось в подлинно массовое, и в нем начали доминировать более «представительные» тенденции. Знакомясь в следственной тюрьме с материалами своего дела, я анализировал различные документы и в результате пришел к выводу, что частые ссылки авторов студенческих деклараций на «социализм», а также на действовавшую



тогда конституцию были вполне искренними. Иначе говоря, они отражали фактическое состояние умов, а не были продиктованы чисто тактическими соображениями.

Той же весной 1968 г. в Чехословакии прозвучал последний мощный аккорд движения за «социализм с человеческим лицом», получивший название «Пражской весны». Несомненно, это было самое зрелое явление, начатое по инициативе и под руководством коммунистов и вобравшее в себя весь опыт прежних массовых антибюрократических выступлений. В условиях постоянного советского давления чехословацкое общество сплотилось вокруг законно избранного руководства коммунистической партии и даже во время интервенции войск Варшавского договора тщательно соблюдало демократические процедуры.

Как и многие мои чешские и словацкие друзья, я убежден, что интернированные в Москве руководители КПЧ, подписывая заявление, в которой выражалось согласие с вооруженной интервенцией стран Варшавского договора, стремились избежать повторения в Чехословакии кровавой расправы, которую испытала на себе Венгрия. Мы никогда не узнаем, правильно ли они поступили. Однако гражданское движение чехов и словаков перед лицом капитуляции их вождей быстро заглохло. Символом этого самоубийства массового движения стало самосожжение Яна Палаха.

В декабре 1970 г. польские рабочие Балтийского побережья выступили против повышения цен на продукты питания, требуя права создавать независимые профсоюзы. Забастовки и демонстрации были кроваво подавлены. Правящая бюрократия возложила ответственность за эти события на Гомулку, который был снят с поста первого секретаря ЦК. Это был весьма серьезный сигнал, свидетельствующий о том, что общество может ограничивать всевластие бюрократии.

Правозащитная революция

Характерными особенностями советской экономики была изолированность от мирового рынка (за исключением импорта необходимых компонентов производства в обмен на экспорт сырья) и экстенсивное развитие. В начале 70-х стало ясно, что резервы подобного развития себя исчерпали. Бюрократия, противостоявшая консервативным течениям, начала поиски источников интенсивного развития. Это послужило аргументом

в пользу ограничения террора, обоснованием массового потребления как стимула к повышению эффективности и стало причиной поисков сближения с западной бюрократией. На этом пути изыскивались также возможности сдержать гонку вооружений, получить западные кредиты и даже предпринимались попытки перенять образцы капиталистической свободной инициативы.

Все эти поиски, предпринятые во имя экономического роста, стимулировали формирование в странах социалистического лагеря общественных движений, выдвигавших лозунги улучшения условий жизни, свободы и независимости. Бюрократия советского блока с конца 50-х уже неохотно прибегала к насильственным методам. Она предпочитала «упреждать» грозящие ей опасности, то есть идти на уступки. Дополнительным результатом подобной политики стала растущая зависимость советской бюрократии от западной.

Поэтому государства восточного блока уже в 1964 г. выступили с инициативой созыва Конференции по безопасности и сотрудничеству в Европе (КБСЕ), на что западные державы выразили согласие при условии, что на конференции будут обсуждаться вопросы, относящиеся к правам человека, контактам между людьми и свободному распространению информации. Они потребовали также начала переговоров между НАТО и Организацией Варшавского договора о сокращении обычных вооруженных сил в Европе.

Невозможно переоценить значение Заключительного акта КБСЕ, подписанного в Хельсинки в 1975 году. Крупнейшие мировые державы еще раз заявили о своей безусловной приверженности Всеобщей декларации прав человека. Однако бюрократия советского блока не собиралась соблюдать ту часть Заключительного акта, которая относилась к гражданским правам и свободам. В свою очередь западной бюрократии — за исключением наиболее развитых стран — оказалось нелегко соблюдать зафиксированные в этом документе право на труд и образование.

Все это не изменяет того факта, что общественные движения во всем мире могли отныне ссылаться на Заключительный акт КБСЕ, чтобы выдвигать требования по адресу своих правительств. Этот документ, вне всякого сомнения, способствовал разложению советской тоталитарной системы, а также падению недемократических режимов в странах западной сферы влияния.



В последние годы реального социализма в Польше сформировалось широкое общественное течение, ядром которого стал Комитет общественной самозащиты КОР, а затем — гигантское массовое движение «Солидарность», поддержанное католической Церковью. Не подлежит сомнению, что для развития этих движений огромное значение имело гуманистическое учительство Иоанна Павла II и его первое паломничество в Польшу.

КОС-КОР и «Солидарность», будучи несомненно новаторскими движениями, ищущими новые формы общественного сотрудничества, теоретически могли бы считаться левыми движениями. Нельзя, однако, забывать, что они были направлены против бюрократии, использующей левую фразеологию, и большинство участников этих движений считали себя противниками левых.

Поскольку «Солидарность» возникла как мощное движение за повышение зарплаты, ее триумф повлек за собой резкое нарушение сбалансированности рынка. Этот факт умело использовала контрреволюция «прагматиков», которая одержала верх после введения военного положения 13 декабря 1981 года.

Агония системы

Общая цель всех современных общественных движений совпадает с чаяниями всех людей — создать такой мир, такое сообщество, где могли бы реализоваться стремления каждого индивидуума. Тоталитарные системы лишь имитируют эту цель: под личиной мира-сообщества они предлагают нам централизованное управление общественной жизнью. В этом факте и кроется сила тоталитарных режимов, поэтому они и пользуются общественной поддержкой.

Однако практика общественной жизни на протяжении последнего полувека все более обнажала ложь, на которую опиралась советская система. Поэтому ослабевала и ее общественная поддержка, а усиливались движения противников системы. Эти движения сосредотачивались вокруг борьбы за национальную суверенность, рабочее самоуправление на предприятиях, а также за введение элементов рыночной экономики.

Государственная бюрократия искореняет все неподконтрольные ей общественные движения. В демократических странах бюрократия стремится к максимальной эффективности управления благодаря различным формам скрытого ограничения законодательной власти в пользу исполнитель-

ной. В странах советского блока бюрократия стояла у власти в условиях системы, которая быстро утрачивала эффективность — в частности, в результате ослабевающей общественной поддержки и растущего давления масс, требующих доступа к потребительским благам. Стремясь получить общественную поддержку, бюрократы использовали призывы к национальному самоопределению или националистические лозунги. Стремясь повысить экономическую эффективность, они обращались к методам рыночной экономики. Все это происходило на фоне внутренней борьбы между группами «новаторов» и «консерваторов». Однако до тех пор, пока попытки реформ оставались робкими и половинчатыми, они не имели никаких шансов на успех.

Стоит обратить внимание, что с 70-х годов советский экспорт (необходимый для импорта компонентов производства) состоял почти исключительно из нефти. Однако в середине 80-х наступило падение цен на нефть на мировых рынках и одновременно начали исчерпываться ее запасы, добываемые в СССР. Можно предположить, что это было одним из факторов, ускоривших формирование внутри правящего аппарата в СССР и странах «социалистического лагеря» группы «новаторов», задумавшей сочетать национальные лозунги с элементами демократии, а рыночные тенденции — со стремлением к присвоению государственной собственности.

Тоталитаризм, как и все другие социально-экономические системы, пришел к власти благодаря общественному движению, и победить его, создав новую систему, можно было лишь тем же самым способом. Именно для того, чтобы положить начало такому общественному движению, аппаратная группа, во главе которой стоял Михаил Горбачев, выступила с инициативой «перестройки».

Первый, самый знаменательный шаг в направлении преобразований был сделан в Польше — стране самых сильных общественных движений. Здесь, где благодаря широчайшей социальной базе эти движения включали в себя даже некоторых деятелей правящей партии, сформировалось наиболее зрелое новаторское крыло в аппарате власти. В 1988 г. его руководители обратились к руководству «Солидарности» и Церкви с предложением о переговорах. Несколько месяцев спустя начались переговоры «круглого стола». По пути, намеченному Польшей, одна за другой пошли и остальные страны советского блока.



А все могло бы сложиться по-другому...

Крушение советского блока создало во всем мире иллюзию, будто сама идея освобождения труда скомпрометирована, а либерально-консервативная идеология торжествует. В посткоммунистических странах люди ожидали, что на них хлынет широкий поток потребительских благ, а старые и новые аппаратчики верили, что этого можно добиться путем введения правил свободного рынка и проведения быстрой приватизации. Однако приватизация — в ситуации отказа от концепции рабочего самоуправления и отсутствия капиталистов — по необходимости означала переход собственности в руки старой номенклатуры.

Этот процесс шел тем интенсивнее, чем слабее были традиции общественных движений и демократических институтов: достаточно взглянуть на Россию. В странах со сравнительно прочной традицией общественных движений (в Чехии, Польше, Венгрии), но в условиях отсутствия рабочего самоуправления, фактором, ограничивающим присвоение государственной собственности старой бюрократией, стала приватизация в пользу новой бюрократии.

Если бы мы, деятели прежней «Солидарности», сумели на пороге независимости организовать движение за рабочее самоуправление и широкое общественное движение за преобразование отношений собственности, тогда у нас был бы шанс не допустить превращения бюрократии в класс новых собственников. Я имею здесь в виду

создание известной также в Польше «демократии для собственников», различные формы которой с большим или меньшим успехом используются в некоторых странах (участие работников в собственности предприятия и в управлении им). Я не хочу здесь обсуждать вопрос, является ли такая модель сама по себе конечной целью или служит лишь общественному контролю за процессом приватизации. Во всяком случае, она отнюдь не должна приводить к снижению производительности труда, а может даже способствовать ее росту.

К сожалению, мы не сумели сделать это. Переговоры «Солидарности» с правительством и организациями работодателей о пакете законов в рамках так называемого «Пакта о государственном предприятии в процессе преобразования» были начаты слишком поздно (в конце 1992 г.) и велись слишком робко. Что еще хуже: мы позволили старой и новой бюрократии в ходе голосования в Сейме исключить из «Пакта» его важнейший элемент — представительство рабочих коллективов в контрольных советах предприятий.

В результате получилось, что мы совместными усилиями построили не гражданское общественное устройство, а бюрократическое — по капиталистическому и полудемократическому образцу. Таким образом, именно мы, политики, несем ответственность за царящие сегодня несправедливые общественные отношения, вездесущую коррупцию и прогнившую политическую жизнь.

*Фрагменты из книги «Действие» (Вроцлав, 2002)
и публикаций в «Газете wyborчей»*

**Станислав Игнаций
Виткевич**



HUT AB, MEINE HERREN — EIN GENIE!

Слово о живописи Бронислава Линке

«Hut ab, meine Herren — ein Genie!»* — так некогда сказал Роберт Шуман, впервые услышав какое-то «Рондо» Шопена, одно из первых его сочинений, где, кажется, еще не очертились так зримо для всех его творческие возможности. Toute «DIS»-proportion gardée — (четко: «dis») — говорю я à propos появления на нашем довольно бесцветном горизонте художнических индивидуальностей картин Бронислава Линке, выставка которых, в сравнении с величиной и необычной интенсивностью этого феномена, прошла в ИПИ** почти без отклика. Что-то там было о ней в каких-то журналах написано, но это не выходило за пределы нашей обычной критической (или псевдокритической) болтовни. (...)

Моя живопись как Чистое Искусство (в моем определении этого слова) не удалась, я стал психологическим портретистом (а это своего рода прикладное искусство), и все же я, кажется, настолько разбираюсь в живописи, чтобы суметь сообщить, что мы прозевали появление [чего-то столь]*** небывалого, как качество таланта, который я, принимая во внимание всю неопределенность терминов и сложность того, чему они соответствуют, скорее назвал бы г е н и е м . Я определяю этот шаткий (как всё в оценке произведений искусства, несмотря на возможность общих железных теоретических оснований) термин так:

1) талант, т.е. формальные колористические и рисовальные способности, способность делать то, что хочешь, то, что видишь в своем воображении, — в высшей степени, проверяемой совершенством хотя бы воспроизведения фантастически усиленной действительности; это критерий объективный, безотказный;



Бронислав Линке *Автопортрет*

* «Шляпы долой, господа, — это гений!» (нем.) — *Здесь и далее прим. пер.*

** Институт пропаганды искусства, основанный в 1930 г. в Варшаве группой художников и искусствоведов.

*** В квадратных скобках — вставки переводчика.



Бронислав Линке *Эль моде рахши*

смешанного фона; даже как несамостоятельный момент она не существует: она всосана, впитана в целостность картины, которая остается только и единственно представителем усиленной, вплоть до границ взрыва и «разрыва» на части», к а к о й - т о действительности — разумеется, не нашей, хотя видение Линке вырастает прямо из нее. Конечно, это не подразумевает никакого множества действительностей типа Хвистека****: я использую слово «другая», «какая-то» действительность в мягком, не одичалом смысле жизненного взгляда.

2) душевное богатство, может быть, зауженное в тематике, но в некоторых сферах, которые я опишу дальше, просто невероятное;

3) способность видеть фантастические, своеобразные миры чуть ли не четче, чем окружающую действительность (это тоже поддается проверке);

4) ощущение тайны и ужаса существования, без которого, вопреки нашим «упростителям», нет великого творчества, и не только формального: не только нет Чистого Искусства, но и творчества в рамках самым широким образом (то есть не только фотографически) понимаемого реализма.

Ввиду классической нехватки места ограничусь несколькими заметками. Творчество Линке — это не Чистое Искусство по моему определению; цель — не формальная конструкция, действующая непосредственно самой конструктивностью и тем самым выражающая разными способами сущность бытия — бытия как единства во множестве, воплощаемого в каждом живом индивиду, в единстве его личности и множестве его переживаний. Творчество Линке я не могу зачислить в Чистое Искусство — лишь в «прикладное» в широком смысле слова, не ограничивающимся лишь декоративностью. Это живописное творчество, скорее красочно-графическое (карандаши, смешанные с акварелью, при неслыханном богатстве технических приемов, похоже, до сих пор в этой сфере неизвестных), стоящее исключительно на службе содержания. Композиция не располагается здесь отдельно — даже как второстепенный продукт, который главным образом должен это содержание охватывать и усиливать, — нет, даже не это: она так соединена с содержанием как средство его выражения, что и на мгновение нельзя извлечь ее как таковую из

**** Леон Хвистек (1884-1944) — логик, математик, живописец, член группы художников «Новые формисты», теоретик польского авангарда. Автор теории «множества действительностей», выделяющей четыре типа познания: повседневное, научное, психологическое и художественное, или религиозное. На основе своей теории создал типологию современного искусства, разделив его на примитивное, реалистическое, импрессионистическое и визионерски-творческое.



Единственное из известных названий, которое у меня, как говорится, «на кончике языка», когда я смотрю на картины Линке, — это *surréalisme* (как его перевести? — «сюрреализм», «надреализм» или, может быть, «наддействительник», «над-действительнозрение»); если бы этот термин не был банализирован и чересчур расширен несслыханным разнообразием того, что им называют, например, во Франции, то он довольно точно соответствовал бы тому, что хочется с его помощью выразить. Но это сразу подразумевает принадлежность к какой-то школе. А Линке сам по себе — школа и класс, и, пожалуй, высший класс. Разумеется: на ум приходит Георг Грос и французско-испанские сюрреалисты (оригиналов которых я, к сожалению, не знаю) и разные демонологи от Гойи до Ропса и Мунка, но тут не может быть и речи о влияниях — перед лицом этой напряженности чистого «линкеизма» можно говорить лишь о конгениальности; вещи такой интенсивности могут возникать лишь из самого глубокого нутра данного индивида, а отнюдь не из какой-то, хотя бы самой совершенной переработки чьей-то начинки или формы.

Тема картин Линке — наша современная ужасная, изолгавшаяся, тошнотворно-демократическая действительность (...). Того, кто ненавидит переросший в злокачественную опухоль капитализм и связанный с ним милитаризм, не обязательно считать «опасным» (?) подрывным элементом. Если истина состоит в том, что капитал способен организовать нашу экономическую жизнь на принципах всеобщего блага и справедливости и если война — это счастье и творческая мощь, то Линке — воистину крайне опасный духовный подрывной элемент. Но кто, «положа руку на сердце», подтвердит этот тезис? — пожалуй, ни один честный и разумный человек не сможет этого сделать. К выражению этих вещей, до сих пор не встречавшегося в такой мощи, прибавляются откровения других чудовищностей нашего бытия, в большинстве своем — функции вышеназванных факторов.

Кому-то придет в голову упрекнуть Линке, что он не живописует «какие-нибудь прелестные уголки», или мило улыбающиеся «личики детворы», или «доброе старого слугу, подающего усатому хозяину пыльную бутылку», или зайцев в эротическом трансе, — ничего не поделаешь. Он видит оком ясновидца всю жуть нашей эпохи, где обезумевшее человечество сражается с собственным безумием, душа самое себя за горло, как злейшего врага — ибо оно и есть свой собственный враг, несмотря на то что так себя любит, — в этом-то и заключается трагедия и известное величие, без которого было бы уж слишком гнило, смрадно, лживо и пакостно. Даже цилиндрово-лангустовые политики ужаснулись и слегка побледнели: цилиндры зашатались на их мудрых, бессильных лбах.

Но за этим первым слоем злободневной чудовищности просвечивает чудовищность иного рода, метафизическая жуть существования с его множеством обреченных на вечное одиночество Отдельных Существований, личных бытий, которые [живут?] в общественном скоплении, в вере во что бы то ни было, от тотемов до трансцендентного единства бытия, в чувствах к себе самим и себе подобным другим созданиям (у нас, к счастью, также противоположного пола — о, бедные наши делящиеся клетки!), — эти два слоя, из которых первый, кроме своей символичности в отношении к злободневной действительности, — еще и тот медиум, посредством которого удастся узреть Тайну Бытия в ее глубочайшей непонятности, не позволяющей растворить себя без остатка ни в какой, пусть самой утешительной системе понятий.

У Линке нет ничего от художника в моем значении — есть до безумия страдающий человек и гениальный живописец, который эту свою боль стремится привить другим, может быть, располагающим более реальными средствами изменить условия человеческого существования. А кроме этих двух элементов есть в Линке бессознательный метафизик (в хорошем смысле слова), который знает, что проблема одиночества не будет решена никогда и смиряется перед необходимостью более важной,



Бронислав Линке Эксиборис



нежели сопряженность того или иного шарика в пространствах мира, данного вида животных (мыслящих, т.е. оперирующих знаками, имеющими значения), данного народа, того или иного класса. Хотя и в этих сферах есть законы, в значении Корнелиуса**** трансцендентные, и Линке, похоже, видит их вечный, запутанный смысл.

А вдобавок к этому адское в своей надреальности восприятие предметов нашего мира, после рассмотрения которых через этот «линкескоп» (был такой объектив Фойгтлендера до войны) реальный мир выглядит каким-то плоским, не вполне обладающим тремя измерениями, бледным, мягким, тихим, как куриный бульон после каких-то чудовищных астральных бифштексов, загорченных и засоусенных изделиями кухни самого Вельзевула. Каждый камушек мостовой, каждое колечко в каких-то сверхмашинах из пейотловых***** видений, каждый материальный стебелек исполнены в совершенстве с какой-то прямо сатанинской влюбленностью в изображаемую материю и живописный материал (бумагу, карандаш, краски и т.п.), что составляет такой важный элемент у так называемого, черт знает почему, «пластика». Восприятие формы хамелеонски меняется в зависимости от требований содержания: это не какая-то паршивая стилизация, единообразящая «гнилой зуб старухи», василек у дороги и кусок навоза в одно псевдохудожественное целое, — это невероятное применение столь по существу скромных живописных средств ради того, чтобы изобразить это головокружительное разнообразие характеров, которые приобретает материя Линке в зависимости от того, что примечалось ему описать изделиями своей дикой фантазии.

Пример: картина под названием «Министр» — названия здесь обязательны. Деревянный паяц с надреальной головой и вылупившиеся в акте какой-то гиперсуперэкстралояльности и лизоблюдства глаза, запечаточенная в белое рука держит портфель, в котором каждое волокно кожаной плетенки как будто кричит о компромиссах власти. Морда, завязанная остервенело толстой, вгрызающейся до самой кости веревкой. От этого паяца идет веревка вниз, в подземелья: картина рассечена на два этажа в разрезе. Веревка держит двух ужасных финансистов родом не из нашего мира: глаза их «подмигивают» друг другу с прогнанных, зелено-фиолетовых рож невероятно хитро, с каким-то сатанинским всеведением самых тайных дел Золотого Тельца и его заместителя — бумажного тряпья. Таким тряпьем окутаны эти хавалы-халудяны, как одеялами, и надо видеть, с какой точностью и любовью к технике «сработаны» эти деньги, так что производят впечатление, будто на картину наклеены настоящие, грязные полотношница банкнот.

Это лишь попытка — невозможно описать то ужасающее настроение, какое возбуждают эти картины. На это потребовались бы целые тома.

Перед нами проходят целые десятки (выставка насчитывала около шестидесяти штук) таких кошмаров — одни мощнее других в выразительности, а принципиальная их нота — чудовищность жизни, в которой пока что побеждает переодетый пророком, дегенерировавший, мерзкий, смердящий старческим трупным духом Люцифер, некогда прекрасный и чарующий Князь Тьмы.

А представляет нам эти ужасные картоны скромненький, шуплый, молодой шизоид в очках, и просто невозможно поверить, что через него-то и переваливается этот дьявольский гомон***** видений, нагруженных самыми бурными эмоциями, охватывающими все человечество. Только глядящие из-за этих очков слегка косые, серо-голубые, большие глаза знаменуют того, кто все это создал: бездонная тайна механизма этой «души», творящей единство с такой «системой» (как называют тело островитяне-англичане), на мгновение мерцает нам в этом взгляде.

«Тыгодник иллюстрированный», 1930. №8-9

Станислав Игнаций Виткевич [Виткаций] (24.02.1885-18.09.1939), выдающийся польский художник, писатель, драматург, теоретик искусства, видная фигура польского авангарда межвоенного периода. «Новая Польша» писала о нем многократно.

****Может быть, имеется в виду немецкий художник Петер фон Корнелиус (1783-1867), автор фресок на исторические и религиозные темы.

***** Пейотл — мексиканское растение, из которого извлекают галлюциноген мескалин.

***** По-русски в тексте.



Збигнев Мицнер

ВСПОМИНАЯ БРОНИСЛАВА ЛИНКЕ

— Позвоните и зайдите к нам как-нибудь, Бронек очень обрадуется, — пригласила нас Анна Линке, когда я случайно встретил ее возле газетного киоска на Свентоянской, напротив кафедрального собора.

Мы не позвонили и не зашли. Я разговаривал с ней весной. Теперь осень. Оказывается, нельзя пренебрегать такими приглашениями. Время не только уходит, но и забирает с собой близких нам людей. Нет уже среди нас Бронислава Линке.

А ведь, казалось бы, так недавно, еще вчера, я поднимался по крутой лестнице известного, до сих пор стоящего на своем месте дома методистов на углу Мокотовской и площади Спасителя. Там, на двух последних этажах, размещались однокомнатные квартиры без кухни. В одной из них жил Линке. Тогда он был одинок — и как человек, и как художник. Мне было довольно тяжело уговорить его сотрудничать с недавно созданными «Шпильками». Однако мой труд не пропал даром: в довоенных «Шпильках» Линке опубликовал множество замечательных рисунков, принесших ему популярность.

Не все рисунки могли быть напечатаны. Линке рисовал, не слишком считаясь с условиями цензуры. Однажды он прислал в редакцию рисунок, представляющий карту Польши с вписанной в нее головой ребенка, из глаз которого текли две большие слезы. В лицо ребенка были воткнуты два штыка — там, где Львов и Ченстохова, места кровавых расправ полиции с рабочими.

Когда после войны он вернулся из Советского Союза и поселился в Жолибоже — уже не один, с Аней, — мы некоторое время были близкими соседями. В то время Бронек стал для меня кем-то совершенно иным. Это был веселый, милый человек. Мы попивали водку или кофе, рассказывали анекдоты. Водки бывало больше, чем закуски: Линке был беден. Впрочем, деньги к нему никогда не шли, и он отвечал им тем же: не обращал на них внимания.

Он называл себя анархистом. На самом же деле, пожалуй, не было в Польше художника, который бы добровольно принял столь суровые, более чем монастырские правила — в жизни и в искусстве. Рассматривая картины и рисунки Линке, мы легко заметим, что их создатель никогда не шел на



Бронислав Линке *Возвращение*
Рисунок, подаренный Брониславом Линке
Збигневу Мицнеру



Бронислав Линке *Мост*



Бронислав Линке *Пустое*

поводу ни у какой схемы, ни у какой моды. Он всегда оставался собой, был верен самому себе, что, как известно, вовсе не так уж просто. У Линке была своя собственная картина мира. В этом созданном им мире, соответствующем реальному миру, он наказывал несправедливость и доходил до сути вещей — так же, как он сдирает со своих стен не только краску и штукатурку, но и кирпичи, обнажая железобетонные конструкции. На своих рисунках он сдирает с людей кожу, чтобы показать, как течет кровь в жилах.

Он был верен своей судьбе — нелегкой судьбе художника не такого, как все, не вмещающегося ни в какие формулы. Формулы менялись — Линке оставался самим собой. Он развивался, совершенствовался, но по своим собственным, внутренним, им же самим созданным законам. О некоторых художниках справедливо говорят, что они незаменимы. Это не похвала, а высшее звание. Незаменим тот, кто умеет создать нечто существенно новое. Таким художником был Бронислав Линке.

Его мир был грозным, хищным. И все же это был наш мир, увиденный глазами человека, чья ненависть ко всякому злу, к фашизму, войне, преступлению не была ни горькой, ни одинокой. Ей неизменно сопутствовала великая любовь к людям. Он был революционным художником, считавшим, что для обоснования своей позиции ему не нужны слова. Он был художником исключительным, стоявшим особняком не только в польском, но, пожалуй, и в мировом искусстве.

Теперь мы осознаем это совершенно явственно. Теперь, когда его уже нет среди нас. Пока он жил, мы воспринимали его искусство как тревожащий нас, но необходимый элемент нашей жизни. Когда его не стало, мы ощутили возникшую пустоту.

Наверное, мы еще не раз подумаем: «Ах, это мог бы нарисовать только Линке!» Но Линке уже ничего не нарисует. Наше видение мира, наш гнев и наш протест обеднели. Всем нам недостает искусства и фантазии Бронислава Линке. Будем же скорбеть о Линке. И будем скорбеть о самих себе.

Збигнев Мицнер (1910-1968) — известный журналист и фельетонист, основавший в 1935 г. левый сатирический журнал «Шпильки». Статья напечатана в варшавском журнале «Культура» 14 октября 1962 года.



Ида Лотоцкая

МОРФОЛОГИЯ ВПЕЧАТЛИТЕЛЬНОСТИ

Огромные, ужасающе глубокие голубые глаза, свет радужной оболочки, напоминающий взрывы, пламенно-алые волосы, вместо кожи белая сеть нервов, в которую вплетены образы мира, — это «Белая голова» Бронислава Войцеха Линке. Картина написана в 1962-м — в год смерти художника.

Писатель Войцех Жукровский в «Эскизе к портрету» называет Линке «зеркалом эпохи, неподкупным зеркалом» и вспоминает, что на двери его мастерской висела принесенная из лесу доска: «Не входить, территория охвачена подпочкой». Приняв во внимание, что в этой мастерской возникало искусство, шедшее из глубины человеческих испытаний и, словно соки жизни, оставлявшее материю, это предупреждение было как нельзя более уместно. Труд живописца и графика рождается из столкновения этически бескомпромиссного характера с действительностью. Конфронтация с диагнозом действительности — дело нелегкое, особенно если учесть, что автору пришлось участвовать в апокалиптических событиях эпохи.



Бронислав Линке *Голова*

Он родился в Дерпте 23 апреля 1906 года. В 1919 г. приехал в Польшу, привозя с собой кошмары войны, виденной глазами ребенка. Быть может, эти переживания обострили его впечатлительность, влияя на специфический образ отражаемого в искусстве мира. Болезненную, катастрофическую оптику дополнила трагедия II Мировой войны. Переполненное ужасом воображение в сочетании с необычайным мастерством (которое Линке приобрел в Государственном училище художественных промыслов в Быдгоще и Кракове и в варшавском Училище изобразительных искусств) позволило ему достичь сильной художественной выразительности. Еще во время учебы (1926-1931) Линке участвовал во многих студенческих показах, а будучи членом художественной группы «Ложа свобод-



Бронислав Линке *Современность*

ных художников» — во многих всепольских выставках. В 1936-1938 гг. он выставял свои работы в Англии, Швеции и Москве. В это время он делал сатирические рисунки для левых журналов.

Войну Линке провел в Советском Союзе, в деревне Чебоксаны на Волге, а затем в Орске. Там он занимался оформлением спектаклей и утилитарной пропагандистской графикой. В 1946 г. он вернулся в Варшаву. Еще в Орске под влиянием вести об умерщвляемой столице он начал делать эскизы к варшавской эпитафии. Картина руин, которую он застал вернувшись, с их апокалиптической памятью и как бы посмертной жизнью, он увековечил в цикле рисунков и акварелей «Камни вопиют», который вышел отдельным альбомом в 1956 году.

Линке сотрудничал с варшавскими журналами как график и карикатурист, но в мастерской писал картины, делал рисунки, маски и макеты фантастических кон-

струкций. Он оставался в стороне от всех мод и экспериментов в искусстве. В одиночестве он совершенствовал мастерство и работал над своим, совершенно оригинальным образом мира. Правда, Линке участвовал в выставках, но за премиями и государственными наградами не являлся, оставаясь верным своей интуиции не только в сфере творческих поисков, но и в сфере нравов общественной жизни, подчиненной тирании политики. Эта жизнь и стала главной темой его искусства.

Его искусство — ангажированное искусство, разоблачающее презрение к жизни и человеческим ценностям. Оно вытекает из этической позиции выслеживания зла, страдания, несправедливости, цинизма, глупости и всего того, что делает жизнь невыносимой и лишенной ценности, а у человека отнимает достоинство и само-стояние. Творческий метод столь же прозрачен и очевиден, сколь и идея, которой он служит. Линке не заботится о «чистой форме», подчиняя ее содержанию. Мастерское владение всеми средствами графики позволяет ему свободно и в совершенстве оперировать деталью, выразительностью линии, контрастом. Линке множит реалии и не пропускает ни одной подробности, которая могла бы уточнить тему, досказать истолкование. Такая социальная ревность выглядит родственной немецкому художественному движению 20-х гг. «Новая вещественность» и Георгу Гросу.



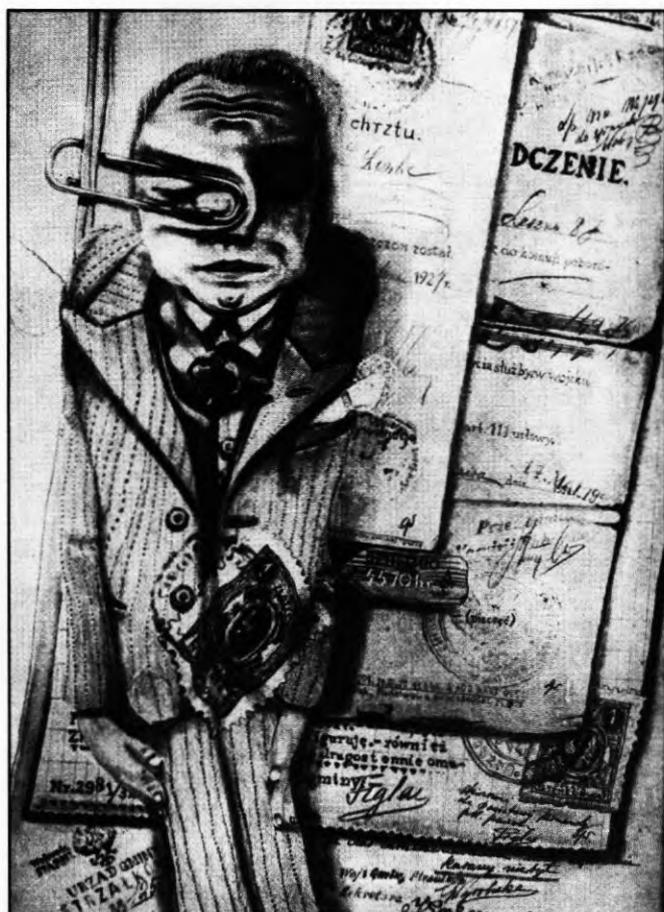
В карикатурах межвоенного периода, посвященных милитаризму, империализму, социальным отношениям во Второй Речи Посполитой и нужде пролетариата, Линке использует экстремальные, резкие ассоциации. Картина «Братская могила» (1933-1935), образ разлагающихся в канаве, искалеченных трупов солдат, оказывается пророческой, хотя и составляет комментарий к настроениям тогдашней политической арены. Акварель «Два лагеря» (1932) представляет конфронтацию милитаризованных правых с народом — бесформенной массой огромных, полных ужаса глаз, раскрытых ртов и плохо прочитываемых транспарантов. Здесь выражен не гнев, а ужас, беспомощность и отчаяние. Год 1938-й — «Япония прокладывает новые границы Китая», пополам перерезая человека ножом. Потрясает как замысел, так и выпадающие внутренности и гримасы на лицах жертвы. В голову приходит мысль, что так оно и могло бы выглядеть.



Бронислав Линке *Крокодил за закрытым окном*
Рисунок, выполненный во Львове в 1940 г.

Линке нас не щадит. Его человечность страдает — должна страдать и наша. Он морализирует с помощью грубой истины, поданной как можно резче. Ян Байковский в статье «Другая сторона медали», напечатанной в 1938 г. в журнале «Кроника Польски и свята» («Летопись Польши и мира»), определяет искусство Кете Кольвиц в сопоставлении с творчеством Линке как «наивный лиризм», а все советское программное изобразительное искусство — как «наивную коллективную демагогию». Автор статьи также обращает внимание на то, что художественная деятельность Линке — это проявление материалистического направления в изобразительном искусстве. Действительно, художник пользуется образом материи, ее разрушения и муки. Созданный им образ человека — это переполненные физической болью телесные отрепья. Он обращается к нашему опыту и знанию об осязаемом мире и к страхам, связанным с его смертью и распадом. Мир материи — это мир, данный нам непосредственно. У нас нет другого, чтобы понять друг друга, чтобы передать страх, отчаяние и боль. Именно этот мир мы обязаны хранить.

Гекатомба II Мировой войны дала художнику неопровержимые аргументы. Образы руин в цикле «Камни вопиют» антропоморфны. Это буквальное воплощение человека в материю. Ее страдание — это человеческое страдание, а онемелый от ужаса человек зажат в осколках опо-



Бронислав Линке *Заявление*

знаваемого мира. Руина здания с накинутым в молитвенном жесте еврейским талесом называется «Эль моле рахмим». На других акварелях развалины — это солдаты; в облик Иова вписан горящий город; возвращающийся в умерший город человек стоит на коленях, вытянув руки навстречу вытянутым рукам склонившейся над ним руины дома. Это образ полной синхронии человека с его уничтоженным миром. Богатство средств, использованных для показа этой экзистенциальной трагедии, огромно: от натуралистических до экспрессионистских и импрессионистских. Есть место и сарказму. Акварель «Мистерия» представляет рождение человека из вагины руин. Сцене аккомпанируют жуткие скрипачи — скелеты здания, а комментарием служат газетные заголовки — среди них: «В Варшаве вновь прибавилось населения».

Сарказм звучит и в иллюстрациях к поэме Юлиана Тувима «Бал в опере» (1936) — памфлету на положение в довоенной Польше и правительство санации. Это произведение Тувима стало в Польше парадигмой политической сатиры.

Пластическая артикуляция Линке, хотя и вписана в ритм стихов — поспешная, динамическая и очень экспрессивная, — и здесь не отказывается от экспрессивности детали.

Холодная война, ядерная угроза и преступления империализма доставляли Линке всё новые темы. Подчеркнутое, не оставляющее сомнений истолкование характеризует агитационные рисунки, сделанные по заказу журналов. Они совершенно тождественны названиям.

«Метание доллара (диска)» (1950) изображает скелет, кидающий, будто на спортивных соревнованиях, монету. По туманной улице, где на первом плане виден труп матери возле детской коляски, движется странное существо. Название определяет его: «Союзник — бактерия», победительница в бактериологической войне (1959). «Беззаботность» (1959) — портретированное с психологической трогательностью лицо девочки в контексте умноженных портретов Гитлера и эмблем фашизма. «Карусель» (1960) составлена из хоровода детей, скелетов и реквизитов цивилизации, кружащего вокруг атомного гриба. Диагноз «Земля весела» (1960) с образом земного шара, увенчанного руинами, окруженного цепью черепов и ракетно-взлетной полосой, воистину бесспорен. Чтобы подчеркнуть атмосферу угрозы и гибели, Линке применяет сопостав-



ление фантастических и кошмарных элементов с обычными предметами, повседневными реалиями улицы и общеизвестными лозунгами, использованными как названия. Это потрясает и отгалкивает: шокирующее и отвратительное — как наше общественное существование, как уготованная нам судьба, говорит Линке.

Как реагирует на это единичная человеческая впечатлительность, показывают более личные работы художника. Он использует в них метафору человеческого сердца как футбольного мяча, оживших марионеток, каменных глаз и голов, мух, охотящихся на гниль и распад, серого неба, дождя, моря крови, теней и привидений, прячущихся в фигурах людей. Его «брутализм» вытекает из конкретного опыта, но, претворенный средствами художественной выразительности, обретает огромную силу экспрессии. В писавшейся свыше двух лет (1959-1961) картине маслом, названной «Автобус», распоротый остов автобуса наполняют фигуры. Впереди сгрудились номенклатурные чины, сзади — серая, лишенная одежды и даже тела апатичная толпа. Это образ нищеты польского социалистического общества, которое не имеет понятия, куда оно движется под водительством водителя — деревянной куклы. Но, может быть, одновременно метафора судьбы цивилизации и современного мира? Произведения Линке потрясающе и воспринимаются

ясно, хотя сегодня у нас уже другие факты и другие символы цивилизационного варварства. Они позволяют нам осознать, что в мире людей даже самые страшные, самые



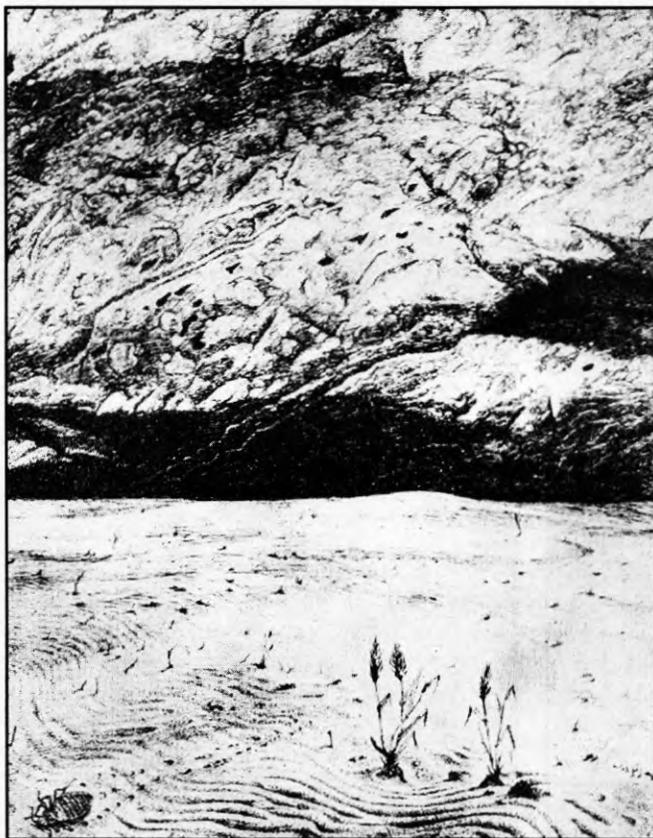
Бронислав Линке *Каменный кулак*



Бронислав Линке *Хамство*



Бронислав Линке *Бомбоубежце*

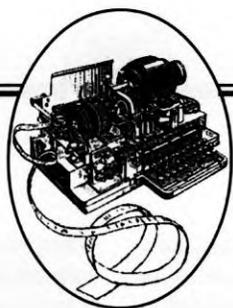


Бронислав Линке *Наши следы засылет песок*

фантастические видения в конце концов оказываются правдой. Художник занимался злободневностью, воспринимаемой в непосредственном опыте, а коснулся сути существования и философски диагностировал бытие. Это удастся лишь немногим.

Ассоциации искусства Линке с циклами рисунков Гойи «Ужасы войны» и «Капричос» возникают неизбежно. То же глухое отчаяние, тот же самый разрыв с безопасным, приятным миром и отказ от его наследства. Раса впечатлительных людей, способных выразить резкие чувства и важное содержание, существует в любую эпоху. Для этого нужна контрастная, черно-белая оптика и могучий талант. А так как обе эти черты встречаются вместе необычайно редко, такие художники со своим бескомпромиссным призывом чаще всего остаются на обочине жизни. Сегодняшняя сцена художественной деятельности выглядит в этом аспекте особенно гротескно. Брутализм бруталистов — болтливый и ук-

лончивый, а инсталляции инсталляторов — жалкие, игнорирующие законы материи, оторванные от мира представлений. Парадоксально, но программно ангажированное, нацеленное на выражение искусство нашего времени не обладает силой экспрессии и связью с культурным контекстом. Ибо надо знать, что и как хочешь передать, а не экспериментировать без конца с художественными средствами и системой ценностей. Однако это знание не дается демократически всем, как хотели бы того инженеры социально-культурной политики. И, пожалуй, действительно не обладает познаваемым смыслом лирический рисунок Линке «Плохое стихотворение» в эпоху, когда все стихи по определению хороши.



Виктор Кулерский

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

• «Экономические показатели в очередной раз преподнесли сюрприз аналитикам, которые ожидали роста промышленного производства, но не предполагали, что темп ускорения будет настолько высок. В январе этого года промышленные предприятия продали на 14,3% больше товаров, чем в январе прошлого. Это лучший результат за последние четыре года (...) Пока что темп роста ВВП все время увеличивается. По расчетам экономистов, в последнем квартале 2003 г. рост ВВП составил около 4,5%». (Патриция Мацевич, «Газета wyborcza», 19 февр.)

• «В прошлом году объем экспорта увеличился более чем на 20%. Успехом предприниматели обязаны самим себе (...) Польские фирмы оказались лучше многих западноевропейских. В последние годы в экономике стран ЕС (особенно Германии, Франции и Италии) наблюдался спад. Одновременно на их рынки поступало все больше польских товаров. На протяжении 11 месяцев прошлого года объем экспорта в Швецию увеличился на 36,2%, в Голландию — на 24,3%, в Германию — на 21,5% (...) Однако позицию лидера, которую мы занимали в 90-е, нам удастся вернуть еще не скоро. Наши соседи опережают нас в реформировании экономики. Теперь новым лидером стала Словакия». (Станислав Зундерлих, «Ньюсуик-Польша», 29 февр.)

• Эксперты Европейской комиссии удивлены: многие польские предприятия инвестировали в соблюдение европейских санитарных норм. К 1 мая число молокозаводов, имеющих право экспортировать свою продукцию в страны Евросоюза, возрастет с 52-х до 160-ти, а число мясокомбинатов — со 127 до более чем 1100. («Жечпосполита», 17 февр.)

• Лешек Бальцеревич, президент Польского национального банка (ПНБ): «В Польше государственные расходы достигают 45% ВВП. Среди т.н. экономических «тигров» я не знаю ни одной страны, которая была бы настолько обременена расходами. Как правило, страны, развивающиеся в темпе 5-8% в год, расходуют 20-25% ВВП. Вдобавок в Польше быстро растет задолженность государства, так как расходы существенно превышают доходы (...) С сентября прошлого года курс злотого по отношению к евро снизился на 10%. В то же самое время словацкая крона укрепилась на 3%, хотя в экономике обеих стран преобладают положительные тенденции. Но в Словакии сделали уже многое из того, о чем в Польше до сих пор продолжают только дискутировать, — например, упростили налого-

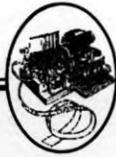
вую систему и одновременно унифицировали ставки НДС, ужесточили социальное законодательство, ввели плату за здравоохранение и учебу в вузах. Далеко продвинулся также процесс приватизации. Инвесторы делают из этого соответствующие выводы». («Ньюсуик-Польша», 29 февр.)

• «Безработица продолжает расти. По данным Главного статистического управления (ГСУ), в январе работы не было у 20,6% трудоспособного населения, т.е. у 3,3 млн. поляков». («Жечпосполита», 21-22 февр.)

• «В течение года среднестатистический европеец сидит на больничном 7-8 дней. До недавнего времени поляки были в этом отношении рекордсменами: в 1998 г. на одного застрахованного гражданина Польши приходилось почти 20 дней больничного. Однако, согласно отчету, представленному Институтом общественных вопросов, в 2002 г. эта цифра составила уже неполных 12 дней (...) Основная причина такого резкого изменения (...) высокая безработица. Изменилось отношение к работе». (Малгожата Солецкая, «Жечпосполита», 21-22 февр.)

• «Недавно я узнал, что в Польше число неработающих сравнялось с числом работающих (...) Это означает, что сегодня каждый работающий поляк содержит одного неработающего. Лично я, как человек работающий, платящий налоги и взносы социального обеспечения, содержащий кого-то совершенно чужого, кто не работает и не платит. Связь между мной и моим иждивенцем осуществляется с помощью правительства, парламента, государственной и налоговой администрации, Управления социального страхования и еще невесть кого. Из-за этого нам обоим живется хуже: и мне, и моему иждивенцу. Я плачу больше, а он получает меньше, потому что кроме него я должен содержать премьер-министра, министра, целую ораву социальных экспертов и армию чиновников (...) Поэтому я предлагаю правительству назначить мне сверху какого-нибудь неработающего, а уж я возьму на себя его полное содержание (...) Это обойдется мне дешевле, чем при нынешней системе социальной справедливости, гарантирующей обоюдную анонимность». (Мацей Рыбинский, «Жечпосполита», 3 марта)

• Ежегодно более полумиллиона человек выезжают из Польши на заработки. Как правило, едут на два-три месяца — прежде всего в Германию, США и Италию. Заработанные за год 2 млрд. евро поляки тратят в основном дома. («Жечпосполита», 9 февр.)



• С 1 июля в Евросоюзе, а значит и в Польше, каждая лошадь должна иметь паспорт. Без этого ее нельзя будет вывезти на убой в Западную Европу. (*«Впрост»*, 15 февр.)

• «В связи со вступлением в Евросоюз Польше пришлось денонсировать двусторонний договор с Россией, обеспечивавший нам режим наибольшего благоприятствования. С 1 мая наши торговые отношения должны регулироваться договором с ЕС. Однако Москва не согласилась автоматически распространить его на Польшу и поставила 14 условий». (*Роберт Солтык*, *«Газета wyborcza»*, 24 февр.)

• «Евросоюз ожидает, что Россия согласится распространить договор о сотрудничестве и развитии на новые государства-члены, в т.ч. и на Польшу. Если до 1 мая Москва не сделает этого, Брюссель примет ответные меры». (*Анна Словеская*, *Мариян Пишибильский* и *Энджей Белецкий*, *«Жечпосполита»*, 21-22 февр.)

• Заместитель начальника российского Генерального штаба генерал Юрий Балуевский: «Российские ракеты не направлены и никогда не будут направлены на Польшу, даже если на ее территории будут размещены американские базы». (*«Жечпосполита»*, 11 февр.)

• Нашествие енотов-полоскунов на Польшу началось. В 1927 г. еноты овладели Германией и перешли границу с Францией, однако польскую границу не нарушали. Теперь они перешли через Одер и двинулись на восток. Впрочем, такое же вторжение может грозить нам и с востока: в 30-е гг. в России тоже выпускали енотов. Они еще не идут на запад, но наверняка пойдут. (*Адам Вайрак*, *«Газета wyborcza»*, 23 февр.)

• «Вчера вечером объем поставок в Польшу российского газа резко сократился. Это произошло в результате конфликта «Газпрома» с Белоруссией». (*«Жечпосполита»*, 19 февр.)

• «Вчера, после того как Россия перекрыла кран, польские предприятия химической промышленности перестали получать газ. Опасаться начали и простые граждане. Премьер-министр Лешек Миллер заметил: «Как поставщик газа Россия больше не внушает доверия»». (*Мартин Босацкий*, *«Газета wyborcza»*, 20 февр.)

• Заместитель министра иностранных дел вызвал к себе посла России и потребовал объяснений. Министр иностранных дел Влодзимеж Цимошевич разговаривал по телефону с российским министром Игорем Ивановым. Обеспокоенность выразила Европейская комиссия (...) Решение «Газпрома» стало ярким фоном для вчерашних переговоров о возобновлении сотрудничества между концерном «Польская нефте- и газодобывающая промышленность» и норвежским концерном «Статойл». В Варшаве подписана декларация о намерениях». (*Анджей Кублик*, *«Газета wyborcza»*, 20 февр.)

• Отключение газа показало, что Польша не готова к такой ситуации и не смогла бы с ней справиться, если бы она продолжалась дольше, чем день или два (...) Даже денежная компенсация не изменит того факта, что, сократив поставки без предупреждения, «Газпром» отнесся к Польше как к малозначительному клиенту. (*«Жечпосполита»*, 20 февр.)

• «В споре с Белоруссией цены сырья — вовсе не самое основное. Прежде всего российский гигант хочет показать, кто тут главный. Пока мы не обеспечим себе независимых от России поставок газа, у нас не будет никаких гарантий, что в следующий раз объектом газового давления не станет Варшава». (*Ян Скужинский*, *«Жечпосполита»*, 20 февр.)

• «Никогда больше такая ситуация с газом не повторится», — такое обещание дал в пятницу российский премьер-министр Михаил Касьянов своему польскому коллеге Лешеку Миллеру. (*«Жечпосполита»*, 21-22 февр.)

• «Перерыв в поставках российского газа (...) в Польшу вызвал в нашей стране шок (...) Еще в субботу министр иностранных дел Влодзимеж Цимошевич сказал, что до сих пор неясно, почему Россия не сообщила Польше о своих намерениях. «Поступить таким образом не годится», — заявил Цимошевич (...) В субботу президент Квасневский говорил по телефону с президентом России Владимиром Путиным. Путин констатировал, что перерыв в поставках газа был связан с российско-белорусскими отношениями и не носил антипольского характера. Кроме того он заверил, что поставки газа в Польшу гарантированы. Квасневский назвал возникшую ситуацию «ошибкой, бросающей тень на хорошо развивающиеся польско-российские отношения»». (*Анджей Кублик*, *«Газета wyborcza»*, 23 февр.)

• Вторая нить Ямальского газопровода, проходящая через Польшу, будет строиться только после 2010 года. Такое решение «Газпром» должен был согласовать с «Польской нефте- и газодобывающей промышленностью». Однако он не сделал этого. По мнению бывшего вице-преьера Януша Штейнхоффа, «самоуправное решение «Газпрома» — очередное подтверждение того, что политика обеспечения Польши газом полностью провалилась». (*«Жечпосполита»*, 27 февр.)

• Концерн «Польская нефте- и газодобывающая промышленность» ищет способы обеспечить поставки импортного природного газа на случай, если бы ситуация повторилась и «Газпром» снова ограничил продажу газа. (*«Жечпосполита»*, 28-29 февр.)

• «Почему, несмотря на дипломатические заверения в том, что польско-российские отношения складываются хорошо, на самом деле все так плохо? Москва подходит к Варшаве с холодной и даже пренебрежительной сдержанностью. Варшава не может с этим ничего поделать и не знает, как быть



(...) В своей недавней лекции в варшавской Дипломатической академии замминистра иностранных дел и специалист по вопросам безопасности проф. Адам Ротфельд обратил внимание на то, что Россия «переживает явление, называемое в психологии познавательным диссонансом: она продолжает рассматривать в качестве врага Запад и Североатлантический союз, приуменьшая при этом истинную опасность на своих южных рубежах. Польша рассматривается ею как авангард НАТО, по отношению к которому надо демонстрировать холодную сдержанность». (Марек Островский, «Политика», 6 марта)

• «Россия уже не привлекают лозунги коллективизма, а неумело вводившийся либерализм потерпел поражение. На поле боя осталась только шовинистическая имперская идеология, в которой Польша играет роль дежурного врага. К сожалению, других идеологов не слышно», — писал Ежи Помяновский. Интеллигенция же, «с которой Помяновский все время связывает большие надежды, сидит тихо. Либо она разочарована, либо запугана. Это молчание вредит России». (Эва Зажиская, «Газета польская», 11 февр.)

• Заместитель директора Института национальной памяти (ИНП), заместитель генерального прокурора проф. Витольд Кулеша награжден офицерским крестом ордена Венгерской Республики за выяснение обстоятельств убийства 18 венгерских военнопленных сотрудниками НКВД в великопольской местности Бядки в январе 1945 года. В заключительном постановлении этого исторического расследования трагедия в Бядках названа военным преступлением, не подлежащим сроку давности, а также преступлением против человечества. Останки убитых эксгумированы и перенесены на кладбище в Познани. На здании школы в Бядках открыта мемориальная доска. («Газета wyborча», 26 февр.)

• «В среду утром в больнице г. Тампа во Флориде умер полковник Рышард Куклинский. Ему было 74 года. Для американцев он был самым ценным источником информации во всем советском блоке. Он добывал секретнейшие данные Варшавского договора. Коммунисты [зачочно] приговорили его к смерти, а американцы назвали своим лучшим агентом за «железным занавесом». («Жечпосполита», 12 февр.)

• «Кем был Рышард Куклинский: национальным героем или предателем? Несколько лет назад спор на эту тему разделил польское общественное мнение. Очевидно, он разгорится заново и сейчас, после смерти полковника. Это важный спор (...) Речь в нем идет прежде всего об оценке ПНР. Было ли коммунистическое государство законной формой польской государственности или только зависимой

частью советского блока, управляемой режимом, лишенным народного мандата? (...) Особенно заядло критиковали Рышарда Куклинского генералы Кишак и Ярузельский, защищая таким образом свои собственные биографии, в которых на первом месте стояла служба коммунизму и его московскому центру (...) Рышард Куклинский, бросивший одинокий вызов советской мощи, отстаивал польские государственные интересы лучше. Ибо путь к независимости Польши — как тогда, так и сейчас — пролегает через союз с Вашингтоном, а не через колаборационистское сотрудничество с Москвой». (Ян Скужинский, «Жечпосполита», 12 февр.)

• В последнее время польские солдаты задержали в Ираке 35 человек, подозреваемых в терроризме. Нападения на польских военнослужащих повторяются почти ежедневно. Это уже не случайные теракты, направленные против сил коалиции, как говорили раньше. Нет никаких сомнений в том, что их целью стали польские солдаты. (Агата Яблонская, «Впрост», 1 марта)

• 18 февраля во время нападения террористов на одну из баз международной дивизии под польским командованием 20-летний монгольский сержант Ганболд Аз-Зая застрелил одного террориста, а другого ранил. Молниеносная реакция сержанта спасла базу. Во время специальной церемонии Ганболд Аз-Зая получил личную благодарность от командующего дивизией генерала Мечислава Бенека, а также был награжден одной из последних моделей цифрового фотоаппарата. («Жечпосполита», 26 февр.)

• Хельсинкский фонд по правам человека организовал в Варшаве V Международную конференцию, посвященную правам человека в Северной Корее и беженцам из этой страны. Главной темой конференции стали преступления властей КНДР, а также роль и ответственность международной общественности. («Жечпосполита», 1 марта)

• Новый посол Израиля в Польше Давид Пелег: «В Польше, вступающей в Евросоюз, мы видим лидера в тенденции к решительной борьбе с антисемитизмом». («Впрост», 9 февр.)

• В Польше проживает около 50 тыс. армян. Более 2,5 тысяч получили вид на жительство или гражданство. Почти 1,5 тыс. армянских иммигрантов хотят легализовать свое пребывание в Польше и остаться там. Остальные до сих пор пребывают на территории Польши нелегально. («Политика», 7 февр.)

• Ежегодно в Польшу приезжает 6 млн. украинцев — столько насчитала украинская сторона. Даже введенные недавно визы не уменьшили это число. Среди 23 тыс. иностранцев, которые в 2002 г. получили разрешение на работу, украинцев больше в всего — целых 3 тысячи. («Газета wyborча», 9 февр.)



• ИНП намерен издать книгу, содержащую фамилии тех украинцев, которые в 1943-1946 гг. спасали жизнь полякам, преследуемым украинскими националистами. Директор ИНП проф. Леон Керес: «Каждое проявление добра должно сохраниться в памяти. Часто мы сожалеем о том, что другие забывают о славных делах поляков или приписывают их себе. Давайте же не будем отказывать другим народам в праве на память за добро, которое они делали полякам (...) Польско-украинские отношения должны опираться именно на такие воспоминания». (*«Жетісполіта»*, 11 февр.)

• «У нас прекрасные отношения», — единодушно оценили министры иностранных дел Украины и Польши Константин Грищенко и Владзимеж Цимошевич. В январе на Украине начался Год Польши, который призван улучшить контакты между украинцами и поляками. (*«Газета виборча»*, 5 февр.)

• Во время визита в Варшаву президент Украины Леонид Кучма объявил, что в мае по трубопроводу Одесса—Броды потечет нефть из каспийских месторождений. Трубопровод будет продолжен до Плоцка в Польше, что уменьшит зависимость страны от российских поставок. Сейчас Польша покупает у России около 95% сырья, перерабатываемого на польских нефтеперегонных заводах. Когда украинский трубопровод начнет работать с максимальной пропускной способностью, доля российской нефти может уменьшиться до 60%. (*«Ньюсуик-Польша»*, 22 февр.)

• Аскольд Еремин из Львова: «Принятое решение отвечает национальным интересам Украины и дает ей шанс на независимость от российской нефти. На транзите нефти (в перспективе до 45 млн. тонн в год) можно заработать, а европейская нить нефтепровода, в которую может превратиться трубопровод Одесса—Броды после продолжения до Плоцка, приблизит Украину к Евросоюзу. Решение Киева отвечает также интересам Польши и, кроме большей независимости от нефти из России, дает возможность заработать на транзите. Нефть, текущая из Одессы в Броды будет, пожалуй, первым экономическим подтверждением того, что усилия Польши в качестве адвоката Украины в Европе окупаются». (*«Тыгодник повсехний»*, 15 февр.)

• Виктор Ющенко, бывший премьер-министр Украины: «Трудно представить себе украинский путь к европейской интеграции без развития добрососедских отношений с Польшей (...) Наши отношения — это стратегическое партнерство. Говоря так, мы имеем в виду особые отношения Киева и Варшавы, а также согласованность направлений внешней политики. Мы с благодарностью принимаем поддержку, которую Польша неизменно оказывает нам в деле европейской интегра-

ции (...) Голос Польши и ее президента звучал, даже когда возникли сомнения в реальности наших европейских устремлений. Мы ценим введение Польшей бесплатных виз для граждан Украины. Мы с удовлетворением восприняли решение наших правительств о строительстве польского отрезка трубопровода Одесса—Броды—Плоцк и его использовании для транспортировки каспийской нефти». (*«Газета виборча»*, 11 февр.)

• Вследствие того, что украинский «Индустриальный союз Донбасса» потерпел поражение в конкурсе на приватизацию польского металлургического комбината «Ченстохова», президент Украины Леонид Кучма поручил своему правительству расследовать обстоятельства приватизации комбината. По словам торгового советника посольства Украины в Польше Дмитро Завтуры, поражение «Донбасса» — «это очень плохая информация», которая «может отрицательно повлиять на отношения между двумя государствами». По мнению же украинского политолога Костя Бондаренко, «Польша нанесла удар по европейскому курсу Украины и дала аргумент сторонникам сближения с Россией». (*Дариуш Малиновский, «Газета виборча»*, 26 февр.)

• Президент Украины Леонид Кучма неожиданно дал понять, что поставки в Польшу нефти по трубопроводу Одесса—Броды находятся под угрозой (...) Критические высказывания Кучмы могут быть еще одной реакцией Украины на решение польского министерства государственной казны выбрать в качестве инвестора металлургического комбината «Ченстохова» не «Индустриальный союз Донбасса», а индийский концерн (...) По мнению премьер-министра Украины Виктора Януковича, недопущение «Донбасса» к приватизации «Ченстоховы» — это «дискриминация национальных интересов Украины». (*Анджей Кублик, «Газета виборча»*, 27 февр.)

• По сообщению информационного агентства УНИАН, ответным шагом украинского руководства может стать лишение Польши права представлять интересы Украины в Евросоюзе. (*Анджей Кублик, «Газета виборча»*, 1 марта)

• Министр государственной казны Збигнев Каневский: «Предложение «Донбасса» противоречит положениям договора о вступлении [Польши в Евросоюз], запрещающим нам увеличивать производственные мощности (...) Поэтому такое предложение не может быть принято и реализовано». (*«Газета виборча»*, 2 марта)

• Пресс-секретарь украинского МИДа заявил, что этот мелкий конфликт не должен повлиять на стратегическое сотрудничество Польши и Украины. (*«Жетісполіта»*, 3 марта)



• «Неясное происхождение капитала, непрозрачная структура холдинга, подозрение в отмывании грязных денег — таковы, по нашим неофициальным сведениям, обвинения Агентства внутренней безопасности (АВБ), выдвинутые против «Индустриального союза Донбасса». Эти обвинения стали одной из причин отказа от украинского предложения приватизации комбината «Ченстохова». Судя по всему, АВБ подозревает также, что на самом деле за «Донбассом» стоят российские силы». (Бертольд Киттель и Анджей Михальский, «Жечпосполита», 4 марта)

• **Председатель украинской парламентской комиссии по борьбе с коррупцией и организованной преступностью Владимир Стретович об «Индустриальном союзе Донбасса»: «Донецкая группа — это акционерное общество местных властей и предпринимателей, обслуживаемое налоговой инспекцией, милицией и прокуратурой».** («Газета wyborcza», 5 марта)

• Ушедший в отставку замминистра финансов Роберт Квасняк отказался и от должности начальника таможенной службы после того, как газета «Жечпосполита» обвинила его в конфликте интересов (адвокатская контора его жены помогала частным предприятиям, обжаловавшим в Верховном административном суде решения таможенников). Кроме того «Жечпосполита» заставила уйти в отставку Рышарда Пренгеля, начальника канцелярии вице-преьера Марека Поля, обвинив его в злоупотреблении служебным положением в корыстных целях. («Тыгодник повсехний», 7 марта)

• По данным опроса, проведенного ЦИОМом, «Гражданскую платформу» поддерживает 31% поляков, правящую коалицию «Союза демократических левых сил» (СДЛС) и «Унии труда» — 21%, «Самооборону» — 18, «Право и справедливость» — 10, «Лигу польских семей» — 8, крестьянскую партию ПСЛ — 5%. («Жечпосполита», 14-15 февр.)

• Из выступлений председателя «Самообороны» Анджея Леппера на встречах с избирателями: «За экономические преступления — пожизненное заключение и каменоломни (...) Путин в России не побоялся: гляньте, самого богатого посадил»; «Затормозим приватизацию и спасем оставшиеся заводы»; «У нас все будут платить 1-2% налога с оборота»; «Мы введем прожиточный минимум — 900 злотых на человека. Если у человека нет работы не по его вине, он должен получать такой минимум. А депутатам и министрам снизим зарплаты до 3000 злотых»; «За педофилию надо кастрировать. Если нет от этого никакого лекарства, надо резать по живому мясу, без всякого наркоза, — и смертная казнь». («Газета wyborcza», 1 марта)

• Проф. Виктор Осятынский, член комитета политических наук ПАН: «Наших политиков интересуют краткосрочная перспектива. Теперь они дума-

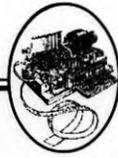
ют даже не о следующих выборах, а о том, как бы оказаться среди лидеров очередного опроса общественного мнения. Им не важно ничего, кроме сиюминутного успеха. Причем только собственного — об успехах страны, общества, преобразований они вообще не говорят, особенно когда нужно признавать достижения своих предшественников (...) Польская политическая верхушка сообразительна, но главным образом в тех случаях, когда речь идет о ее собственных интересах. Никто не заставляет ее отчитываться ни в данных обещаниях, ни в том, что она на самом деле сделала». («Газета wyborcza», 6-7 марта)

• Павел Спевак, директор Института истории социологической мысли Варшавского университета: «Социологические исследования свидетельствуют о явной непрозрачности и непредсказуемости польской общественной жизни. Налицо несоответствие между тем, что говорят партийные лидеры, и представлениями общества. Между самыми распространенными предвыборными заявлениями и эгалитаристской ориентацией большей части общества существует очевидная пропасть (...) Апатия, чувство гражданской слабости в сочетании с «олигархизацией» политики и коррупцией вне всяких сомнений создают почву для мягкого авторитаризма». («Впрост», 7 марта)

• «По сравнению с 1999 г. наше общество стало менее одобрительно относиться к богатству. Значительно уменьшилось число поляков, считающих, что богатым можно стать благодаря трудолюбию и самоотверженности (на 12%), смелости и готовности пойти на риск (на 8%). Зато на второе и третье место вышли отрицательные качества — пренебрежение к закону и использование пробелов в законодательстве. Прибавилось людей, убежденных, что разбогатеть можно, подкупая чиновников (их стало больше на 8%). Целых 68% поляков считают, что состояние нельзя нажить честным трудом». (Станислав Зундерлих, «Ньюсуик-Польша», 7 марта)

• «В польских тюрьмах сидит более 80 тыс. человек. Это число постоянно растет — как и наше ощущение угрозы со стороны преступности. Последнее растет еще и потому, что по улицам наших городов и деревень разгуливают почти 30 тыс. человек, приговоренных к лишению свободы, для которых нет места в исправительных учреждениях». (Кишиштоф Собчак, «Жечпосполита», 27 февр.)

• Сатирик Станислав Тым: «Получив недавно в подарок книгу, озаглавленную «Новый словарь учебного жаргона», я решил заглянуть в нее. Над этим томом, насчитывающим более четырехсот страниц, работали четыре автора под редакцией Халины Згулковой. Текст на обложке гласит, что в словаре собрано 17 тысяч слов и фразеологических



выражений. «Если язык описывает мир, то с этим миром стоит познакомиться», — пишет издатель (...) Этот «Новый словарь ученического жаргона» привел меня в ужас. Я и не подозревал, что обиходный язык молодых поляков — детей и подростков — так чудовищно вульгарен и пессимистичен. Вырисовывающаяся из этих жаргонных выражений «страна детских лет» 2004 года засрана, заблевана, полна побоев, насилия, секса, алкоголя, наркотиков, презрения к противоположному полу и вообще ко всему миру. Нетерпимость и чувство превосходства над всем непохожим — вот что выходит на первый план в этом «жаргоне». Я пишу «жаргон» в кавычках, потому что не уверен, жаргон ли это. Скорее это площадная брань, в которой самые вульгарные и непристойные слова — в порядке вещей». (*«Жечпосполита»*, 28-29 февр.)

• Сенатор Здислава Яновская организовала дискуссию о сексуальном образовании, в которой приняли участие лицеисты со всей Польши (...) «Это просто стыдно — показывать семнадцатилетним парням и девушкам фильмы о пчелке, летающей вокруг цветка», — сказала о семейном воспитании Моника Затыльная из Хшанува». (*«Гжегож Сокул»*, «Газета выборча», 28-29 февр.)

• Яцек Куронь, празднуя свое 70-летие: «Человечество стоит на пороге новой эпохи, когда благодаря информационной революции у каждого будет равный доступ к науке и культуре». (*«Газета выборча»*, 6-7 марта)

• В 2001 г. расходы на научные исследования и внедрение составили в Польше 0,7% ВВП. В среднем по Евросоюзу этот показатель равнялся 1,98% ВВП, а Европейская комиссия рекомендует удерживать его на уровне 3%. (*«Газета выборча»*, 27 февр.)

• В этом году Большой оркестр рождественской мощи собрал более 27 млн. злотых. Деньги будут предназначены на закупку медицинского оборудования для отделений новорожденных и грудных де-

тей. Фонд Овсяка уже купил искусственные сердечные желудочки для Центра здоровья ребенка. Желудочки необходимы детям, которым делают сложные кардиохирургические операции. (*«Жечпосполита»*, 2 марта)

• В Польшу с частным визитом прибыл король Испании Хуан Карлос. От его руки в Беловежской пуще должен погибнуть зубр — золотой медалист. Старший лесничий Кшиштоф Выробек, опекун стада зубров, говорит о своем подопечном: «Я держал его на случай приезда особого гостя». (*«Газета выборча»*, 28-29 февр.)

• «Нью-йоркские рецензенты просто помешались на фильме Ежи Штура «Большой зверь» (...) Герой фильма — верблюд. Все ведущие нью-йоркские газеты и журналы напечатали хвалебные рецензии (...) Фильм Штура был закуплен для широкого проката. Он будет показан в кинотеатрах-студиях по всем Соединенным Штатам». (*Збигнев Басара*, «Газета выборча», 21-22 февр.)

• Антиптицы — черные силуэты хищных птиц — появились на прозрачных звукопоглощающих экранах вдоль Торунской трассы в Варшаве. В прошлом году они были наклеены на стекла современного здания библиотеки Варшавского университета. С тех пор об них не разбилась ни одна птица. Ежегодно в варшавский птичий приют попадает более 2 тыс. птиц (не считая смертельных случаев), налетевших на прозрачные и отражающие небо поверхности. (*«Газета выборча»*, 2 февр.)

• «Мы постепенно отказываемся от мнения, что только человеческая душа бессмертна. Всякой твари отведено в вечности надлежащее место. Какое? Оставим это Богу», — эту мысль иезуита о. Станислава Мусяла мы напечатали в нашей хронике три года назад. Вспомним же ее еще раз, чтобы тем самым почтить память священника, упокоившегося в вечности 5 марта сего года.



ЛЕТОПИСЦЫ КАТАСТРОФЫ

В архиве Еврейского исторического института в Варшаве находится необычайное, бесценное собрание — подпольный архив варшавского гетто, известный как архив Рингельблюма.

Собранные в нем в 1940-1943 гг. свидетельства и документы — в общей сложности свыше 35 тыс. страниц — из самого нутра показывают поочередные этапы массового уничтожения польских евреев. Это весьма разнородные источники, написанные по-польски (свыше половины всего собрания) и на идише, а также на иврите и по-немецки. Они были собраны и архивированы в гетто группой, сосредоточенной вокруг историка Эмануэля Рингельблюма. Почти никто из этих людей не выжил, но им удалось спасти большую часть архивных материалов. Публикуемая подборка содержит прежде всего индивидуальные свидетельства: рассказы, показания, письма, — в которых переданы испытания и чувства людей, обреченных на геноцид.

В январе 1943 г. Эмануэль Рингельблюм описал в своей «Хронике» историю подпольного архива варшавского гетто.

На протяжении многих лет в Польше публиковались лишь отдельные тексты из архива Рингельблюма. Первую книгу с избранными материалами подготовила Рута Саковская (Архив Рингельблюма. Варшавское гетто. Июль 1942 — январь 1943. Варшава, 1980). В 1988 г. вышла переведенная на польский «Хроника варшавского гетто» Эмануэля Рингельблюма, подготовленная Артуром Эйзенбахом. Только с 1997 г. начали выходить тома текстов-первоисточников из этого собрания, составленные тематически (1997 — «Письма о Катастрофе», подгот. Рута Саковская; 2000 — «Дети: тайное образование в варшавском гетто», подгот. Рута Саковская; 2001 — «Рассказы с восточных окраин», подгот. Анджей Жбиковский).

✪ Эмануэль Рингельблюм:

На протяжении трех с половиной лет войны группа «Онег шабат» создала архив гетто. Название группы произошло от того, что ее совещания проводились обычно в субботу. Поэтому и группу — по конспиративным соображениям — назвали «Онег шабат».

Первый фундамент под архив положил я в октябре 1939-го. В Варшаве тогда царил страшная подавленность. Каждый день приносил новые ограничения, накладываемые на евреев. (...) Люди тогда боялись писать, так как ожидали обыска. Со временем они успокоились. (...) Немцам было неважно, что делает еврей у себя дома. И еврей принялся писать. Писали все: журналисты, литераторы, учителя, общественные деятели, молодежь, даже дети.

✪ Из варшавского дневника Войдыславского:

1 сентября 1939

С перекопанных улиц, из стрелковых траншей, из засыпанных песком окон, с плакатов, извещающих о мобилизации, сложилось одно-единственное жуткое слово: Война!

Через город проходят воинские части. Длинные. Нескончаемые. Серые. Топот. Сапоги.

(...) Война вошла, ворвалась в город, вторглась в закры-

тые, тихие дома, оживила подавленных людей, порвала нити, соединявшие их со службой или цехом, расшевелила этот плотный, сбитый клубок существ, составляющих население Варшавы. Всех захватила врасплох.

(...)

25 сентября 1939

(...) Пережил этот ужасный месяц. Месяц чудовищный, месяц крови, трупов и смерти, месяц огня.

(...) Вышел на улицу, удивительно, неестественно тихую. Удивительно! Ни свиста падающих, ни грома разрывающихся бомб, ни грохота шрапнели. Зато всюду трупы, трупы, трупы...



Эмануэль Рингельблум

(...) Скелет. Скелет дома, вся плоть объедена, без крыши, смотрит пустыми, черными глазницами окон. Почерневшие от огня и дыма стены не скрывали внутренностей, не заслоняли того, что творилось за ними. Труп девушки, обнаженный, выставлял напоказ молодое, с прекрасными формами тело. Этот живот, явно обозначенная грудь, бледная, без всякой порчи. Только на бедре виднелось маленькое пятнышко. Там вошел осколок шрапнели. И эти глаза! Глаза!! Открытые, словно разодранные смертельной болью и страхом, бездонные глаза, в которых сохранилась вся боль, вся боязнь смерти, глаза, которые будут жить, пока будут войны. Недалеко другие останки. Останки мужчины, засыпанные кирпичами и штукатуркой, окровавленные. Останки, в которые какая-то мощная сила вбила поперек горящую балку. Через живот и грудь был брошен кусок древесного угля. И углем была эта одежда, углем было тело. Только лицо, обращенное вверх, прямо к небу, будто вопиющее о мести, добивающееся кары, было нетронуто. (...)

Умер Данте и не воскреснет, но если бы даже и был, то и он не передал бы, не нарисовал бы эти тысячи трупов людей, коней и домов, которые все в немой жалобе лежали неподвижно, обнаженные, не прикрытые, грозные. Все как будто задавали небу и земле один и тот же вопрос: «За что? Во имя чего? По какому праву?»

✪ **Из записок Х.С. (Варшава):**

Немцы заняли город. В соответствии с актом капитуляции — каждый день раздают 200 тысяч порций супа и хлеб бедному польскому населению.

Суп привозят на раздаточные пункты в полевых кухнях. Супом этим пользуется и горстка оголодавших евреев.

Уже через 2-4 дня можно было увидеть женщин и подростков, указывавших немцам пальцем на стоящих в очереди евреев: «Das ist Jude» — и подстрекавших выгнать евреев из очереди.

На улицах все чаще можно встретить подростков, бездумно твердящих себе самим — упражняющихся: «Verfluchter, das ist Jude, das ist Jude!».

✪ **Эмануэль Рингельблум:**

Я приступил к собиранию материалов о нынешних временах еще в октябре 1939-го. Будучи руководителем «Еврейской общественной взаимопомощи», я был в ежедневном контакте с окружающей жизнью. До меня доходили известия обо всем, что творилось с евреями в Варшаве и пригородах. Координационная комиссия была мутацией «Джойнта», куда почти каждый день прибывали делегации из провинции и рассказывали о тяжелых испытаниях еврейского населения. Все, чего я за день наслушался, вечером записывал и снабжал примечаниями.

(...) В мае 1940-го я счел целесообразным придать этой крайне важной работе общественный характер. Подобрал соответствующих людей, и благодаря им деятельность развилась в надлежащем направлении и надлежащем объеме.



Варшавское гетто. Толпа слушает объявления оккупационного радио.

❁ **Фрагмент рассказа беженца из Добжыни-на-Дрвенце:**

6 сентября 1939 г. немцы заняли город и тут же принялись грабить продовольственные и текстильные лавки. За два дня они перетрясли все без исключения лавки и дома. На Новый год (Рош-Гашана) приказали всем мужчинам в возрасте от 15 до 60 лет собраться на рыночной площади, угрожая за невыполнение приказа смертной казнью. Несмотря на это немцы ходили и от дома к дому, вытаскивали всех в талесах и шелковых халатах из синагоги и других мест, загнали в грузовики и вывезли в неизвестном направлении. С тех пор и следа от них не осталось. В городе начали проводить обыски, забирая из хозяйств все самое ценное, сажая мужчин в тюрьму и требуя денег за их освобождение. Во время обысков они требовали, чтобы молодые, 18-20-летние девушки раздевались догола, а за отказ страшно избивали. Гмина должна была ежедневно доставлять 50 мужчин на тяжелые работы у моста, а из еврейских лавок начали вывозить весь товар. Работой руководила местная полиция.

Три дня назад арестовали всех евреев из Голубя. 9 ноября в 8 часов утра в обоих городах собрали полторы тысячи человек в присутствии немцев в штатском. Всем евреям было приказано в 10 минут покинуть свое жилье и явиться на Рыночную площадь. Собрав всех жителей на Рынке, староста потребовал, чтобы евреи выплатили контрибуцию в размере 50 тыс. злотых. Выбрали четырех ответственных (за ход операции) из евреев, было обещано, что после выплаты все смогут идти куда захотят. В местечке собрали 23 тыс. злотых, две корзины серебряных подсвечников, много золота и т.п., а потом всех старых и больных погнали из города. Плач и крики на шоссе были неопишуемые. Люди оставляли на дороге все, что забрали с собой, не имея сил тащить. Город насчитывал 600 семей, в целом три тысячи душ, и все они, избитые, были изгнаны.



✪ Из рассказа Ханны Левкович:

[Ноябрь 1939] Под вечер, после пяти часов езды, голодные и измученные, мы вылезаем на темной станции в Малкине. Что там творилось, какие обыски прошли, как коварно обманывали людей, как их завели в самые мрачные трущобы, как их били и грабили — об этом трудно рассказывать и слишком трудно об этом вспоминать. Наконец в полночь, после всех перипетий, полностью ограбленные, без гроша за душой, голодные и жутко подавленные морально, мы трогаемся в сторону границы. (...) Все мы питаем потаенную надежду, что вскоре окажемся за границей и начнем новую жизнь. Постепенно рассветает. Мы доходим до границы, но... закрытой. Российский вояка сидит в теплой куртке за решеткой из колючей проволоки и на все просьбы, мольбы, вопросы столпившихся людей отвечает: «Закр-то». Он не слышит воплей, плача, проклятий, не видит лиц, искривленных болью, и фигур, скорчившихся от холода; не хочет даже заметить совершенно израненного человека, истекающего кровью. Ничто его не трогает, ничто не достигает его сердца. Это не человек, а службист.

Утром часть людей забирает свои узелки и идет на железнодорожные пути, на другую границу. (...)

Мы выходим в поле, и вдруг нашего слуха достигает страшный шум. Вдали видны тысячи людей, раскинувших табор и ждущих, что откроются ворота в рай. Вид такого множества людей, суесящихся под чистым небом, производит на нас ужасающее впечатление. Когда мы приближаемся, нас сразу осаждают разные люди, расспрашивая, что с нами было. Когда мы рассказываем о нашем отчаянии, голоде и нашем разочаровании, они печально улыбаются. «Я здесь уже третий день», — говорит один. «А я тут голодаю уже пятый день», — отвечает другой. (...) С двух сторон валы, а внизу между ними железнодорожная линия. На валах сидят люди, завернувшись в платки, тряпки, одеяла. Вокруг них их хозяйство: рюкзаки, бутылка, кастрюлька, ложка.

(...) Ночи на пограничной полосе — а я провела их семь — это худший кошмар, какой можно себе вообразить. Люди крутятся, топчут ногами, греют руки, спят. Вдруг страшный, на всю окрестность крик: «От-крой-те гра-ни-цу! Хо-лод! Го-лод! Смерть!» [Выделенное курсивом здесь и далее — по-русски в тексте. — Пер.] Сколько раз вспоминаю свое пребывание на полосе, все еще слышу этот крик, исходящий из тысячи человеческих грудей.

(...) организовали штурм. Все стали в ряд на валу — с узелками, рюкзаками, некоторые с огромными сундуками, чемоданами, мешками. По поданному сигналу все двинулись вперед. Однако мы продвинулись лишь на несколько шагов, потому что вскоре нам загродили дорогу русские солдаты с винтовками в руках. Мы все равно, не обращая на них внимания, шли вперед. Началась стрельба. Мы все равно шли под пулями, совершенно не испытывая страха, не понимая, что пуля может попасть в кого-то из нас, ни о чем не задумываясь. Шли к спасению. (...) Мы прошли уже около 7 километров (были за километр от цели), когда внезапный крик парализовал наши шаги. Это русские пограничники остановили нас. Несколько минут шли переговоры, убеждения. Молодежь на ломаном русском языке убеждала солдат, что «мы хотим в Матушку-Советы, германцы нас бьют». Единственным ответом было: «Вперед!». И мы были вынуждены пуститься в долгий обратный путь, все время подгоняемые криками «вперед», подталкиваемые и гонимые. Через несколько часов мы опять оказались на прежнем месте.

✪ Фрагменты рассказа беженца из Ловича:

20 декабря 1939 г. в Лович привезли сотни евреев из Лодзи и ее окрестностей — в страшном состоянии.

Положение евреев в Ловиче ухудшалось с каждым днем. Перед еврейской Пасхой 1940 г. появилось новое несчастье, связанное с распространявшимися из-за тесноты болезнями и немецким лозунгом «борьбы с эпидемией». Под этим лозунгом закрыли улицу Здунска-Воля, что стало началом гетто, созданного несколькими неделями позже. Это было первое в округе Варшавы гетто, огороженное стеной.

(...)

22 февраля 1941 г., несмотря на заверения властей, Юденрат [еврейский совет, «самоуправление» гетто] получил распоряжение о том, что по 300 евреев ежедневно должны покидать город, так чтобы до 13 марта Лович был очищен от евреев. (...) Восемь тысяч евреев ушли в Варшаву, где медленно умирают от нищеты и голода.



☉ **Эмануэль Рингельблюм:**

«Онег шабат» старался создать всестороннюю картину жизни евреев во время войны. Речь шла о верном изображении того, что пережили еврейские массы, о чем они думали и что претерпели. Мы старались, чтобы одно и то же событие, например история данной еврейской общины, было описано взрослыми и молодежью, набожным евреем (...) и евреем, далеким от религии. (...)

Всесторонность была главным принципом нашей деятельности. Объективизм был вторым принципом, который нами руководил. Мы старались передать всю истину, какой бы горькой она ни была. Наши фотографии верны, не ретушированы.

☉ **Из «Хроники» Эмануэля Рингельблюма:**

Мы верим, что ввиду глубоких перемен, происшедших в жизни, Новая Польша будет совсем другой, прекраснее, лучше. Антисемитские нападения кто-то организует. В них принимают участие юные, 9-10-летние хулиганы. Им боятся как следует ответить, хотя кое-где противостоят (на Кармелитской). Один немец командовал бандой, которая сыпала удары направо и налево.

(...)

Сегодня, 29 сентября [1940], я получил в зубы за то, что не поклонился [немцу].

(...) Сегодня, в субботу 12 октября, было страшно. Через громкоговорители объявили о разделении города на три части: немецкую, охватывающую Центр вместе с улицей Новый Свет, польскую и еврейскую. До конца октября все — кроме немцев — должны переселиться без мебели. В нашем доме на всех этажах царит отчаяние.

☉ **Эмануэль Рингельблюм:**

Наши постоянные сотрудники, а их было несколько десятков, в подавляющем большинстве были интеллигентами родом из простого народа. Главным образом это были члены пролетарских партий. Мы умышленно не привлекли к этой работе профессиональных журналистов: не хотели, чтобы нашей деятельности была придана какая-то общая схема. Мы желали, чтобы события в каждом местечке, переживания каждого еврея (а ведь каждый еврей во время этой войны — это отдельный, индивидуальный мир) были переданы как можно более просто, как можно более верно. Каждое лишнее слово, каждое литературное подкрашивание или украшательство раздражало, вызывая отталкивание и ощущение дурного вкуса. Жизнь евреев во время этой войны так трагична, что не требует лишних слов.

(...) представители землячеств после ежедневного неустанного труда в комитете — при раздаче хлеба или других занятиях — по вечерам, пользуясь нашими конспектами, записывали истории своих местечек или рассказывали их нашим сотрудникам, которые потом этот материал обрабатывали. Это был сложный и нелегкий труд. В гетто царила жуткая теснота, беженцы жили в таких условиях, что худших просто и не вообразишь; поэтому очень трудно было все делать конспиративно. В зимние морозные дни не выходили [из жилья]. В большинстве еврейских домов в последнюю зиму не было электричества. То факт, что мы писали, был связан с известным риском и огромными трудностями, а ведь на то, чтоб написать монографию о местечке, требовался труд долгих недель и месяцев.

(...) «Онег Шабат» старался незамедлительно увековечить любое явление, ибо каждый день равнялся десяткам лет в прежние времена; во многих случаях нам это удавалось.

☉ **Из варшавского дневника Войдыславского:**

Стены поперек улиц.

На перекрестке стоит жандарм. На тротуаре — толпа людей. Головы не покрыты. Глаза со страхом вглядываются в жандарма — властелина жизни и смерти. Ждут его движения, чтобы он милостиво позволил им перейти на другую сторону. Рукой со шпирцрутенон он совершает странное, неопределенное движение. Толпа закружилась, и все хотят бегом попасть на другую сторону.

«Halt! Zurück!»

Головы смиренно склоняются, и люди возвращаются на прежнее место. Это зрелище повторилось три раза, прежде чем милостивый диктатор позволил им добежать до противоположного тротуара. Первые ряды уже добежали и бегут вглубь улицы, освобождая место следующим. Уже последние люди добегают до тротуара, но не успели. Выстрел. На мостовой лежат два тела.



Сотрудники архива Рингельблома не только добывали материалы, но и копировали их, вели учет и находили безопасные места хранения.

В начале августа 1942 г., когда началась первая операция по ликвидации варшавского гетто, было решено спрятать архив. 3 августа сотрудник «Онег шабата» Израэль Лихтенштейн вместе со своими учениками Давидом Грабером и Наумом Гживачем поспешно упаковал материал в металлические ящики, которые они зарыли в подвале школьного здания на ул. Новолиньки, дом 68. Место, где был зарыт архив, знал также заместитель Рингельблома Герш Вассер.

Вторая часть материалов архива была спрятана, вероятно, в феврале 1943 г., на территории того же здания. Архивные материалы были помещены в два металлических бидона из-под молока.

Материалы, спрятанные в 1942 и 1943 гг., — это только часть собрания «Онег шабата». Остальные материалы предполагалось зарыть в доме 34 по Святоерской улице.

В сентябре 1946 г. удалось откопать только первую часть архива — при участии и благодаря информации Герша Вассера. На вторую часть наткнулись случайно лишь 1 декабря 1950 г., во время земляных работ. Эта часть сохранилась в очень хорошем состоянии, молочные бидоны успешно сохранили документы от воздействия атмосферных факторов.

В 1949 г. были проведены работы по разборке руин и раскопки во владении дома 34 по Святоерской, но не было обнаружено никаких следов спрятанных там документов. В конце марта 2003 г. была предпринята еще одна попытка разыскать третью часть архива Рингельблома и начаты раскопки на этой территории, ныне занимаемой посольством КНР. К сожалению, и на этот раз без успеха.

Двумя евреями на свете меньше.

Стена. Граница гетто. Из окна видны обе стороны улицы. В стене внизу есть сточное отверстие, через которое может пройти ребенок. В углу у стены стоят двое солдат, а с еврейской стороны, из гетто, приходит мать с ребенком. Этот шестилетний ребенок — кормилец всей семьи, через сточную канаву он протаскивает в гетто продукты для семьи. И теперь тоже, запасшись деньгами и мешком, он наклоняется и начинает ползти в отверстие. Просунув голову, он принимается глядеть во все стороны и встречается взглядом с изготовившимися солдатами.

Ребенок дергается, рвется обратно, но здесь стоит мать и подталкивает его ноги туда, туда — за продуктами.

☉ Из «Хроники» Эмануэля Рингельблома Февраль 1941

В последнее время почти каждый день на улицах, посреди тротуара, лежат потерявшие сознание или умершие люди. Это уже совсем не производит впечатления. Улицы постоянно наполнены новоприбывшими беженцами. Фуры или грузовики перегружены «бобехами» еврейской бедноты, производят ужасное впечатление.

(...)

Часты случаи, когда из помоек извлекают остатки еды. В то же время есть квартиры, где каждый день едят апельсины по 25 зл. за килограмм, виноград и т.п. Открывается все больше развлекательных заведений.

(...)

26 апреля 1941

(...) Я слышал такие слова: «Война выявила все самое лучшее и самое худшее. В великом огне всё очищается». Помощь евреям и зоологический антисемитизм, каменные сердца и величайшая готовность к самопожертвованию ради голодающих.

(...)

Конец августа 1941

(...) Умирающие с голоду — это большей частью беженцы из провинции, которые чувствуют себя потерянными в чуждой среде, со всем смиряются. Их протест выражается в нищенских жалобах и энергичном требовании милостыни от прохожих, в разжигании малейшего скандала в своей среде, в

требовании куска хлеба от учреждений или домового комитета. (...) Покричат немножко, а потом умоляют и смиренно ожидают смерти.

☉ Лейб Голдин, из «Хроники одной эпохи»

(Варшава, август 1941 г. — в мае 1942-го автор погиб в Трешлинке)

(...) Я голодный. Есть, есть, есть!

Последний суп — вчера, без двадцати час. Ближайший — сегодня, в то же самое время. Сколько осталось? Восемь часов. Хотя всерьез последний час, тот, что после двенадцати, можно бы уже и не считать.



Тогда ты уже в кухне, тебя овевают запахи из котла, ты уже готовишься. Уже видишь суп. Так что, выходит, остается всего лишь семь часов.

Всего лишь семь часов. Смешно! Семь часов, говоришь, дурачина, — это всего лишь. Ну вот именно, как выдержать эти семь часов, да что там, ближайšie два часа? Читаешь, ничего тебе не входит в голову. (...) Кончаешь уже вторую страницу и по-прежнему ничего не понимаешь. Вчера был жидкий суп, да еще и остывший. Ты досыпал соли, которую не удалось размешать. Вчера же умер Фридман. С голоду. Разумеется, с голоду. Видно было, что долго не протянет. А у меня рези в желудке. Вот если бы теперь иметь четвертушку хлеба! Такую четырехугольную, из тех, что лежат в каждой витрине, на каждом лотке уличного торговца. (...)

А вчера умер Фридман. С голоду. С голоду? Когда я его увидел голого, в тот момент, как его кидали в огромную братскую могилу (все затыкали носы платками, за исключением меня и его матери), у него был порез на шее. Так, может, не с голоду? Неужто покончил с собой? Да нет, сегодня не принято лишать себя жизни. Самоубийство тоже относится к реквизиту старого доброго времени. (...) Голод — это что-то звериное, дикое, примитивное; да-да, это дело звериное. Раз ты голодный — перестаешь быть человеком, становишься зверем. А звери не знают, что такое самоубийство.

(...)

Видел ты, как вчера хоронили? Как мусор, волокнистые останки в ров. Движение ящика дном вверх, и дело сделано. На лицах присутствующих появилось при этом потрясающее отвращение, как будто смерть брала реванш за то, что ее лишили нимба тайны, всяких этих побочных, излишних аксессуаров, которые ей приписывали.

(...)

В воздухе ранней осени и уличной жары носится запах пота и трупная вонь, словно исходящая из помещения на кладбище, куда привозят гробы перед похоронами. (...) Спотыкаешься обо что-то на земле. Чуть не упал. Но две твои ноги все-таки удержали равновесие. На земле, во всю ширину тротуара, лежит куча тряпья с зеленым, заросшим клубком грязи, который когда-то был человеческим лицом с бородой. (...) Башмаки кто-то уже успел стащить и заработать на них, пусть хоть штаны остались! (...) Из подворотни медленно, мешкая выходит дворник с кирпичами и куском старой, измазанной газетой, заворачивает труп и медленно уходит назад. Сделано.

(...) Когда-то, много лет назад, захопотанная мать, купая ребенка, верила, что ее сын — самый умный, самый способный, самый красивый. (...) А теперь этот самый способный в мире сын лежит на чужой улице, и даже неизвестно, как его когда-то звали, лежит и разлагается, а вместо матери целует его в голову кирпич, а мелкий дождик размывает замазанную газетную бумагу вокруг его лица.

**☉ М.Рубинштейн в ответе на анкету,
предложенную учащимся в полуинтернате (Варшава, сентябрь 1941):**

Наступила зима. Тогда-то мы и начали голодать. Никто нам не помогал. Когда наступили большие морозы, мы целыми днями лежали в постели. Тогда мы продавали последнее, что оставалось в квартире. Мамуся продала свое пальто, а когда стало еще хуже — даже шкаф и стол, так как шкаф был уже пустой. И этого ненадолго хватило. Мы лежали в постелях как трупы. На ногах и руках у нас были раны от холода. Соседи думали, что мы уже умерли: такие случаи в нашем доме не были новостью. И были моменты, когда мамуся и я были без сознания. И наверное уже нас не было бы в живых, если бы мы не попали в клуб, который [потом] превратился в полуинтернат.

☉ Из отчета Эстеры Карась о клубе при убежищах для переселенцев (Варшава, декабрь 1941):

Прибываем в пункт. Как бухом ударяет в голову густой, почти осязаемый дух человеческих выделений, гнилых отбросов и серы после недавней дезинфекции. По лестнице надо подниматься осторожно, потому что по всей ее ширине стекают ручьи и кал. Облегченно вздыхаю на пороге клуба. И сразу меня охватывает пронзительный холод. Дети под действием магнетической силы еды собираются тут же. Проверяю чистоту. Белье неделями не стирано. Руки покрыты чесоткой, болят, когда их моют. Дети садятся за столы. (...)

Теперь я беру сумку с сахаром и иду от палаты к палате навестить больных детей. В палатах грязь и какое-то душное тепло. Стены покрывает мокрая плесень. Гляжу на эти худые, покрытые прыщами и чирьями фигуры, лежащие под тряпьем на голых нарах в грязи и смраде, на эти голодные глаза и



думаю, на кого падает ответственность за тех детей, что здоровы, но из-за нехватки одежды лежат в постелях, за того, кое-как одетого, но не имеющего теплого угла, за умерших в детстве, за больных чесоткой, краснухой, туберкулезом; на кого падает ответственность за все это гниющее поколение.

☉ Из текста Станислава Ружицкого

«Первые впечатления. Возвращение в родное гнездо» (Варшава, 7 декабря 1941):

Хочу вернуться домой. Это чувство тоски по дому полностью меня охватывает, не оставляет никаких размышлений. Я должен вернуться, хватит с меня двухлетних скитаний, беженской доли и одиночества на чужбине. Как и все беженцы, я вынес один мудрый урок: нельзя уходить из дому. (...) Я знаю, что меня ждет перспектива быть запертым в гетто, но ничего не поделаешь. (...) В конце концов, гетто — не самое большое несчастье.

(...)

Прохожу через брешь в стене и попадаю в объятия еврейских полицейских, клетка захлопывается за мной, чувствую себя ужасно, как мышь в мышеловке, как герой детективного фильма, входящий в подвалы, погреба или могильный склеп, который вдруг неслышно закрывается за его спиной, тронутый невидимой рукой. Прихожу в себя после первого неприятного чувства, щиплю себе руки, стараюсь реально смотреть на окружающее. Начинаю идти по улицам.

Сначала я смотрю на всё и всех глазами пришельца из далеких стран, который посещает экзотические и эксцентричные для него кварталы. Что стало со мной? Я же знаю здесь каждую улицу, почти каждый дом, каждого второго человека. И тем не менее не узнаю улиц, не узнаю людей. Не знаю, на какой улице нахожусь, не умею найти дорогу к своему дому. Стены, эти символы человеческого позора и унижения, так затрудняют мне путь. Не могу избавиться от невероятной тревоги и страха, который меня внезапно охватывает. Я еще ничего не пережил, а уже чувствую себя — как все, — словно затравленный зверь, загнанный ниже уровня жизни человечества.

(...) Смотрю, что творится на улице. Невероятное движение, шум, толкучка, стоны, плачи, ссоры... Через узкие тропинки бывших улиц, через овраги, соединяющие две стороны гетто, проходят тысячи людей, переливаются неустанные волны прохожих. Тротуаров не хватает, надо пользоваться мостовой, на которой тоже царит сильнейшее движение, хотя ездят лишь время от времени немецкие автомобили, а кроме того немного повозок, один еврейский трамвай и рикши «made un getto». (...) грязно, темно, душно, холодно, чуждо. Бр-р-р!

Новоприбывшего поражает другое явление, мрачное, ужасающее: на стенах почти каждого дома видны некрологи; похороны, характерный запах дезинфицируемых вещей, мощный запах карболки, жалкие заменители карет «скорой помощи», постоянно проезжающие по улицам, (...) городом овладел мор (...)

На улицах безуспешно попрошайничают умирающие с голоду дети. Воют, молят, поют, причитают, дрожат от холода, без белья, без одежды, без обуви, в лохмотьях, мешках, тряпках, обвязанных веревкой вокруг убогого скелета, опухшие с голоду, деформированные, в полуобморочном состоянии, на пятом году жизни уже совершенно взрослые, мрачные и разочарованные, как старики. (...)

Я больше уже не гляжу на людей, когда слышу стоны и рыдания, перехожу на другую сторону, когда вижу оборванца, дрожащего от холода, вытянувшегося на земле, отворачиваюсь и не хочу видеть... Не могу. Слишком много сразу. И это всего один час...

☉ В.Браун о посещении беженского пункта:

В субботу 24 января 1942 г. вместе с г-ном Ицхоком Кацнельсоном я посетил беженский пункт на ул. Ставки, дом 9.

(...) заведующий пунктом провел нас по разным комнатам, где живут беженцы. Картину этих помещений трудно описать. Комнаты всю зиму не обогревались, грязь в комнатах ужасающая, там и сям видно только черное белье на нарах, под которым собрались главным образом дети, у которых нет ни башмаков, ни рубашек, ни, наконец, сил двигаться.

(...)

Мало того, что беженцы не видели отцовского приема и братской помощи, но они оставлены на волю всех бичей: голода, мороза, болезней, при жизни брошены в общие могилы, цинично называемые беженскими пунктами, может быть потому, что это были этапные пункты, откуда мало кто ушел



живым — чаще жизнь от них ушла. Дети дегенерировали при виде пещерной жизни родителей, лишены материнского тепла и даже обычного, физического тепла, были свидетелями позорного пренебрежения и полного равнодушия общества.

Из дневника Рахели Ауэрбах:

[Варшава, 29 мая 1942] Час в одном из «центров». Переживание. Вид цветущих, восходящих с грядки растений, молодой листвы на деревьях, пенящейся в лучах солнца, шевелимой ветерком. В эти дни мне кто-то рассказывал, как шел за двумя девчушками и подслушал их разговор. Одиннадцатилетняя рассказывала шести-семилетней о Лазенках. Это звучало как сказка. (...) Тропинки и клумбы. А что значит «клумбы»? И пруд, и лебеди. А что значит «пруд», что значит «лебеди»? Разговор увяз в нелегких объяснениях, в словесных глоссах к этой легенде былого.

Увидев на столе несколько веток сирени в банке с водой, одна пани попросила меня сегодня «одолжить» цветок сирени, чтобы показать своему ребенку, который еще в своей жизни сирени не видел и спрашивает: «А что такое сирень?» — «Такой цветок». — «А что такое цветок?»

Из «Хроники» Эмануэля Рингельблюма:

Пятница, 26 июня 1942 г., — для «Онег шабата» день больших событий. (...) На протяжении долгих месяцев мы страдали оттого, что свет глух и нем к нашей трагедии, не имеющей себе равной в истории. У нас были претензии к польской общественности, к органам, остающимся в контакте с польским правительством, из-за того, что они не сообщают о резне польских евреев, что мир об этом не знает. Мы обвиняли польские органы в том, что они сознательно замалчивают нашу трагедию, чтоб она не затмила их собственную трагедию. Все обращения, по-видимому, достигли своей цели. В последние недели английское радио постоянно передавало сообщения о зверском обращении с польскими евреями: Хелмно, Вильно, Белжец и т.д. Сегодня передали в сокращении отчет о положении польских евреев и сказали, что в Польше уничтожено 70 тыс. евреев. Одновременно обещали мстить и привлечь к ответственности за совершенные насилия. Группа «Онег шабат» тем самым исполнила великую историческую миссию, вызвала в мире тревогу за нашу судьбу и, может быть, спасла десятки тысяч польских евреев от гибели. Это последнее покажет, разумеется, ближайшее будущее.

Из рассказа Якова Гройновского (Шламека Байлера)

из Избицы-Куявской, беглеца из центра массового уничтожения в Хелмне-на-Нере:

10 января 1942

Около 11-ти появилась первая машина с еврейскими жертвами.

Жертвы: мужчины, женщины и дети — были в одном белье. Когда их вышвыривали из машины, подходили два немца в штатском и проводили дотошный обыск трупов в поисках ценностей. Они срывали цепочки с шеи, стаскивали обручальные кольца, вырывали золотые зубы. Заглядывали даже в прямую кишку, а женщинам — в детородные органы. Дальнейшие процедуры протекали в соответствии с планом. Только после появления этого еврейского этапа были выбраны «чернорабочие», как обычно, восемь. В этапе были евреи из Клодавы, о чем сообщил Гецель Хшонстковский, сам клодавынин. Управившись с этой первой машиной, «чернорабочие» вернулись к предыдущей работе, т.е. к закапыванию трупов. В полвторого была уже вторая машина. В какой-то момент Айзенштаб, тоже клодавынин, начал тихо плакать, говоря, что ему уже незачем жить: он видел, как зарывали трупы его жены и единственной 15-летней дочери.

12 января

В этот день нас погоняли с особым зверством. Не позволили подождать, пока улетучится газ из открытой машины с жертвами. Крики мучимых неопишуты. Сразу после первой машины прибыла вторая, а около 12-ти была еще третья. Когда мы пошли на обед, а те восьмеро еще остались во рву, чтобы закончить партию, подъехал черный лимузин, откуда вышли четыре офицера СС. Они тоже выслушали рапорт «Быковца» [кличка от слова, означающего короткий ременной кнут. — Пер.], пожимая ему руку с большим удовлетворением. Проявляя свое удовольствие, «Быковец» еще раз отхлестал «чернорабочих». После отъезда эсэсовцев восьмерка «чернорабочих» тоже принялась за свой обед: горький кофе и замерзший хлеб. Около часу приехала новая машина с жертвами. В этот день, а работали до шести часов, захоронили девять машин, каждая привезла 60 евреев, всего около 500 жертв из Клодавы.



В какой-то момент Гецель Хшонстковский узнал своего 14-летнего сына, которого швырнули в могилу.
(...)

После работы убили троих старых «чернорабочих», а нам велели быстро засыпать могилу... Из-за позднего часа — было уже почти совсем темно — немцы, видимо, опасаясь сопротивления, поспешно разделили нас и загнали в машины.

(...)

15 января

(...) Во время обеда дошло до меня печальное известие о том, что мои дорогие родители и мой брат уже лежат в могиле. В час мы были снова на работе. Я старался подойти поближе к покойникам, чтобы в последний раз взглянуть на моих родных. Получил при этом мерзлым комом земли от «добродушного» немца с трубкой, а «Быковец» в меня выстрелил. Не знаю, намеренно ли не попал или у него не получилось, — главное, что я уцелел. Не обращая внимания на боль, я работал очень быстро, чтобы хоть на мгновение забыть о страшной потере. Я остался один, одинокий во всем мире как перст. Из моей семьи, которая насчитывала 60 человек, я единственный остался в живых. Под вечер, когда мы помогали могильщику засыпать покойников, я в какой-то момент оставил заступ, и вместе с Подхлебником мы тихо прочитали кадиш. Перед выходом из выкопанного рва застрелили трех «чернорабочих». Вечером нас отвезли в камеру. Люди из Избицы были в отчаянии. Мы осознали, что никого из родных при жизни не увидим. Я тоже собой не владел, ничто меня уже не волновало. (...)

В понедельник 19 января 1942 г. мы грузились в большой автобус. Я всех пропустил вперед, а сам вошел последним. Жандармы сидели впереди, позади нас в тот день жандармы не ехали. У меня справа было окошко, которое открывалось просто. (...) Я быстро открутил окошко, высунул ноги, сполз ниже, схватился рукой за ящик, а ноги упер в дверцы, сказал товарищам, чтобы, как только я выскочу, сразу обратно закрыли окошко, и кинулся вниз.

❊ **Из письма неизвестной Фели родным в варшавское гетто (Кутно, 27 января 1942):**

Дорогие мои! Уже писала вам одну открытку о том, какая судьба нас встретила. Вывезли нас из Хелмна и задушили газом. Лежит там уже 25 тысяч евреев. Резня идет дальше. Не жалитесь ли вы над нами? Я, Натан, ребенок и мама спаслись, а больше никто. Что с нами будет дальше, не знаю, уже нет сил жить.

❊ **Из письма неизвестного отправителя другу в варшавское гетто (Хелм, 10 апреля 1942):**

Наш праздник Пасхи мы пережили в великом страхе и ужасе. Не сумею описать наши дни и ночи. С первого дня перед праздником мы уже ни секунды ни в чем не уверены. Смерть ходит по улицам. Нам нужно великое милосердие.

❊ **Эмануэль Рингельблюм:**

(...) новое несчастье обрушилось на головы варшавских евреев, несчастье, которое поглотило 300 тысяч жертв, — выселение.

Только очень немногие товарищи не выпустили в эти трагические дни пера из руки и продолжали писать о том, что творилось в Варшаве. Слишком святое это было дело, слишком прочно вросло оно в сердца сотрудников «Онег шабата», выполняющего такую важную общественную функцию, чтобы можно было полностью прервать эту деятельность.

Мы старались — на основе рассказов тех, кто вернулся из разных лагерей в провинции, — воссоздать страдания евреев в провинциальных городах во время выселения. Когда я пишу эти слова, труд в полном разгаре, и если нам дадут еще немного спокойствия, мы достигнем того, что ни один важнейший факт из жизни евреев во время войны не будет утаен от мира.

❊ **Из рассказа Дихтерман (беженки из Грубешова):**

В субботу 30 мая 1942 г. стало известно, что в еврейский совет пришло пять запечатанных писем относительно следующих городов: Грубешова, Дубенки, Грабовца, Угани и Белза. (...) окольным путем нам удалось узнать, что в этих письменных распоряжениях говорилось, в частности, о запрете еврейскому обществу перебираться с места на место в период с 1 по 7 июня. В городе вспыхнула паника. (...)



В воздухе носилось что-то страшное, однако определить, что́, было никак нельзя. Следующий день, воскресенье 31 мая, был, пожалуй, самый страшный, если говорить о настроениях. Всех охватила какая-то нервная суета. Готовили узелки. Женщины пекли хлеб. Никто ничего не варил. Перед зданием еврейского совета собралась толпа. Все хотели знать, как обстоят дела. Утешались тем, что, может, все-таки в последний момент удастся избавиться от этой опасности. Беспорядочная беготня без цели и смысла. Некоторые проверяли свои предварительно выстроенные укывища (...) Всюду были видны группки женщин и мужчин. Нервно разговаривали об «операции», причем никто не понимал смысла этого страшного слова. Удивительно, что некоторые мало что говорящие слова приобретают просто чудовищное значение. (...)

Все были расстроены. Собственно говоря, я не могу лучше определить это психическое состояние. У меня сложилось впечатление, что все находились в состоянии неполной вменяемости. Никто не был способен задуматься над создавшимся положением, вчувствоваться в него. Власть ума была «хлороформирована».

Всюду узелки и мешочки. Некоторые люди стоят на пороге безумия. Их глаза зияют сумасшедшим, диким страхом. (...)

(...) Вместе с приближающимся комендантским часом росли напряженность и страх. (...) Какие-то действия выполнялись скорее подсознательно.

Начиная с шести часов вечера сотрудники службы порядка начали обходить все еврейские дома. Велели приготовиться к двум часам ночи и иметь с собой 15 кг багажа и на семь дней продовольствия. (...) Всюду горел свет. Никто не ложился спать. Меня охватила безбрежная печаль и сожаления о минувшем счастье и о свободе, которой мы все дожидались. В нашу квартиру пришли соседи.

(...) В 3.30 пришел к нам наверх еврейский полицейский и велел выходить. Мы встали, навесили на себя узлы, разбудили ребенка и спустились вниз.

(...) В 4.00 мы пошли маршем на Рыночную площадь. В противоположность этапным пунктам, где были слышны жалобы и причитания женщин и плач детей, на сборном пункте царил удивительная, невероятная тишина. Эта тишина больше угнетала нас и подавляла, чем плач евреев и крики полицейских. По бокам стояла еврейская служба порядка и санитарная служба, а по площади расхаживали немцы.

Толпа производила впечатление пассивной массы, смилившейся с судьбой. Сравнение со стадом овец, гонимых на бойню, при всей своей банальности все-таки остается самым подходящим. (...)

В последний момент мне удалось вместе с ребенком и мужем уцелеть благодаря «трюку» с обмороком. Как я потом узнала, ландрат требовал контингента численностью 2,5 тыс. человек а на площадь явилось около трех тысяч.

(...) В субботу 6 июня (...) вечером, после 19.00, мы спрятались вместе с мужниной невесткой и двумя соседями (ребенка мы оставили в больнице) в наше укывище на чердаке. Мы едва могли лежать на спине. Пауки, сороконожки и другие насекомые ползали по нам. Нехватка простора, воздуха и темнота не давали ни минуты спокойствия. (...) Сквозь щели в стенах (дома деревянные) мы смотрели, что делалось на улице. Польские и украинские подростки обходили еврейские домишки, помогая находить спрятавшихся евреев. Кроме того грабили («Франек, смотри, какая красивая сумка! Сташек, вот тебе шапка!»). Город был вымершим. Мы не видели больше ни одного еврея. (...) После обеда мы видели, как немецкие солдаты шли с девушками осматривать опустелый еврейский район.

(...)

После разных перипетий в четверг 11 июня мы прибыли в Варшаву. На площади Спасителя нас разоблачил польский полицейский. Он отвел нас в участок на Познанской, где после долгих переговоров, в которых участвовал сам полицейский комиссар, договорились, что за 2 тыс. злотых нас отправят в гетто. (...) Истощенные, обнищавшие, без самой необходимой одежды, без денег, мы ищем поддержки. И что дальше, несчастный еврейский скиталец?

☉ Из варшавского дневника Лейзора Черноброды, рабочего в мастерской «Ostdeutsche Bauschlerei-Werkstatt»:

(...) Сегодня 28 августа. Началось 22 июля. Почему мы не плачем? почему не раздираем одежду? В любой момент нас ждет та же самая жестокая судьба, какая встретила наши семьи, матерей, отцов, сестер, братьев, удушенных газом и замученных в застенках. Мы не можем плакать, неспособны выжать хоть одну слезинку из глаз. Плакать способен человек. Плачут перед кем-то! Мы перестали быть людьми!



Мы — боль, мука, кровавая тень убитых, родных, друзей. Если б я мог, я открыл бы вены, намочил перо в собственной крови и писал эти слова, ибо кровоточат страницы нашей истории, истории погромов и массовых убийств. Но здесь конец, здесь край. Может, истории с перспективы веков неважно, будут в Европе евреи или нет? Но цивилизация десятков столетий сама себе вынесла приговор, все идеалы, красивые фразы, во имя которых боролось и погибало человечество, исчезают и становятся ничтожными перед нашими невероятными страданиями.

Мы не знаем, что такое справедливость. Не знаем, что такое правда, не знаем, что такое жалость. Проклятый враг вырвал из нашей груди все чувства.

Обезумевшие от боли, мы смотрели, как забирали наши семьи. Они тянули к нам руки, умоляли и проклинали, просили смерти вместе с нами, чтобы разом погибнуть, чтобы наш дом стал общим нашим могильником. Нас разделили. Нам пообещали еще несколько дней предсмертных мук ценой рабского, проклятого труда.

Спрятавшись где-то в углу, я пишу на работе, в единственном месте, где нам якобы еще можно оставаться, где палачи перед тем, как окончательно нас прикончить, хотят выжать из нас и тот остаток сил, какой еще есть, из нас — людей, что уже умерли.

(...) Не знаю, выживу ли. Вероятнее всего, это уже загробный голос. Погром продолжается.

☉ Из «Хроники» Эмануэля Рингельблюма:

15 октября 1942

Почему? Почему не сопротивлялись, когда была начата депортация 30 тысяч евреев из Варшавы? Почему позволили вести себя, как овец на бойню? Почему врагу это прошло так легко, так гладко? Почему палачи не понесли, кажется, ни одной жертвы?

(...)

5 декабря 1942

Почему оставлены 10% евреев в Варшаве? Не один человек пытался найти ответ на этот вопрос, ибо от него зависит ответ на другой: как долго нас оставят в гетто, как долго нас оставят в живых и оставят ли нас вообще в живых; когда нас прикончат?

(...) Все, с кем я разговаривал, в один голос говорят: «Надо было не допустить выселения. Надо было выйти на улицу, все поджечь, взорвать стены и прорваться на ту сторону. Немцы отомстили бы. Но это обошлось бы нам в десятки тысяч жертв, а не в 300 тысяч. А теперь нам стыдно перед собою самими и перед всем миром: наше подчинение ничему не помогло. Теперь это уже не может повториться, теперь мы должны сопротивляться, все без исключения должны противостоять врагу».

(...)

П о л и ц и я . Еврейская полиция пользовалась очень плохой репутацией еще до выселения. В противоположность польской полиции, которая не принимала участия в облавах по набору в трудовые лагеря, еврейская полиция занималась этой гнусной работой. Она отличалась также страшной коррупцией и аморальностью. Верха подлости, однако, она достигла только во время выселения. Не раздалось ни одного слова протеста против отвратительной функции, состоящей в том, чтобы выводить своих братьев на резню. (...) Ныне мозг силится решить загадку: как это случилось, что евреи — в основном интеллигенты, адвокаты (большинство офицеров были до войны адвокатами) — сами прикладывали руку к уничтожению своих братьев. Как дошло до того, что евреи тащили на возах детей и женщин, стариков и больных, зная, что все идет на гибель.

(...)

14 декабря 1942

Оставят нас или нет? Сейчас мы переживаем страшный период. Мы, последние остатки варшавских евреев, не знаем, что принесет нам завтрашний день. Живем, поглощенные неотвязной мыслью: что с нами станет? оставил ли нас враг или приговорил к уничтожению, так же, как евреев в сотнях городов и местечек Польши и других стран?

☉ Эмануэль Рингельблюм:

В нашей деятельности наступил перерыв на несколько месяцев. В это время в любой момент грозила опасность быть схваченным [и вывезенным] в Треблинку, так что не могло быть и речи о систематическом собирании материалов. Только некоторые наши товарищи даже во время выселения вели дневники и записывали свой повседневный опыт. Когда немного успокоилось, мы снова приступили к работе. Однако нельзя было и думать о монографиях городов, которые... [текст обрывается].



☉ Из вступительной статьи Густавы Ярецкой [?]

к тексту «Последний этап переселения — смерть» (Варшава, 15 ноября 1942):

(...) Собрать вещественный материал в настоящий момент нетрудно, но несмотря на все усилия невозможно придать ему объективный характер! Трудно составлять его без стона. Легче было отупевшим переживать минувший кошмар, чем сегодня вспоминать его. Кроме того переселение продолжается, в любой момент может пуститься вскачь, его процесс не завершен. Поэтому эти заметки возникают из инстинктивного желания оставить о себе след, из отчаяния, которое временами хочет кричать, и из желания оправдать свою жизнь, все еще продолжающуюся в смертельной неизвестности. У нас на шеях петли, и, когда на мгновение они сжаты не так сильно, исходит крик.

(...)

Мы записываем доказательства вины, которые нам самим уже не пригодятся. След как камень, брошенный под колеса истории, чтобы затормозить ее. Этот камень обладает весом нашего познания, которое достигло дна человеческой жестокости. В нем есть память о матерях, обезумевших от горя после потери детей; память о плаче малышей, которых без пальтишек, в летних одежках и босиком схватили и послали на дорогу смерти, и они шли, плача невинными слезами, совсем не охватывая умом ужаса того, что с ними творилось; память об отчаянии старых матерей и отцов, которых взрослые дети оставили на произвол судьбы; и это каменное молчание, которое легло на умерший город после исполнения приговора тремстам тысячам людей.



18 сентября 1946 г. была найдена первая часть архива Рингельблюма. В траншее — Герш Вассер.

☉ Открытка, брошенная на станции в Плонске из эшелона в Освенцим, 16 декабря 1942:

Утро. Мы в вагоне со всей семьей. Выезжаем с последней очередью. Плонск уже очищен. (...)

☉ Эмануэль Рингельблюм:

Сотрудники «Онег шабата» составляли и по сей день составляют монолитную корпорацию, одушевленную одним и тем же духом, проникнутую одной и той же идеей. «Онег шабат» — это не объединение ученых, взаимно соперничающих и борющихся друг с другом, но монолитная корпорация, братский союз, где все друг другу помогают и стремятся к одной и той же цели. (...) Каждый сотрудник «Онег шабата» знал, что его тяжкий труд и мука, его упорная работа и страдания, его риск жизнью 24 часа в сутки в ходе опасной работы при перенесении материалов с места на место — что все это служит великой идее, что общество сумеет в день свободы надлежащим образом оценить и вознаградить это высшими знаками отличия, какие будут в свободной Европе. «Онег шабат» был братской общиной, орденом братьев, которые на своем знамени написали готовность принести высшую жертву и сохранить верность на службе обществу.



Текст о «Онег шабате» Рингельблум писал в январе 1943 года. Вскоре вместе с женой и сыном он сумел перебраться на «арийскую» сторону, но накануне восстания вернулся в гетто. Задержанный немцами, он был вывезен в лагерь в Травники, откуда его удалось вытащить с помощью подпольных еврейских и польских организаций. С середины 1943 г. он скрывался в убежище, организованном польской семьей Марчаков на территории их владения в Варшаве. Все время оставался профессионально активным, в убежище успел, например, написать работу о польско-еврейских отношениях. В марте 1944 г. в результате доноса поляка (приговоренного затем польским подпольным судом к смертной казни) в убежище, где скрывалось свыше 34 евреев, ворвалось гестапо. Все, включая поляков, которые им помогли, были расстреляны в руинах гетто. Так погиб Эмануэль Рингельблум. Архив, закопанный в землю, пережил его.

Составила Катажина Мадонь-Мицнер

Более обширная подборка текстов из архива Рингельблума опубликована в ежеквартальном журнале «Карта» №39. Материал составлен при сотрудничестве Еврейского исторического института в Варшаве.

Эмануэль Рингельблум (1900-1944) родился на восточных окраинах Польши, в Бучаче, но со времен учебы был связан с Варшавой. В 1920 г. он пытался поступить на медицинский факультет Варшавского университета, однако из-за еврейского происхождения не был принят. Записался на философский факультет, изучал историю. Входил в число учеников профессора Марцелия Хандельсмана. В 1927 г. получил степень доктора [кандидата наук. — Пер.] на основе монографии об истории евреев в Варшаве в Средние века. Получил также диплом учителя средней школы и вплоть до 1938 г. преподавал историю. Его страстью было изучение исторических источников, он много печатался, вел активную деятельность среди еврейских историков и в общественных организациях просвещения и взаимопомощи. Еще студентом он был связан с сионистским социалистическим движением «Поалей-Сион-Левые». После того как в 1925 г. в Вильне был создан Еврейский научный институт, он был одним из руководителей его варшавского филиала.

Начало войны застало его на Сионистском конгрессе в Женеве. Он считал, что немедленное возвращение в Польшу — его «гражданский долг». Позднее он имел возможность выбраться из оккупированной Варшавы, но решил остаться и заниматься социальной помощью. После создания «Еврейской социальной взаимопомощи» весной 1940 г. он стал председателем ее секции общественной работы, контактировал с делегациями евреев-беженцев из разных мест и с разными кругами варшавских евреев. Включился также в подпольную деятельность. Устанавливал различные контакты, которые потом использовал при создании общественного архива.

Подпольный архив гетто не возник бы без решительности и энергии Рингельблума, который собрал вокруг себя полтора-два десятка постоянных и десятки временных сотрудников. Их задачей было собирать всевозможные исторические источники, а также, как сказали бы сегодня, документы общественной жизни; кроме того — активно добывать свидетельства: записывать устные рассказы, побуждать к писанию дневников, репортажей, ученических работ, проводить литературные конкурсы. Из всех этих материалов возникали наброски трудов, монографий, ибо архив должен был служить не только центром документации, но и подпольным научным институтом.



Славомир Загурский

ГИГАНТ №17

Недавно британская газета «Гардиан» опубликовала статью «The Giants of Science» («Гиганты науки»), в которой приводится список чаще всего цитируемых ученых мира за последние 20 лет. Оказалось, что среди них есть поляк. 17-м номером в списке стоит Петр Хомчинский, биолог, биохимик, живет в Цинциннати (США), автор 34 работ, которые цитировались в общей сложности 49 794 раза.

Я без труда нашел его электронный адрес. Он ответил в тот же день: «Спасибо за проявленный интерес. Мне особенно приятно, когда в Польше кто-то замечает успехи поляков за границей. Могу с удовольствием исправить Ваши сведения. По данным ИНИ (Institute of Scientific Information, Институт научной информации), я — автор самой цитируемой работы, опубликованной на протяжении последних 20-ти лет (т.е. №1)».

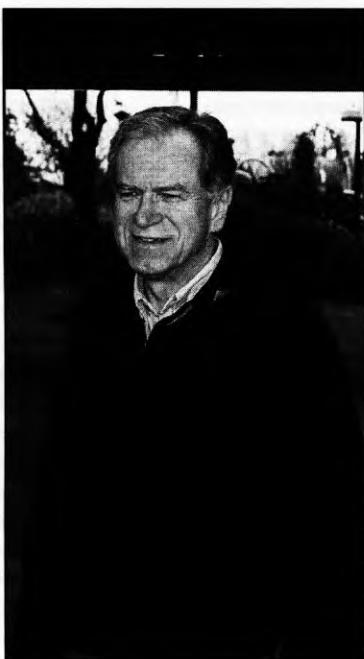
Откуда же тогда взялось 17-е место? «В списке, приведенном газетой «Гардиан», фигурируют ученые, которые, как правило, руководят большими научными коллективами и потому ежегодно публикуют десятки или даже сотни работ, — продолжал Хомчинский. — То, что я оказался в этом суммарном списке на 17-м месте, граничит с чудом, которое случилось только благодаря одной, зато очень полезной публикации (...) В ней я описал открытый мною метод выделения рибонуклеиновой кислоты (РНК), делающий возможным значительный прогресс в области молекулярной и клинической биологии, а также биотехнологии. К этому можно добавить, что я извлек немалую выгоду из своих методов выделения РНК и ДНК, основав специализирующуюся на этом фирму».



Я встретился с Петром Хомчинским в Цинциннати. Мы сели в новенький «Мерседес»-S-500 из лимитированной серии, в которой все машины подписывает лично господин Деймлер, и поехали в сто-

рону дома. Я ожидал, что владелец фирмы, «извлекающий немалую выгоду из своих методов выделения РНК и ДНК», будет жить в приличных условиях, но резиденция, перед которой остановился «Мерседес», превзошла все мои ожидания. Огромный, с большим вкусом обставленный дом на краю обрыва — с прекрасным видом на город и вьющуюся внизу реку Огайо.

Впрочем, у меня не было времени любоваться видами, потому что сразу же после знакомства с женой Петра Джуди (профессором Медицинской академии в Цинциннати) и 12-летним сыном Питером пришло время ужинать. После ужина Петр повел меня осматривать дом, и я попросил его показать мне коллекцию картин. Герымский, Герсон, Коссаки, Виткаций, Цибис, Бексинский, Дуда-Грач, Олбинский. Превосходно опрaвленные полотна висят повсюду — в гостиной, в кухне, в спальнях, в кабинете, на лестницах, в тренажерной. Те, что уже не помещаются на стенах, занимают отдельную комнату.



Мы садимся у камина и заводим беседу о семье Петра. Его дед, варшавянин Ян Хомчинский, служил в русской армии, затем вступил в Легионы [Пилсудского]. Вскоре бабушке сообщили, что он тяжело ранен и лежит в госпитале в Киеве. Она собрала в дорогу троих детей и отправилась на помощь, но, когда приехала, деда уже не было в живых. Зато по его документам ей удалось вывезти из Киева другого польского военного, который впоследствии стал ее вторым мужем и занимался воспитанием детей от первого брака.

Отца, Владислава, Петр знает только по фотографиям. Он участвовал в Варшавском восстании.

— Когда пал Старый Город, отец еще надеялся затеряться среди гражданского населения, — рассказывает Петр. — Он держал меня на руках, чтобы все видели, что у него маленький ребенок, но немцев такими штучками было не пронять. В последний момент



он поднял меня над колючей проволокой и передал матери. Самого его вывезли в Германию, откуда он уже не вернулся.

◆ ◆ ◆
Заканчивая лицей, Хомчинский прекрасно знал, что хочет идти на биофак. Вдобавок он был уверен, что его призвание — биохимия, а не какие-то там цветочки или жучки, которые могут подойти разве что девушкам. Только вот поступить на биохимию было очень трудно. Удалось со второй попытки. Вначале Петр не обнаруживал особой тяги к знаниям. Учился так себе — лишь бы получить зачет. Гораздо больше привлекали его веселые компании, джаз, пиво, игра на кларнете, концерты, танцы. «Врубился» он только на четвертом курсе, когда пошел на семинар знаменитой Ирены Хмелевской. Когда через год Хомчинский писал дипломную работу, он уже почти не выходил из лаборатории. Друзья укоряли его за то, что, расписавшись с однокурсницей, он сразу после церемонии вернулся в университет, чтобы закончить эксперимент, и только после этого, сильно опоздав, приехал на свадьбу.

Диплом он писал под руководством проф. Зофьи Каспшик — исследовал синтез некоторых соединений в цветке ноготка (эти соединения — своего рода сигнал, который цветы посылают корням, когда растение должно начинать подготовку к зиме).

— Я ходил гордый, как павлин, потому что проф. Каспшик представила результаты моей дипломной работы на конференции в Стокгольме, — вспоминает Петр. — Вернувшись, она предложила мне остаться при университете, но я вежливо отказался. Я уже знал, что хочу заниматься нуклеиновыми кислотами и ничем иным. «Я вижу, ты заранее запланировал всю свою жизнь», — сказала мне проф. Каспшик.

Хомчинский попал в Институт генетики и животноводства ПАН. Он был самостоятелен и честолюбив, поэтому его послали писать кандидатскую в один из лучших в стране научных центров — в варшавский Институт биохимии и биофизики (ИББ) ПАН. Его научным руководителем был проф. Пшемислав Шафранский, первый польский ученый, всерьез занявшийся нуклеиновыми кислотами и биосинтезом белка. Хомчинский чувствовал себя в ИББ как рыба в воде. В 1971 г. он защитил кандидатскую диссертацию на тему «Неоднозначность генетического кода». Результаты его работы были опубликованы в знаменитом западном журнале «Biochemical Journal».

— Как-то раз в ИББ приехал издатель «Biochemical Journal». Это была моя первая встреча с западным ученым, — вспоминает Петр.

◆ ◆ ◆
Вскоре число подобных встреч резко возросло. Хомчинский получил стипендию НИЗ (National Institutes of Health, Национальные институты здоровья) и отправился за океан.

В США он приехал летом 1971 года. Больше всего его поразила буйная сочная зелень. Он представлял себе Америку страной угля, фабрик и стали, а тут вокруг росли деревья, журчали ручейки, пели птицы. Американцы показались ему людьми улыбчивыми, терпимыми и милыми, но он быстро понял, что эта любезность довольно поверхностна.

Зато как молодой «post-doc» из Польши он был восхищен возможностями американской науки. В этом смысле НИЗ создавал исключительные условия.

— Представляешь себе, тамошние ученые вообще не пишут заявок на гранты! Достаточно короткого письма секретарше: «Закажи то-то и то-то», — и на следующий день заказ уже выполнен — ведь деньги на исследования дает правительство. Поначалу я не мог в этом разобраться и по старой привычке заказывал в три раза больше, чем нужно. В конце концов шеф сделал мне замечание, что я, пожалуй, беру на вырост. «А что я буду делать, если через месяц деньги кончатся?» — спросил я. «Не бойся, не кончатся», — успокоил он меня.

Хомчинский работал как бешеный. Он написал несколько вполне приличных работ, но тем не менее чувствовал тень разочарования.

— У меня не получилось ничего необыкновенного, хотя я очень старался. Я думал, что стоит мне приехать в Штаты, как я тут же получу Нобелевскую премию. Между тем ничего подобного не случилось.

◆ ◆ ◆
Петр вернулся в Варшаву. Из первой стипендии он сэкономил 4 тыс. долларов — эквивалент двухсот зарплат адъюнкта. Он купил машину, защитил докторскую. Перешел в Главный институт сельского хозяйства (ГИСХ), где читал лекции студентам, хотя преподавание никогда его особенно не привлекало. У него уже были солидные научные достижения, но он никак не мог дожидаться звания доцента и оставался и.о. завкафедрой биохимии.

В 1981 г. он опять поехал в Вашингтон, в НИЗ. Вернулся он в сентябре 1982 г. и тогда впервые почувствовал, что, возможно, его место там, где понастоящему занимаются наукой, а не там, где на каждом шагу борются с превратностями судьбы. Выдавая ему служебный паспорт, чиновница ГИСХа, должно быть, что-то почуяла: «Значит, ты уже не вернешься к нам, правда?»



◆ ◆ ◆
После трех лет работы в НИЗ в качестве visiting scientist Хомчинский начал подумывать, что же дальше. Он получил три предложения — из Цинциннати, Лонг-Айленда и Дэвиса в Калифорнии. Ему показалось, что жить лучше всего в Цинциннати: это город не слишком большой, но и не слишком маленький. Тогда он еще не знал притчи Марка Твена о том, что если бы настал конец света, знаменитый писатель хотел бы оказаться именно в Цинциннати: все происходит там с опозданием, а значит, и конец света наступит по крайней мере на две недели позже.

Хомчинский поехал на собеседование с завкафедрой медицины тамошнего университета.

— «Почему ты хочешь жить и работать в Цинциннати?» — спросил он меня. «Потому что здесь... замечательный симфонический оркестр», — выпалил я. Лучше сказать я не мог. Этот парень работал добровольцем в организации, поддерживающей местный оркестр. Ну, и работа была у меня в кармане.

В Цинциннати Петр впервые начал думать о собственном бизнесе. По-американски. Он уже знал, что в этой стране ученых ценят, но значительно меньше, чем в Польше; что люди, которые что-то значат (помимо политиков), — это люди, занимающиеся бизнесом. Кроме того ему казалось, что у него есть нечто, способное принести деньги. Этим «нечто» был метод выделения РНК из тканей растений и животных.

Свой метод Хомчинский разработал несколькими годами раньше, в Польше. Он как раз вернулся из очередной поездки в США и пытался продолжить эксперименты. Однако в Вашингтоне у него была современная ультрацентрифуга, а в Варшаве о таком приборе за 100 тыс. долларов можно было только мечтать. Как тут выкрутиться? Тогда ему пришло в голову, что если смешать хлороформ с фенолом и изотиоцианином тимидина, то все ненужные молекулы уйдут в фенол, а РНК без проблем перейдет в хлороформную фракцию. Вместо трех дней работы и дорогостоящего оборудования достаточно иметь три часа и дешевую традиционную центрифугу.

На некоторое время Петр оставил свою идею (он опять был в Америке и опять имел доступ к ультрацентрифуге), но в 1986 г., тщательно просчитав все параметры, решил подготовить публикацию. Его соавтором была коллега по НИЗ итальянка Николетта Саччи. Статья, озаглавленная «Single-Step Method of RNA Isolation by Acid Guanidinium Thiocyanate Phenol Chloroform Extraction», была опубликована в журнале «Analytical Biochemistry». Это была полная сенсация. Все, кто хоть раз испробовал метод Хомчинского, и слышать не хотели о прежнем. Недостатка в потенциальных клиентах не бы-

ло, так как сейчас почти каждая лаборатория молекулярной биологии, биотехнологии и молекулярной медицины исследует эффекты действия генов, т.е. вышеупомянутую РНК. Судя по всему, Хомчинский нашел настоящую золотую жилу.

◆ ◆ ◆
Он узнал, что по законам США открытие можно запатентовать в течение 12 месяцев после публикации (в Европе патент нужно получить заранее). Пока он писал заявку, ему удалось еще раз упростить свою технологию и изготовить коммерческий реактив: все компоненты умещались в одной бутылке, а процесс получения чистой РНК сводился к гомогенизации ткани, взбалтыванию пробирки с порцией реактива в течение 15 секунд и прокручиванию на центрифуге. Это было похоже на какой-то фокус, но действовало безупречно.

Получение патента в США длится около двух лет и стоит не меньше 10 тыс. долларов. Дело ведет адвокат патентного управления, который должен доказать оригинальность идеи. Хомчинский, который только что развелся и был почти без средств, извел на гонорар адвоката все свои зачатки. Но дело того стоило: он получил патент №4 834 155.

Основать первую фирму ему помог индус, который предложил вести исследования и производить реактивы в Хьюстоне в Техасе.

— С этой его помощью я крупно лоханулся, — говорит Петр. — Мы пошли к адвокату, и мой индус говорил так быстро, что когда мы вышли, я оказался хозяином не 100, а только 80% фирмы.

От нежелательного совладельца удалось отделаться лишь спустя много лет, причем дело не обошлось без суда.

С понедельника до пятницы Хомчинский работал в университете Цинциннати, а в пятницу вечером садился в самолет и летел в свою фирму в Хьюстон. Коллеги удивлялись, как он выдерживает постоянные разъезды, но он был так увлечен, что не чувствовал усталости. Когда производство реактивов начало раскручиваться, он решил перенести бизнес в Цинциннати. На одолженные под высокий процент деньги он купил за 100 тыс. долларов старую аптеку. Впрочем, с долгами он вскоре разделался, так как с каждым месяцем дела шли все лучше.

Петр разработал новый реактив, позволивший получать одновременно РНК, ДНК и белки, т.е. всё, чего только может пожелать молекулярный биолог. На этот реактив он получил очередной патент — №5 346 994. На этот раз патент распространялся не только на США, но и на весь мир. Это стоило четверть миллиона долларов.



Первые большие деньги появились в 1994 году. — Это происходило постепенно, — говорит Петр, который неохотно называет конкретные суммы (однако он признал — впрочем, это можно прочесть и в каталоге фирмы, — что небольшая, 400-миллилитровая бутылочка его реактива стоит в США 450 долларов; в Европе реактив стоит на 20% дороже, а в Японии цена еще выше). — Знаешь такую поговорку: «Джентльмен не говорит о деньгах — он их имеет»? Так вот, я начал их иметь. Я все еще был иностранцем, у меня не было американского паспорта, а мой английский оставлял желать лучшего. Помню, как я выписывал первый в моей жизни чек на миллион долларов. Дохожу до слова «миллион» и... вдруг осознаю, что я не помню, как пишется «миллион» по-английски: через одно «л» или через два. Достаю словарь, проверяю. Все-таки через два. Не захлебнулся ли я деньгами? О, да. Как только начинаю захлебываться, я тут же покупаю картины.

Первая покупка состоялась в 1991 году. Хомчинский прочитал в польских газетах об аукционе в Гринпойнте и вернулся домой с тремя полотнами. Одна из картин стоила 4 тыс. долларов, и Джуди (которая к тому времени уже год была женой Петра) немного ворчала, что это излишняя роскошь. Джуди — родом из семьи, где деньги всегда экономили. У нее восемь братьев и сестер. Ее отец держал продуктовый магазин, а ей самой приходилось работать по ночам на фабрике, чтобы заплатить за учебу.

— К счастью, со временем я начал зарабатывать значительно больше, а Джуди полюбила польскую живопись, — говорит Петр. — Мои причуды помимо картин? Дом и машина. Сколько стоил дом, я тебе не скажу. Замечу лишь одно: то, где и как я живу, весьма существенно. Некоторым семействам, испокон веков живущим в Цинциннати, не надо демонстрировать свои состояния — все и так знают, что они богаты. Но такой пришлый элемент, как мы... Я просто должен жить в хорошем доме и ездить на хорошей машине — хотя бы ради того, чтобы продолжать вести дела с нужными людьми. Недавно мы с группой соседей основали банк.

На протяжении нескольких лет Хомчинский пытался сочетать научную и деловую карьеры. Однако в науке его все больше раздражала необходимость искать средства.

— Сам процесс написания проекта — одно удовольствие, но потом наступает менее приятный момент оценки. Скажем, рецензент пишет, что твоя цель недостижима, в то время как ты прекрасно знаешь, что она достижима.

После 1992 г. Петр вообще перестал искать деньги и начал содержать университетскую лабораторию на собственные средства. Через четыре года он окончательно расстался с университетом и создал лаборато-

рию в расширенной аптеке под вывеской новой, основанной в 1989 г. (на этот раз без совладельцев) фирмы «Molecular Research Center» (MRC).

В 1998 г. губернатор штата Огайо наградил MRC за высокие показатели экспорта. Второй награжденной фирмой была «Дженерал электрик». На церемонию вручения пришло, с одной стороны, несколько человек от MRC (это была почти вся фирма в полном составе, в офисе осталась только секретарша), а с другой — несколько десятков господ в костюмах из «Дженерал электрик».



Кроме славы и денег к Хомчинскому пришло и научное признание. Он довольно быстро сориентировался, что его статья «Single-Step Method...» часто цитируется. А ведь самый объективный показатель научного успеха — это как раз число цитирований. Сначала Петр ходил в библиотеки и считал: 100, 150, 500 ссылок на его статью. Потом он потерял счет.

2 февраля 2000 г. Дэвид Пендлбери из Филадельфийского Института научной информации прислал ему письмо: «Дорогой доктор Хомчинский, к концу 1999 г. Ваша статья цитировалась 38 328 раз. В настоящий момент это чаще всего цитируемая работа, включенная в список ИНИ за 1981-1999 годы. Она занимает первое место среди 15 959 публикаций, цитировавшихся по крайней мере 300 раз».

Оказалось, что в 1988-1995 гг. число цитирований росло лавинообразно и в 1995 г. перевалило за пять тысяч в год. Иными словами, ежедневно ученые ссылались на статью Хомчинского 14 раз. И так изо дня в день на протяжении пяти лет! Стоит добавить, что ИНИ просматривает 16 тыс. научных журналов и книг, а в списке за 1981-1999 гг. содержатся фамилии 2,5 млн. ученых со всего мира. Статья «Single-Step Method...» заняла первое место.



Что говорят о Хомчинском другие? Все, что я выслушал на его тему, было на редкость приторно. Только проф. Ирена Шумель, его ассистентка с университетских времен, сказала: «Кто бы мог подумать! Ведь он вовсе не был таким уж блестящим ученым. Но, конечно, я очень рада его успеху».

Проф. Владзимеж Остоя-Загурский, коллега по ИББ, ныне директор этого института: «Петр? Хорошая кандидатская, хорошая докторская. Ну и чутье в бизнесе».

Проф. Лилиана Конарская, биохимик, университетская приятельница: «Отличный парень. С огромной фантазией и чувством юмора. Он никогда не был зубрилой, зато всегда был очень изобретательным и любил преодолевать жизненные невзгоды. Лучший при-



мер этой изобретательности — его метод. Другой бы на его месте жаловался, что не может ничего сделать, потому что нет центрифуги, а Петр решил действовать».

Д-р Ежи Баранкевич, одноклассник и друг, ныне сотрудник фирмы MRC, а также деятель Полонии и журналист, превозносит своего друга и шефа до небес, но в то же время сетует, что поляки так мало делают для признания заслуг других поляков, которые добились успеха и что-то значат. Петр уже несколько лет финансирует премию им. Кароля Парнаса за лучшую работу по биохимии, написанную в Польше. Поддерживает он и множество инициатив Полонии.

— Я написал президенту ПАН проф. Анджею Легоцкому, что, может, стоит дать Петру какой-нибудь диплом или премию. Пришел холодный ответ: «Нам известны достижения д-ра Хомчинского». Всё, точка, — негодует Баранкевич.

Врач Мария Дзедзиц, одноклассница: «Петр сидел за одной из последних парт. Спокойный, сдержанный, не склонный к выступлениям. Тогда все рвались в медицинский, на юрфак или в Политехнический. А они с Баранкевичем придумали себе биохимию. Я горжусь его достижениями. Хорошо, что кто-то о нем наконец напишет».

Агата Новаковская, журналистка «Газеты выборов»: «Я познакомилась с Петром, когда мой сынишка лежал в больнице в Цинциннати. Он проявил ко мне столько заботы и участия, словно я была членом его семьи, а не чужим человеком. А как он коптит рыбу! И какие делает шербеты...»

Ширли Полман, секретарша в MCR: «Никогда прежде у меня не было такого шефа и лучше уже не будет».

Д-р Иоанна Рымашевская, по образованию стоматолог, многолетняя сотрудница: «Петр — очень способный ученый. А также ходячее спокойствие. Когда акции на бирже летят в тартарары, он только улыбается и говорит, что потом они пойдут вверх. У нового поколения эмигрантов нет ни времени, ни желания играть в поляков. А у него есть. Это он уговорил меня стать председателем Polish American Society в Цинциннати».

Биолог (голос из Интернета после моей первой статьи о Хомчинском): «Поздравляю Вас, пан Петр, как с открытием метода выделения РНК, так и с программой проектирования праймеров «Олиго». Это два лучших «продукта» в молекулярной биологии. Без них нам пришлось бы туго».

Губернатор штата Огайо Роберт Тафт: «Огайо гордится тем, что ему выпала честь стать новым домом доктора Хомчинского, одного из самых выдающихся ученых мира». И уже не в микрофон: «Хорошо, что Польша прислала нам Хомчинского».



Петр не любит заниматься административной работой, поэтому не расширяет свою фирму, желая сохранить в ней небольшое число сотрудников и почти семейные отношения. Зато он любит работать в одиночестве в своей лаборатории, любит придумывать новые технологии и... играть на бирже («Прошлый год был не очень удачным, но заработать почти 50% — это не так уж плохо, а?»).

Он смеется, что с помощью своей технологии выделения РНК занимается крупномасштабной секретной патриотической пропагандой:

— Каждый, кто пользуется нашим реактивом и экстрагирует РНК, обязательно увидит польский флаг. Внизу пробирки оседает фракция красного цвета, а наверху держится белая с РНК.

Он не тратит времени впустую. У него все еще множество планов — научных, деловых и благотворительных. Одним из его коньков стало клонирование растений. В Америке он уже несколько лет пытается клонировать самые большие и старые деревья. Петр хочет уговорить какого-нибудь польского предпринимателя размножить знаменитый польский дуб Бартек и посадить его возле каждой школы.

— Представь себе, что каждый польский ребенок сможет прикоснуться к дубу, который рос, когда Польша только зарождалась. Я бы дал деньги на такой проект.

Печатается с сокращениями

DUZYFORMAT



Александр Липатов

НЕВЕДОМАЯ ПОЛЬША

Соседство не только сближает, но и отталкивает, не только притягивает, но и разводит: культурно-исторически особые, а потому часто несовпадающие интересы соседей, их образ жизни, воззрения, быт, нравы, порой и сам внешний облик — неизбежные предпосылки как взаиморасположения, так и взаимоотношения. Поэтому-то национальное восприятие «других» отнюдь не однозначно (однозначным — в ту или другую сторону — его изображает и насаждает пропаганда официальных властей в зависимости от проводимой ими политики).

Уничтожение (1795) Речи Посполитой (в котором Россия соучаствовала с Австрией и Пруссией) привело — вопреки устремлениям верхов власти растворить поляков в многонациональном конгломерате империи — к обострению исторической русско-польской конфликтности, польским национальным восстаниям, каждый раз подавляемым со все нарастающей жестокостью, и следовавшим за ними усиливающимся ограничениям самой польской культуры. Конечным итогом такого решения польского вопроса тремя империями был их развал и обретение поляками независимости в 1918 году. Вся дальнейшая русско-польская история стала продолжением предшествующей: в специфических условиях XX века (большевизм, национал-социализм, II Мировая война) очередные попытки принудительного решения польской проблемы (советско-польская война 1919-1920 гг., «пакт Риббентропа—Молотова» и вторжение Красной Армии на польскую территорию 17 сентября 1939 г., Катынь, массовые репрессии и депортация поляков в глубь СССР, Ялтинские соглашения, насильственное установление ПНР и времена «соцлагеря») опять приводили к национальному сопротивлению (разгром Красной Армии в 1920 г., массовое партизанское движение в период немецкой оккупации, «малая гражданская война» 1944-1948 гг., познанские выступления рабочих (1956), мартовские демонстрации студентов (1968), декабрьские (1970) выступления рабочих Балтийского побережья, рабочие демонстрации протеста в Радоме и других городах (1976), создание «Солидарности» в 1980 г. (а еще раньше — независимых организаций студенчества и интеллигенции), массовое сопротивление времен военного положения — все это завершилось крушением режима, силой навязанного полякам Советским Союзом, и воссозданием государственного суверенитета в 1989 году.

Такая длительная геополитическая непрерывность, а отсюда и преемственность стереотипов в традиционном мышлении и практике властных верхов империи, развязывающих очередные государственные и национальные конфликты, на протяжении веков все туже и туже затягивала русско-польский узел, что не могло не накладывать отпечаток на взаимоотношения двух соседних народов. Сам же политический класс, манипулируя массовым сознанием на пути идеологического препарирования фактов прошлого и современности, раньше или позже, но неизменно сам попадал в им же расставляемые ловушки. Узость стереотипов, отсутствие элементарной информации, не вмещающейся в их официально предустановленные рамки, сам порожаемый этим стандартный тип пропагандистского мышления приводят к интеллектуальной беспомощности перед лицом радикально изменившейся ситуации. Одним из примеров может служить история обвального распада «соцлагеря» и мгновенная переориентация «братских стран» от Варшавского договора к НАТО, от СССР к ЕС. Российский политический класс реагировал на это истерикой брошенной женщины, ибо был не в состоянии не только предвидеть, но и понять естественность реакции тех, кто стремился освободиться от насильственного «брака поневоле» и связанных с ним ограничений своего суверенного бытия и унижений своего национального достоинства.

Дальнейшие, до сих пор продолжающиеся (и весьма дорогостоящие) попытки заполнить образовавшийся идейный вакуум реанимацией концепции славянского единства — очередное свидетельство несостоятельности культурно-исторического мышления российского политического класса, который,



будучи не в состоянии осознать современную реальность, дабы самостоятельно выработать соответствующую ей идейную перспективу, обращается к мифу, созданному историками и филологами в начале XIX века и опровергаемому как прошлым (извечные межславянские распри), так и настоящим (развал «соцлагеря», а затем и самого СССР, кровавый распад Югославии, цивилизованный «развод» Чехии и Словакии).

Польша — часть славянства, с которой России до сих пор не удавалось найти общий язык. Наметившийся сейчас положительный сдвиг в отношениях России и Польши может обрести реальные формы не в словесных декларациях (вспомним, чем завершились призывы к «братской дружбе между народами СССР и ПНР»), а на основе взаимопонимания и взаимоуважения. Этого можно достичь, восполняя искусственные пробелы, созданные нашей пропагандой, цензурой и учебниками, творящими образ Большого Брата и братьев меньших. В советском политическом обиходе, а отсюда и в массовом сознании, это оборачивалось снисходительным похлопыванием по плечу брата меньшего с приговариванием: «Мы тебя освободили, и без нашей помощи ты пропадешь». А за его плечами — с иронической усмешкой: «Курица не птица, Польша не за граница».

Относительно освобождения. Поляки, лишённые независимости в конце XVIII в., упорно сражались за нее вплоть до 1918 года. Древние традиции собственной государственности и национальный склад ума, сформированный системой шляхетской демократии, которая ставила во главу угла гражданские свободы и индивидуальное чувство собственного достоинства, предопределили несгибаемость побежденной нации. И чем большим притеснением она подвергалась, тем большее сопротивление в ней нарастало. Череда национальных восстаний завершилась обретением собственной государственности, завоеванной самими поляками в 1918 году.

Роль СССР во II Мировой войне мы относительно хорошо знаем, роль союзников — значительно меньше, а судьбы и роль Польши?

В течение сентября-октября 1939 г. под ударами Германии с запада и СССР с востока польские войска были разбиты. Однако не была уничтожена польская государственность. Феноменом истории было создание подпольного государства, руководство которого было непосредственно связано с созданным в Лондоне правительством Речи Посполитой в изгнании. Уже в начале 1940 г. был создан подпольный парламент, где были представлены не только крупнейшие политические партии (социалистическая, национальная и крестьянская), но и малые политические объединения. В национальной системе управления оккупированными территориями сверху донизу действовали структуры, руководившие армией, полицией, судопроизводством, хозяйственно-экономической деятельностью, здравоохранением, социальной защитой, гражданским и военным образованием всех уровней (так, например, в тайных средних школах к концу оккупации обучалось более 60 тысяч человек, а в одном только подпольном Варшавском университете — свыше двух тысяч). В подполье действовали научно-исследовательские институты, издательства и типографии (только на территории Генерал-губернаторства* этих последних было около 400). Издавались газеты, журналы, книги. Саботаж, военное сопротивление, разведка, работавшая на западных союзников и доставившая в Англию знаменитую ракету «Фау-1», помощь восставшему в Варшаве гетто, а затем Варшавское восстание 1944 г. — все это было непосредственно связано с деятельностью подпольного государства. Вне его действовала армия генерала Андерса на Ближнем Востоке, в Северной Африке и Италии, танковая дивизия генерала Мачко, участвовавшая в высадке десанта в Нормандии, освобождавшая Бельгию и Голландию. Небо над Лондоном защищали два польских авиадивизиона. В составе Красной Армии действовали польские соединения под командованием генералов Берлинга и Сверчевского. На рубеже 1943-1944 гг. Польская рабочая партия при прямой поддержке СССР стала действовать на оккупированной территории, организуя коммунистическую конспирацию и партизанские отряды Армии Людовой.

* Гитлеровская Германия, оккупировав Польшу, разделила ее на две части: западная была включена непосредственно в Третий Рейх, в восточной, Генерал-губернаторстве, было введено оккупационное управление. — *Ред.*



Созданная Подпольным государством Армия Крайова в соответствии с планом «Буря» взаимодействовала с наступающими частями Красной Армии, однако шедшие вслед за фронтовиками войска НКВД проводили массовые аресты участников польского Сопротивления и местных представителей подпольного государства. В марте 1945 г. представители центрального руководства подпольного государства были приглашены генералом НКВД Серовым на переговоры. Все 16 членов делегации были арестованы и отправлены на Лубянку. Действия советских властей, использовавших местных коммунистов, вызвали сопротивление — партизанское и легально-гражданственное. Насильственное установление «народной» власти обернулось (как некогда в России) террором, депортацией, фальсификацией выборов, борьбой с Церковью, принудительной коллективизацией, катастрофическим снижением жизненного уровня.

Это очередное подавление поляков было лишь внешним — под поверхностью постоянно бурлило. После кровавого подавления народных выступлений в Познани власть вынуждена была пойти на уступки. Однако польская «оттепель», начавшаяся с приходом Гомулки в октябре 1956 г., длилась недолго. Но долго длилось сопротивление — рабочих и интеллигенции. Противостояние чуждого национальным традициям тоталитаризма и поляков разрешилось после череды национальных взрывов, которые привели к консолидированному общенациональному сопротивлению: движение «Солидарности» объединило все социальные слои, включая значительную часть членов правящей партии. Введение военного положения возродило созданную Подпольным государством традицию. Феноменальная способность к самоорганизации в критические моменты и несгибаемая воля к сопротивлению вопреки, казалось бы, безнадежной ситуации — эти особенности польского характера вновь проявились во всей полноте. В национальном движении участвовали все социальные слои и возрасты. Подпольные издания (печатные, рукописные, на магнитофонных лентах) создавались повсеместно — в школах, на заводах, в вузах, во всевозможных учреждениях. И нация выиграла эту войну, навязанную ей режимом, который сам находился под пятой Большого Брата. В очередной раз был развеян миф о неспособности поляков иметь свое государство. В очередной раз поляки показали, что их родина — не курица, которую можно легко и безнаказанно сгрести в ошип. В очередной раз они доказали, что национальные границы их государства, пределы их национальной культуры, традиций и обычаев нельзя безнаказанно нарушать, бесцеремонно насаждая чужие порядки и чуждые представления.

Такая нация достойна уважения, а чтобы сотрудничать с ней теперь, нужно хорошо усвоить ее историю и ее норы. Поляков можно победить, но покорить их, навязать чуждые им идеи и чужой для них образ жизни невозможно.

Давний российский политический класс, позднейший советский и нынешний, опять российский, склонны считать себя выразителями народных чаяний, ссылаться на народ и его мудрость. В этой связи стоит не только припомнить, но и осознать прадавнюю и мудрую истину русского народа, которая никогда не была истиной для его правителей: «Не суйся в чужой монастырь со своим уставом».



Владимир Крюков

ПРИЗНАНИЕ ПОЛЬШЕ

Дорогие друзья!

Пишу по движению души. Наверное, мое признание не такое уж исключительное в почте редакции. Я давний читатель «Новой Польши». И рад, что появилось издание, цель которого, как я вижу, способствовать новому взаимопониманию. Хорошо, что мы идем к этому по доброй воле.

Меня тронули заметки Виктора Кулерского «Что было в домике лесника, а что в камышах». Как здорово, что русская литература (даже советской поры) помогла ему подавить ненависть к народу-соседу. Замечательно он это выразил: «Русские лица освобождались от маски советского человека».

Видимо, будут возникать на пути сближения камни преткновения и колдобины, подобные тому, мягко говоря, неумному заявлению МИД РФ по поводу вторжения Красной армии на территорию Польши в 1939-м. Но будем оптимистами.

С большим интересом читаю материалы на самые разные темы. И все-таки с особым — все, что касается кино, театра, литературы. Стихи Милоша, Шимборской, переводы Натальи Горбаневской. Очень рад, что она принимает деятельное участие в журнале.

Помню, незадолго до моего отчисления из Томского университета в январе 1969-го один студент-геолог привез из Москвы ее большую подборку, называвшуюся, кажется, «Потерянный рай». Мы тогда просто обалдели, так это было свободно и сильно. Отчислили меня с суровой формулировкой «за поведение, порочащее достоинство советского студента» (недоносительство на товарища-сокурсника, издававшего рукописный журнал), однако потом удалось доучиться. Но когда в 80-м познали со службы за чтение самиздата, припомнили и былое. Ну и, разумеется, нигде никаких стихов не печатали, в газеты не допускали (даже под псевдонимом).

Зато в 1989-м «доверили» руководить областным литературным объединением, издали стихотворный сборник, потом вышло еще два, и по рекомендации Александра Кушнера вступил в Союз российских писателей. Сейчас — вольный художник, работаю по договорам.

Журнал ваш получаю в томском «Мемориале» (я — член Совета) из рук Василия Ханевича, по-моему, в Польше хорошо известного. Он много пишет о поляках — репрессированных, погибших в лагерях. В его родном Белостоке, основанном ссыльными поляками, Василий содействовал строительству костела, по его инициативе поставлен памятник жертвам террора.

Посылаю вам свою статейку, напечатанную в местном краеведческом издании. Может быть, каким-то образом пригодится. А главное, мне хотелось сказать свое спасибо за вашу нужную работу, за этот замечательный журнал.

Вот я думаю: а с чего, собственно, полюбил я эту страну — Польшу, никогда в ней не побывав, не слыша о ней восторженных рассказов.

Я родился в нарымских краях в 1949-м, и все страны были так далеки, отрезанные бесконечной тайгой и болотами. Да что там дальние страны! Город Томск, самый близкий к нам, я увидел впервые на 13-м году жизни, и он поразил меня до глубины души. Впрочем, теперь, немного поглядев мир, я понимаю: Томск — далеко не последний город на земле.

Мой отец, прошедший по той земле как воин-освободитель, с большой симпатией вспоминал полек, воспроизводил несколько фраз, которым научился и среди них — «дзенькую, пани». Я унаследовал от папаши любовь к полякам (экранным, разумеется). Первой была Люцина Винницкая, затем горячившая юношескую кровь чувственная Беата Тышкевич, ну и далее — Барбара Брыльская, Пола Ракса, Кристина Миколаевская...

Кино для моего поколения вообще значило очень много, это было окно в мир, единственное оставленное нам. Конечно, хорошо отслеживалось, что мы там увидим, и все-таки наши цензоры были не всеильны — жизнь просачивалась.

Польское кино незаметно стало частью жизни. Никогда не забуду впечатления от «Пепла и алмаза», увиденного на первом курсе университета в 1967-м — вовремя и без чьей-то наводки. Какую странную близость почувствовал я к герою Збигнева Цибульского, как щемило сердце, когда умирал он, обманутый и потерянный. Вокруг лежал и летал мусор, и при желании тут можно было увидеть символ отброшенности, ненужности этого человека новому времени. Однако жесткая дилемма «кто не с нами — тот против нас» не работала. И вопреки всякой идеологически верной ориентации просто сострадание вызывал этот Мачек.



Вроде мы жили в одном лагере и (продолжая эту образность), наши бараки стояли рядом, но как-то сохраняли соседи гордость и достоинство, не прятали их, а, напротив, старались подчеркнуть. Воплощением этих качеств на экране был Даниэль Ольбрыхский. Ему хотелось подражать — быть таким же дерзким, решительным, сильным, резким.

Те, чья юность пришлась на рубеж 60-70-х, вряд ли забудут замечательные исторические ленты «Крестоносцы», «Пан Володыёвский», «Фараон», «Пепел», авантюрную «Рукопись, найденную в Сарагосе». Какой там Голливуд! Здесь не было места дурному вкусу, выжиманию слез, бутафории. Не было излишней помпезности, свойственной нашим эпическим постановкам. И вообще все казалось роднее и ближе.

Я мало что знал о современной жизни этой страны. Не воспринимать же как последнюю правду мажорные репортажи со страниц журнала «Польша». Знал, что климат там — не сахар и земля не богата, а значит, требует труда. Знал, что народ живет непросто. И при этом сохраняет гордость, свободолюбие — это вызывало безусловное уважение.

В ту пору наши девушки мечтали получить в подарок косметику фабрики «Pollena», какие-то кожаные безделушки, сумочки — у поляков были стиль и шарм.

Пропольские мои настроения пытались охладить доброхоты. Говорилось о польской фанатерии (давили авторитетом Достоевского), что-то приводили из личных впечатлений, про то, как неприязненно относятся они к нам, русским. Ну а почему надо было ждать другого? Разве не «ходили мы походами» по чужим полям?

Правда, все не так просто и одномерно. Вспомним стихи Тютчева, сложенные после подавления польского восстания против владычества России (1831 г.):

*Так мы над горестной Варшавой
Удар свершили роковой,
Да кутим сей ценой кровавой
России цельность и покой.*

Поэт уверял, что русских одушевляла мысль «грозой спасительной примера державы цельность соблности». А что одушевляло век спустя нашу красную Конармию? Признаюсь, мне никогда не было досадно наше поражение под Варшавой в 1920-м, наоборот, я совсем непатриотично был на той стороне.

Однако, если уж на то пошло, и поляки были в Москве в 1612 году не как хорошие гости.

А вот — близкое, кровное, испытанное на себе. К началу 80-х стало просто невмоготу душно в отечестве нашем. Решили добиться какого-то небывалого бетонного единства, что ли. Всех «отщепенцев» повыловили, посажали, повыслали за кордон. Тут тоже не пикни. Мало того, даже чтением стали управлять: это можно, а это — нельзя, а за это даже и посадим. Паскудно, муторно.

И тут взошла звезда «Солидарности». Это гордое звучное имя профсоюза рабочих Гданьска, возникшего без разрешения государства и ставшего реальной силой, сделалось нашим паролем. Мы с понятным волнением следили за противостоянием «Солидарности» и власти. Такого еще не было! Вдруг родилась надежда, что это — начало, что должна же когда-то развалиться бесчеловечная тоталитарная система.

Помню, зимним вечером мы — тогда изгнанные со своих рабочих мест и жившие случайными заработками — выпили за победу Валенсы: «Еще Польша не сгинела!» А дня через два в Польше было введено военное положение.

Более десятка лет назад в Питере, на международной правозащитной конференции, я впервые увидел рядом живых поляков. Тогда в перерыве я подошел к пожилому человеку со значком «Солидарности» и спросил, ощущали ли они какую-то моральную поддержку отсюда, из России.

— Да что вы, — возразил он. — Мы все боялись ваших танков.

Ну и о каком же доброжелательстве мечталось нашим туристам? Или они ждали подтверждения лозунгу, завяленному на обложке рекламного проспекта «Польша — страна друзей»? Может быть, мы действительно постепенно станем друзьями. Теперь люди общаются без комсомольско-партийного присмотра. Значит, можно разглядеть просто человеческое друг в друге. А трагический опыт истории у нас общий. Вот и у Булата Окуджавы в посвящении Агнешке Осецкой:

*Мы связаны, поляки, давно одной судьбою
в прощанье и в прощенье, и в смехе, и в слезах...*



Ереми́й Пшибора

Перевод Натальи Горбаневской

СМЕРТЬ ПТИЦЫ

В прошлом номере мы напечатали некролог Еремиа Пшиборы — поэта, автора воспоминаний, создавшего вместе с композитором Ежи Васовским «Кабаре двух пожилых господ» — пожалуй, лучшую программу польского телевидения. В «Кабаре» выступали оба его создателя в окружении самых способных артистов польских театров. Все тексты песен, монологов и скетчей принадлежат перу Еремиа Пшиборы. Их до сих пор поют, цитируют и с ностальгией вспоминают сотни тысяч старых и молодых зрителей. В этом номере мы публикуем последнее стихотворение, написанное Еремием Пшиборой, которое еще не успело стать песней.

Птицы смерть
это смерть чуть-чуть
птицы смерть
это перышко сдуть
птицы смерть
для людского уха
четверть смерти
сто граммов пуха
малая смерть



Птицы смерть
это когти кота
птицы смерть
ружье и темнота
птицы смерть
не подрыв основ
конец без слёз
а точки глаз
капельки снов

Для птицы — полет
в облаков разрыв
для птицы — полет
умерших крыл
для птицы — полет
где нет ничего
ни неба
ни рек
ни трав
ничего-ничего



Птицы смерть
это капля крови
с твоею схожая
капля крови
с твоею схожая
такая бездна
тот же порог
тревожных ворот
не пренебреги же
смертью птицы
Не пренебреги



Тереза Черневич-Умер

БЕЗДОМНЫЕ

Слово «бездомный» — своего рода клеймо. У него негативный смысл. Довольно часто, к сожалению, это слово приводит на ум грязного пьяницу, роющего в помойке, а не человека, которого довели до бездомности драматические обстоятельства и жизненные неудачи. Бездомность порождает другие патологии: алкоголизм, наркоманию, проституцию, воровство.

Сколько всего бездомных, точно не знает никто. По одним оценкам, их около 30 тысяч, по другим — к этой категории относится значительно больше людей, даже 300 тысяч. Многие бездомные, например, будучи не в ладах с законом, избегают обращения за организованными формами помощи. Многие не желают или не в состоянии соблюдать правила, существующие в пунктах помощи, прежде всего касающиеся отказа от алкоголя и наркотиков, а в большинстве ночлежек таково условием приема. Бездомные перемещаются по стране, и это затрудняет их учет. С другой стороны, среди них есть и такие, кто прекрасно ориентируется, где и что можно получить, и обращаются за помощью в разные места, а это в свою очередь завышает оценки их численности. Да и не все, кто обращается за продовольственной и медицинской помощью, — на самом деле бездомные.

Больше всего бездомных в больших городах: Варшаве, Гданьске, Кракове, Вроцлаве. Там же находится больше всего мест, где можно получить всякого рода помощь. В таких бедных регионах, как Сувальщина, бездомных меньше — они бегут в Варшаву, где легче добыть средства к существованию.

Терминология

По определению Польского комитета социальной помощи, «бездомный» — это польский гражданин, находящийся на территории Польши, который не имеет «помещения или места, отвечающего жилищным условиям», а также человек, который «по разным причинам не может воспользоваться полагающимся ему местом жительства». По мнению брата Ежи Маршалковича, одного из создателей Общества помощи им. св. брата Альберта, есть две категории бездомных:

«Реальные бездомные — это те, у кого нет крыши над головой, кто с утра до вечера думает о том, где бы найти место, чтобы переночевать: на вокзале или на лестничной клетке, в каком-нибудь подвале или на чердаке, в стоге сена или в разрушенном пустующем доме. Потенциальные бездомные — это люди, которые не имеют собственного жилья, временно где-то перебиваются, но в любой момент могут потерять крышу над головой. К такой категории следует отнести бездомных, находящихся в местах заключения, больницах, туберкулезных санаториях, профилакториях, приютах и ночлежках, в местах, где требуется сезонная рабочая сила, — на строительных или сельскохозяйственных работах, во временных помещениях и в разного рода приютах и убежищах».

Бездомность — явление в определенной степени сезонное. С весны до поздней осени легче найти временную работу с проживанием, например, в сельской местности или на стройке. Когда относительно тепло, бездомным хватает временного убежища, такого, как домики на садовых участках, шалаши, пустующие здания и др. Но с первыми заморозками жители таких мест начинают искать помощь, благодаря которой смогут пережить зиму.

Кто такие бездомные?

Большинство бездомных — это мужчины в возрасте профессиональной активности, чаще между 40 и 50 годами, но все чаще становятся бездомными и молодые люди. Среди женщин больше всего тех, кому нет еще и тридцати. Преобладают люди одинокие, без профессии, хотя растет число получивших образование. Бездомные обычно не поддерживают связей со своей семьей. Знакомство водят с людьми подобного же социального статуса. Бездомные взаимно перенимают друг у друга функциональные навыки, приспосабливаются к жизни в трудных условиях и учатся выживать в состоянии этой патологии. По отношению к остальным людям они испытывают чувство униженности и стыда. Они изолируются от общества, и одновременно их ок-





ружение отворачивается от них. К бездомности приводит преимущественно сочетание нескольких факторов. Среди причин этого явления чаще всего называют следующие: распад семьи, насилие в семье, нищету, выселение из жилища, лишение прописки на основании административного решения, пребывание в местах заключения, болезни, особенно психические, а также СПИД, ликвидацию рабочих общежитий и госхозов, квартирный дефицит, отсутствие мест в специальных приютах. К бездомности ведут алкоголизм и наркомания и наоборот — бездомность приводит к алкоголизму и наркомании. Достаточно сказать, что до 80% бездомных — это люди, подверженные алкоголизму, наркомании и т.п. Довольно большую группу бездомных составляют воспитанники детдомов, которым некуда деваться после выхода из детдома и которые не вполне умеют самостоятельно устроиться в жизни. Есть также женщины, часто с детьми, сбегавшие от издевающихся над семьей мужчин, преимущественно алкоголиков. Особую группу составляют женщины, ожидающие ребенка, лишенные поддержки семьи и окружающих. Они находят убежище в домах для матерей-одиночек на несколько месяцев, иногда на более долгий срок. Женщины могут там рассчитывать не только на пребывание и опеку во время родов и в послеродовой период, но и позже, когда ищут возможность самостоятельно устроиться.

Бездомные редко имеют постоянную работу. Правда, постоянная прописка не обязательна при получении работы, но работодатели не доверяют людям без адреса. Впрочем, осуществление любых формальностей при отсутствии адреса вообще весьма затруднительно.

Поэтому они соглашаются на временную работу — естественно, нелегально. Выживают за счет сбора лома, макулатуры, бутылок, попрошайничества, мелких краж, продажи вещей, которые получают в пунктах помощи. Цель их ежедневной активности — найти ночлег, добыть какую-нибудь еду и немного денег на выпивку и сигареты. Они моются в городских банях, пользуются общественными туалетами и, разумеется, иными укромными местами. Условия их жизни приводят к тому, что многие бездомные болеют. Однако они не застрахованы, поэтому не могут пользоваться общей для всех медицинской помощью. Правда, в случае необходимости врачи обязаны их принимать, а счет за оказанную помощь предъявить гмине, однако часто они отказываются от лечения, объясняя это сложностью получения денег

от гмины. Единственный шанс бездомных получить консультацию — медицинские пункты, организованные негосударственными организациями. Общественное страхование предоставляется тем бездомным, которые участвуют в программе выхода из состояния бездомности, разработанную центрами социальной помощи.

Немного истории

Во времена Второй Речи Посполитой бездомные попадали в приюты, организованные в основном монашескими орденами, а государство поддерживало эти приюты финансово. После войны бездомным помогала церковная организация «Каритас», финансировавшая церковные и монашеские приюты. Но в 1950 г. власти ее ликвидировали. Бездомных официально просто не было. Однако проблема существовала, хотя и в значительно меньшей степени, чем в настоящее время, ибо многие потенциальные бездомные жили в рабочих общежитиях или госхозах, а найти работу не представляло труда. В крупных городах бездомных, то есть паразитов общества, подвергали временному аресту за бродяжничество. Лишь в конце 70-х в Варшаве был создан первый небольшой приют для бездомных, а в 1981 г. — первая неправительственная организация, занимающаяся оказанием помощи бездомным, — Общество помощи им. св. брата Альберта. Оно организовало приют во Вроцлаве, со временем подобные учреждения начали появляться на местах. Это был хороший период для оказания помощи: после введения военного положения в Польшу поступала помощь из-за рубежа, да и общественная атмосфера благоприятствовала.

После 1989 г. проблема бездомности начала нарастать лавинообразно. Среди причин, в частности, ликвидация рабочих общежитий, госхозов, распространение наркомании, выселение из квартир на улицу, растущая безработица. Одновременно все большее число людей стало оказывать помощь бездомным. Создавались все новые приюты им. св. брата Альберта, возобновил свою деятельность «Каритас», бездомными занялся Марек Котанский, создатель «Маркотов», а прежде организатор помощи наркоманам («Монар»).

Помощь бездомным

Задача оказания помощи бездомным возложена на гмины. Они должны выделять нуждающимся соответствующие помещения, но на практике возможности в





этой сфере весьма ограничены. Не совсем ясно также, какая именно гмина должна бездомными заниматься: та, на территории которой данный человек находится, или та, где он был когда-то прописан.

Чаще всего оказание помощи бездомным гмины перепоручают неправительственным организациям. Однако сотрудничество в этой сфере не лишено проблем, ибо гмины не всегда рассматривают неправительственные организации как партнеров, занимающихся выполнением задач вместо них. Сотрудничество затрудняет также тот факт, что некоторые вопросы оказываются на стыке компетенции различных ведомств и зачастую разные решения зависят от доброй воли чиновников, а с этим бывает всяко.

Понимая, сколь серьезна эта проблема, в министерстве экономики, труда и социальной политики разработали в 2000 г. программу «Бездомность». В соответствии с этим документом администрация гмины занимается проблемой бездомности, оказывая финансовую поддержку неправительственным организациям, которые помогают нуждающимся как в сфере профилактики, так и в вопросах защиты и активизации выхода из состояния бездомности. Например, в 2003 г. на целевые дотации в этой области было выделено 5 млн. злотых, а в конце года дополнительно 1,5 млн. зл. из бюджетного резерва. Эти деньги направляются организациям общепольского значения, деятельность которых соответствует целям министерской программы «Бездомность», а также воеводским органам, которые в свою очередь распределяют их по организациям местного и регионального уровня.

За дотациями могут обращаться организации, которые, в частности, занимаются приютами для бездомных и ночлежками, столовыми, пунктами медицинской помощи, пунктами материальной помощи, предоставляют юридическую, психологическую и организационную помощь тем, кто старается достичь самостоятельности, предоставляют дешевые или бесплатные услуги в сфере обслуживания (прачечная, парикмахерская, ремонт). Оказывается также поддержка новаторским формам помощи в области социальной деятельности, в частности, движению волонтерства. Естественно, этих денег не хватает на удовлетворение всех потребностей, поэтому работающим в общественных организациях много времени приходится посвящать поискам финансирования и материальной поддержки у самых разных фирм, организаций и

частных лиц. По некоторым оценкам, около 80% помощи бездомным предоставляют неправительственные организации, а их деятельность лишь наполовину финансируется из общественных фондов.

В Польше очень многие организации помогают бездомным. Среди них есть крупные общепольские организации и целая масса небольших организаций местного уровня. Работают самые разные приюты, ночлежки и столовые. К сожалению, не выработаны системные решения и стандарты в области оказания помощи. Помощь оказывается в соответствии с тем, что считают нужным и возможным делать лица, которые этим занимаются.

Во многих регионах есть бесплатные информационные телефонные линии для бездомных. По ним заинтересованные лица могут узнать, в частности, где есть свободные места для ночлега, где можно получить горячую пищу и медицинскую помощь. Информацию, по какому номеру надо звонить, содержат плакаты, вывешенные на вокзалах и в других местах, где бывают бездомные. Организация «Каритас» подготовила базу данных о центрах, занимающихся помощью бездомным. По телефону или через Интернет можно узнать, где можно получить помощь. Конечно, маловероятно, что бездомные будут пользоваться Интернетом, но накопленная там информация может быть полезна тем, кто оказывает помощь.

Все центры занимаются прямым удовлетворением самых насущных потребностей бездомных, то есть — в зависимости от профиля — предлагают ночлег, горячую пищу, средства гигиены или чистую одежду.

Помощь не всегда бывает бесплатной. Иногда за ночлег надо заплатить 5 злотых, иногда суп раздают бесплатно, а второе можно купить за очень небольшую плату. Имеющие работу оплачивают свое пребывание в приютах.

Кроме получения непосредственной помощи в виде ночлега и пищи бездомные могут рассчитывать на поддержку и в других вопросах. Это, например, помощь в оформлении различных бумаг, в том числе получение паспорта, оформление пособия или пенсии. В зависимости от положения на местах и финансово-организационных возможностей многие центры проводят психотерапию алкоголиков, а также программы в области просвещения. Врачи, сотрудничающие с приютами и ночлежками, стараются работать прежде всего с теми, кого еще можно убедить вернуться в общество.





Те, кто проявляет такое желание, учатся работать и самостоятельно справляться с жизненными обстоятельствами. В Познани, например, есть несколько так называемых ротационных квартир, которые на время могут быть предоставлены нуждающимся. С организациями, оказывающими помощь бездомным, сотрудничает группа работодателей, которые предоставляют бездомным возможность трудоустроиться. Неправительственные организации сотрудничают с местными органами власти. Живущие в приютах бездомные выполняют, например, определенные работы на территории гмины, а деньги им за это не выдают на руки, но покрывают часть расходов на содержание этого приюта. Бездомных привлекают также к ремонту зданий и строительству новых центров помощи.

Трудно недооценить полезность приютов — они дают возможность многим потерпевшим в жизни неудачу удовлетворить элементарные потребности. Однако, их существование — типичный способ лечения симптоматики явления, а тем временем по-прежнему отсутствует лечение причин и профилактика. Приюты берут на себя роль многих других центров. Выполняют функции дешевых рабочих общежитий, домов призрения, богаделен, больниц и поликлиник, домов для выздоравливающих — тех, кому не требуется уже пребывание в больнице, но состояние здоровья не позволяет жить самостоятельно; функции домов постпенсионной помощи для бывших заключенных; они, наконец, заменяют одиноким семью.

Несмотря на это многие бездомные не желают жить в приютах. Они не хотят или не могут подчиниться действующему там порядку. Самое сложное для них требование — соблюдать трезвость. Кроме того не все желают работать на благо данного заведения. В приютах пребывают люди, отнюдь не отличающиеся примерным поведением и порядочностью, — драки, кражи, хамство тут не редкость, особенно в переполненных приютах, и для многих жить в таких условиях невыносимо. Многие настолько ценят свободу и возможность самостоятельно принимать решения относительно своей судьбы — хотя бы в самом скромном масштабе, — что предпочитают ночевать где угодно, только не в приюте.

Крупнейшие неправительственные организации, занимающиеся оказанием помощи

В рамках Общества помощи им. св. брата Альберта действуют 60 центров, в которых находится около 3000 человек. Это небольшие приюты, рассчитанные на несколько десятков подопечных, не более, ибо благодаря этому обитатели приютов могут полнее отождествлять себя с данным домом и объединяться в общую группу психотерапевтического характера. Бывает, что зимой приюты переполнены, летом подопечных меньше. Обитатели приютов три раза в день получают еду,

их снабжают средствами гигиены, дают духовное окормление, предоставляют медицинскую помощь, они имеют возможность обратиться к юристу, психологу, психотерапевту. Там их уговаривают взяться за работу и хотя бы частично оплачивать свое пребывание. Поэтому они выполняют самую разную работу как в самом приюте, так и направленную на его содержание, работают также на благо данной местности. Они, например, трудятся на оптовых складах и в торговых точках в обмен на продукты, необходимые приюту, заняты на лесных работах — в обмен на топливо, в крестьянских хозяйствах — в обмен на сельскохозяйственные продукты и возможность пользоваться сельскохозяйственными машинами. Они выполняют определенные работы для приходов, кладбищ. В самих приютах работают на кухне, делают ремонт, поддерживают порядок. В некоторых приютах подопечные работают на огороде, в поле, в саду, занимаются животноводством, шьют одежду. В приютах есть телевизоры, радиоприемники, пресса, игры, иногда там проводятся мероприятия, встречи, лекции, матчи, иногда подопечные получают билеты в кино. Там, где есть дети, их снабжают игрушками, организуют экскурсии.

В рамках общества работают центры разного направления: приюты, дома для престарелых и больных, для женщин и семей, ночлежки, гостиницы однодневного пребывания, обогреваемые помещения, кухни (предоставляется около 2500 порций еды в день), аптеки, пункты раздачи одежды, клубы и читальни для тех, кому удалось стать на ноги. Все эти заведения работают в значительной степени на общественные пожертвования — органы власти покрывают более или менее половину расходов. Примерно 40% средств, расходуемых центрами Общества помощи им. св. брата Альберта, поступают от органов самоуправления, около 6% — от государственных органов; плата, которую вносят обитатели, составляет 17%, дары, дотации от физических лиц, фирм и т.п. — 24%, дары в виде вещей — 11%. Почти исключительно в виде даров поступает одежда (бывшая в употреблении) и большая часть продовольствия.

Фонд взаимопомощи «Барка» начал свою деятельность в 1989 г. в старом здании школы, где психолог Томаш Садовский и его жена поселились вместе с 20 подопечными, с которыми познакомились во время своей психотерапевтической работы в исправительных учреждениях, детских домах, психиатрических больницах. Создатели «Барки» отказались от традиционной концепции социальной помощи, благодаря которой, правда, можно временно удовлетворить безотлагательные нужды людей, но впоследствии это приводит к пассивности и беспомощности подопечных, у которых вырабатывается позиция растущих притязаний на постоянную помощь. Садовский решил создать такие условия, при которых люди, отвергнутые обществом, мог-



ли бы объединяться в группы взаимопомощи и развивать предприимчивость. Вместе они отремонтировали школу и добывали средства на свое содержание. Жили как одна семья, совместно решали все вопросы, распоряжались деньгами. Поскольку число прибывавших к ним бездомных увеличивалось, они начали организовывать очередные дома-общины, где небольшие группы людей, которым некуда деваться, живут вместе и содержат себя — разводят коз, птиц, занимаются огородом, земледелием, выращивают шампиньоны, продают бывшую в употреблении и собственноручно отремонтированную технику. По историческому центру старой части Познани туристов возят велорикши из «Барки», действует также пункт по найму на кратковременную работу: например, лица, связанные с «Баркой», работают портье, билетерами и уборщиками во время Познанской ярмарки. Работают также магазины, продающие подержанную технику и одежду, и другие пункты обслуживания, принадлежащие «Барке».

В этих сообществах проживают люди разного возраста, одинокие и семейные, попавшие туда после самых разных перипетий: выселения, тюрьмы, пребывания в психиатрической больнице, детском доме и т.п. Получаются семьи, объединяющие многие поколения.

В настоящее время это превратилось в заметное общественное движение, в рамках которого действуют как сами бездомные, так и местные власти и предприниматели. Фонд осуществляет четыре программы: общины, программа социального просвещения, программа поиска и создания новых рабочих мест для бездомных, а также программа дешевого социального строительства. У «Барки» есть собственные хозяйства в сельской местности, магазины, мастерские, пункты обслуживания, центры социальной интеграции и кооперации, где работает 50 человек. У фонда есть городские центры спорта и отдыха, например, центр в местности Кшижовники. Есть также собственные школы, где можно получить профессию: стать портным, столяром, сварщиком или переплетчиком, обучиться работам, связанным с сельским хозяйством и строительством. Фонд добивается получения грантов на развитие экологических крестьянских хозяйств на землях, оставшихся после ликвидации госхозов, на организацию мастерских по профессиональному обучению, на строительство. В планах записано строительство дешевых социальных домов по собственной технологии. Власти Познани передали «Барке» гектар земли под домики, которые должны построить сами проходящие обучение в мастерских. С «Баркой» сотрудничают волонтеры из «Корпуса мира», у «Барки» есть также контакты с общиной «Тэзе» и многими другими международными организациями. Ежегодно «Барка» помогает примерно пяти тысячам людей, из которых несколько сот живет в общинах.

Томаш Садовский, создатель и руководитель «Барки», сказал как-то: «Община — это место, где борются с самим собой (с дурными привычками и пороками) и с другими, это школа жизни и труда, умения понимать себя и других, делиться даже самым трудным опытом. Несмотря на то, что в жизни нашей общины были очень сложные периоды, у меня такое впечатление, что по-прежнему побеждают добро и правда (несмотря на то, что часто они находятся в опасности). Нам удастся сохранить сообщество, где есть возможность «очищения» и возможность открывать для себя умение радоваться простой честной жизни. Это процесс, который длится иногда годами».

К организациям, действующим в общепольском масштабе, относится «Каритас», который располагает более чем 600 местами в круглосуточно действующих приютах и в ночлежках по всей стране, оказывает материальную и финансовую поддержку центрам, находящимся в ведении других организаций, и сотрудничает с ними. В ночлежках и приютах подопечные получают еду, средства гигиены и одежду. Возможный срок пребывания везде ограничен (преимущественно до нескольких месяцев). Там, где подопечные задерживаются дольше, им, кроме безотлагательной помощи, предлагается помощь психологов, мобилизующая их на возвращение к самостоятельной жизни. «Каритас» имеет в своем ведении также семь домов для матерей-одиночек (около 80 мест) и помогает еще нескольким. На опеку «Каритаса» — в трех домах для матерей с детьми — могут рассчитывать женщины с детьми, которым пришлось оставить собственный дом из-за чинимых над ними издевательств. «Каритас» располагает также примерно 150 кухнями для бездомных и нищих и дешевыми закусокными, где нуждающиеся получают еду по талонам бесплатно либо за очень низкую плату. В Кельце «Каритас» ежегодно организует для бездомных помешения, где они могут обогреться, используя для этого контейнеры возле железнодорожного вокзала.

Наряду с самой необходимой помощью, позволяющей выжить, предпринимаются также попытки помочь реинтеграции бездомных. Например, при приютах в городах Элк и Кельце созданы пошивочные мастерские, а в Белостоке — автомойка, где работают бездомные. Приюты сотрудничают с бюро по трудоустройству, но при существующем уровне безработицы на получение работы трудно рассчитывать.

В большинстве приходов и центров социальной помощи, находящихся в ведении «Каритаса», действуют пункты, оказывающие безотлагательную помощь в виде продовольственных наборов и подержанной одежды. «Каритас» проводит акции «Кусок хлеба», организуемые с целью, с одной стороны, собрать средства на помощь бездомным и нищим, а с другой — повысить степень сочувствия в обществе к проблемам бездомных.



Движение «Маркот» — организация, занимающаяся проблемами бездомности, действующая при обществе «Монар», — было создано в январе 1994 г. Марекотом Котанским. Сегодня в Польше действует более 80 центров «Маркота». Зимой к их помощи прибегает около 10-11 тыс. человек. Те, у кого есть работа, платят за свое пребывание там. Обитатели этих центров обязаны выполнять различные работы для центра. Запрещены кражи, употребление алкоголя, наркотиков; тот, кто не соблюдает установленный порядок, должен уйти — бездомные сами за этим следят. Центры «Маркота» дифференцированы в зависимости от потребностей и финансово-организационных возможностей. В Варшаве, в частности, существует большой ночлежный дом, рассчитанный на 400 человек, больница и скорая помощь, отделение детоксикации, отделение, предоставляющее лечение от алкоголизма и наркомании, есть приют для бездомных раковых больных, есть также небольшой приют для 30 мужчин, которые работают или ищут работу, где оплата пребывания составляет 250 зл. в месяц.

Пенитенциарная организация «Патронат» занимается бывшими заключенными, которым некуда возвращаться после освобождения. Организация оказывает юридическую, материальную, социальную помощь и, естественно, предоставляет любую возможную информацию.

В 1991 г. в Варшаве было создано Общество помощи бездомным, в 1993 г. организована «Неотложная социальная помощь». В настоящий момент в реестре этой организации числится более 10 тыс. человек. Эта «Неотложная помощь» работает в двух направлениях: первое — помощь социального плана, второе — оказание помощи при выходе из состояния бездомности. Ежедневно сюда приходит около 70 человек. Здесь можно получить необходимую информацию о приютах, ночлежных домах, столовых и всех остальных пунктах помощи бездомным, а в случае необходимости можно рассчитывать на помощь в поисках места в приюте. Здесь можно также получить материальную помощь в виде одежды, обуви, средств гигиены. Тут есть медицинский кабинет, по мере возможности предоставляются даже бесплатные лекарства. Обращающимся в «Неотложную помощь» сотрудник этой организации может помочь в оформлении паспорта и других документов (в частности, помочь бесплатно сфотографироваться на документы), в оформлении различных официальных бумаг в учреждениях, по возможности с освобождением от оплаты госпошлин. Организация старается по мере возможности добиваться квартир от гмины, а также обеспечивать их необходимой обстановкой — например, мебелью. Эти квартиры передаются таким бездомным, которые смогут их содержать самостоятельно. Особой заботой организация окружает

бывших воспитанников детских домов. В течение последних нескольких лет удалось найти отдельное жилье примерно для 300 человек.

«Неотложная помощь» располагает также ночлежками, теоретически рассчитанными на 100 человек, но зимой в них бывает до 140 бездомных. Пользоваться этой ночлежкой могут люди выпившие (умеренно; очень пьяных отвозят в вытрезвитель).

«Поморский форум за выход из состояния бездомности» объединяет расположенные в Поморье центры помощи бездомным с тем, чтобы выработать общую стратегию деятельности и координировать работу соответствующих органов государственной администрации, самоуправления и неправительственных организаций. Форум разработал принципы оказания помощи и модель социальной работы, предполагающую сотрудничество заинтересованных лиц со специализированными центрами, организованными с учетом определенной иерархии: ночлежка, дом, приют, социальные дома, вплоть до квартир по контракту — соответственно тому этапу выхода из состояния бездомности, на котором находится данное лицо.

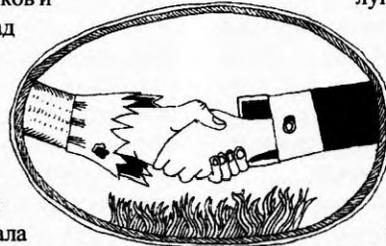
Форум провел социодемографические исследования, определив масштаб и характер проблемы бездомности в регионе. Не ожидая, пока явятся сами нуждающиеся, сотрудники, занимающиеся оказанием социальной помощи, при поддержке волонтеров, городской службы охраны и полиции, обследовали места, где чаще всего находятся бездомные, — вокзалы, загородные садовые участки, теплотрассы, подьезды, помойки и т.п. Они собирали данные и предлагали помощь. Наряду с ночлегом и горячей пищей, предлагали помощь в решении административных вопросов, оформлении документов и страховки. Таким образом удалось собрать информацию как о бездомных, пользующихся ночлежками и другими пунктами помощи, в том числе больницами, так и о тех, кто находится в местах, непригодных для проживания. Оказалось, что в количественном отношении эти группы примерно равны. Из этого следует, что группа бездомных, не пользующихся предлагаемыми возможностями ночлега, довольно велика.

Можно ли ликвидировать проблему?

Несмотря на то, что тех мест, в которых бездомным предлагается помощь, становится все больше, число бездомных тоже растет, и лишь относительно немногим удастся начать нормальное функционирование в обществе. Распространено мнение, что многим бездомным нравится та жизнь, которую они ведут, и они вовсе не собираются ее менять. Марек Котанский утверждал, что из состояния бездомности может выйти не более 5% этих людей. Для остальных можно только организовать пункты, где они смогут согреться, переночевать и получить какую-нибудь пищу.



Есть также противоположное мнение: разные жизненные неудачи ведут к тому, что человек сдается, а годы существования на обочине жизни приводят к тому, что бездомный уже не может выйти из того состояния, в котором оказался, однако, благодаря психотерапии и помощи у него все же появляется шанс. Но дело в том, что мало тех, кто может ему помочь, и на это нет средств. По мнению Эвы Ягодзинской, возглавляющей Общество помощи бездомным, бездомность — это не только отсутствие крыши над головой, но состояние личности. И именно это прежде всего затрудняет возвращение человека к нормальному ритму общественной жизни. Желая помочь, надо сначала провести большую психотерапевтическую работу, преодолеть зависимость от алкоголя или наркотиков и уже потом дать отдельную крышу над головой. Лица, приспособившиеся к бездомности, то есть те, кто примирился со своим положением и совершенно не заботится об одежде, гигиене, питании, лечении, — даже если бы и получили квартиру, не смогли бы заняться ею и собой. Сначала в приюте, где им обеспечена опека, им надо научиться заботиться о себе, работать на собственное содержание и восстановить потребность в самостоятельном управлении собственной жизнью, а затем выработать необходимые для этого навыки.



Вряд ли возвращение бездомных в общество станет возможным в значительном масштабе. Огромная безработица, ужасное положение с жилищным строительством, плохое положение с финансами в государстве — вот причины, по которым число бездомных может увеличиваться. Однако, пока не будут выработаны стандарты поведения в отношении бездомных, большая часть средств будет идти на экстренную помощь, предлагаемую различными, более или менее подготовленными для этого центрами, вместо того чтобы быть направленными на интенсивную работу по реинтеграции. А условия профилактики бездомности может создать только государство — с помощью соответствующих правовых положений. И стоит это сделать, ибо по некоторым оценкам профилактика, имеющая целью предотвращение бездомности, обходится в семь раз дешевле, чем оказание помощи бездомным.

Положение бездомных и тех организаций, которые им помогают, может измениться, когда начнет действовать закон о социальной занятости, работа над которым продолжается. Этот закон даст бездомным возможность выхода из их трудной ситуации. У них появится возможность получить работу в центрах социальной интеграции или на предприятиях, которым будет в этом оказывать поддержку государство, либо в социальных кооперативах и на общественных предприятиях, которые не будут нацелены исключительно на получение прибыли. Такого типа социальные кооперативы прекрасно функционируют в Италии. Такие предприятия могут быть весьма полезны на рынке, так как могут производить дешево, выполнять нетипичные услуги, работать в таких направлениях, которые для крупных предприятий нерентабельны. Центры интеграции, наряду с организацией психотерапевтической помощи, могли бы осуществлять производственную, торговую деятельность и работать в сфере услуг. Подопечные этих центров могли бы находиться в них от 12 до 18 месяцев, учиться профессии и работать, лечиться и проходить психотерапию. После этого периода они могли бы приступить к работе вне центра, а работодателю, принявшему их на работу, возвращалась бы часть их вознаграждения. Средства на деятельность центров могут поступать из разных источников — от органов самоуправления, в виде даров, взносов, из Фонда труда, из вспомогательных средств.

По мнению Томаша Садовского из «Барки», закон о социальной занятости создаст основу для замены функционирующих в настоящее время программ экстренной помощи программами, задачей которых станет реинтеграция на рынке труда. Действующие в настоящее время организации, хотя и выполняют прекрасную и важную на данный момент работу, не имеют необходимых условий — помещений, кадров и финансов — для того, чтобы радикально ускорить процессы возвращения бездомных в общество, да и отсутствие соответствующих правовых положений не облегчает задачу.



Чеслав Милош

СЕБЫЛА, КОТОРОГО ЗНАЮТ МЕНЬШЕ



Владислав Себыла

Владислав Себыла родился 6 февраля 1902 года. Редко случается, чтоб дата чьей-либо смерти была цензурна, но в его случае оказалось именно так. Эту дату — 1940 год — во времена ПНР приводить было нельзя, поскольку, по официальной версии, интернированных польских офицеров убили немцы в 1941 году. Как известно, Сталин подписал приказ о расстреле поляков в марте 1940 г., а казнили их в апреле. Теперь антологисты польской поэзии могут исправить дату, а кроме того — выбором стихов содействовать новой оценке творчества Себылы.

Поэт, связанный с группой «Квадрига», редактор журнала «Квадрига» в 1929-1931 гг., Себыла принадлежал к поколению, искавшему новый поэтический язык — не такой, как у «Скамандра» или у краковского «Авангарда». Юзеф Чехович (родился в 1903), Владислав Себыла, Адам Важик (родился в 1905) и несколько позже виленские «жагаристы»* знаменуют своим творчеством важный этап в истории польской поэзии. С перспективы видно: их художественные решения более тонки, чем те, что возникли в соперничестве «Скамандра» и «Авангарда». Они стремились расширить возможности в сфере так называемого «обычного» языка, сознательно вводили прозаизмы, риторические и драматические, или полудраматические, формы. В целом можно сказать: они пытались сделать язык философским, искали способ мыслить стихом, и в

этом отношении поэзии Владислава Себылы принадлежит выдающееся место.

Формирование поэтического почерка Себылы приходится на 20-е годы. Первую книгу — «Поэзия» — он издал вместе с Александром Малишевским в 1927 году. Это было время пацифизма, всеобщего увлечения общественными и левыми идеями, а также в известном смысле социалистической ориентации пилюсудчиков, коль скоро в 1929-1931 гг. мог, хоть и не без трудностей, выходить коммунистический «Месенчник литерацкий» Александра Вага. Группа «Квадрига» выступала за социально значимую поэзию, цитировала Станислава Бжозовского и Норвида, критиковала мещанство еженедельника «Вядомости литерацке». К известным «политическим» акциям членов группы относилось посещение ими усадьбы Ярослава Ивашкевича, самого мещанского, по их мнению, поэта «Скамандра», чтобы как следует обругать.

Книга стихов Владислава Себылы «Песни крысолова», изданная в 1930 г., была социально заострена и оперировала масштабной метафорой, впрочем, не слишком ясной: Крысолов — поэт, который, играя на флейте, приманивает крыс и освобождает от них общество. В 20-е годы много писали о жирных мешочниках, то есть о спекулянтах в розничной торговле: это и были, в частности, те самые крысы, но также и прочие категории хозяев свободного рынка. Тогда еще не существовало понятия «крысиные бега», а в интерпретации социальных стихов Себылы оно могло бы помочь.

* «Жагары» — виленская поэтическая группа, к которой принадлежал и сам Милош. — *Ред.*



Однако нет ничего более ошибочного, чем образ Себылы-общественника. Правда, встав на собственный путь, он подвергся обвинениям в измене левому оптимизму, в религиозном ханжестве и мистицизме. Этим усердно занималась так называемая прогрессивная общественность. Но «бесчеловечная соната» Себылы «Мельницы» — это отчаянная, катастрофическая метафора, а религиозное ханжество можно в ней усмотреть, пожалуй, лишь на том основании, что ее опубликовал в 1932 г. журнал Ежи Брауна «Зет» — странный орган последователя Хёне-Вронского**, который, при своем невразумительном мессианстве, печатал что попало.

Добавим, что в 1931 г. именно в мещанских «Вядомостях литерацких» была опубликована странная поэма члена «Квадриги» Люциана Шенвальда «Кухня моей матери», необычайный подвиг описательной фантазмагии. Мы вступаем в особый, эсхатологический период 1930-х, который вскоре породит, в частности, метафорическую поэму бывшего участника «Квадриги» Константы Ильдефонса Галчинского «Бал у Соломона» (1933, русский перевод см. «Новая Польша», 2004, №2. — Ред.). Себыла, разумеется, был поэтом темной интонации. Его коллега Галчинский посмеивался: «И небо истекает кровью, как стихи Себылы, как убиенная семья царя Николая».

Сейчас, когда я так сжато пишу об этом поэте, я обращаюсь памятью к нашим личным встречам. Вижу его в квартире в Праге (правобережный район Варшавы. — Ред.), вижу его мягкую меланхолическую улыбку и его скрипку, наследие музицирования в семье отца-учителя. Себыла был другом моих друзей Мицинских — Болеслава и его сестры Нели. Иногда он печатался в литературном журнале Союза польских учителей, который редактировал Юзеф Чехович. Постоянно писал и для журнала «Пьон» («Вертикаль»), когда там работал Чехович.

Пересматривая сегодня суждения о Себыле, следует заняться его попытками сделать поэтический язык более философским. Здесь и проявится вклад его поколения в подготовку польской поэзии послевоенных лет. В упреках в «беспрограммности», предьявлявшихся «Скамандру», было зерно истины. Себыла порой как бы продолжал огромные, но нереализованные медитативные устремления «Молодой Польши». Отчетливо заметно у него и влияние норвидовского дискурса. Религиозна ли его мысль? Пожалуй, с большими оговорками. У него силен бунт против Бога-Творца, прогрессистски-антиклерикальная приправа постоянна, а если под влиянием итальянской живописи он вводит в «Мельнице» летающих ангелов и чертей, то они скорее знак его родства с «Молодой Польшей».

Читая сегодня Себылу, ощущаешь, насколько богата и разнообразна польская поэзия XX века. Ему принадлежит важное место как автору полутора десятков стихотворений, которые мог написать только он, а среди них — последнего, пророческого стихотворения, закрывающего межвоенное двадцатилетие: «И снова топот ног солдатских...» В своем «Поэтическом трактате» я спрашивал: «За это ли Себылу под Смоленском / В лесу зароят, прострелив затылок?» (пер. Н. Горбаневской), считая, что он погиб в Катыни, но он разделил судьбу своих товарищей из Старобельска и был убит в Харькове.

TYGODNIK POWSZECHNY

** Юзеф Хене-Вронский (1776-1853) — философ, математик, техник-изобретатель, физик, экономист и юрист; представитель польского мессианизма. — Ред.



Владислав Себыла

Перевод
Андрея Базилевского
и Сергея Шоргина

СТИХИ

НЕИЗВЕСТНЫЙ СОЛДАТ

Грянул прощальный выстрел.
И ударил последний грохот — в воздух камнем.
Обнажили головы сановники лысые.
Воцарилось молчанье.

Секунда — две — три —
Молчать! И смирно, чёрт побери!
Трамваи! машины! стоять! — Вновь —
Здесь — сегодня — чествуют — кровь — пролитую кровь!

Пять секунд — семь — восемь — двенадцать...
Шёпот задуй, как свечку, — пускай погаснет...

Над людьми нависает небо — тишина ужасающая...
Мужичок в гуще толпы, пошатываясь, озирается,
Думает: и чего это все умолкли, как проклятые?
Почему эти шестьдесят секунд — такая святыня?
А тишина кричит секунд грохочущим эхом:
Много ли — человеческого — осталось ещё — в человеке?!

Четыре года... Двадцать секунд — тридцать пять — пятьдесят —
Флаги над крышами на ветру шелестят...

Грохот молчания разбудил солдата:
Дырой ощерился череп, пробитый гранатой.
Он слушает, как тишина комьями в гроб ударяет,
Как жаворонки над полем поутру распевают,
Как вольно дышит земля — переводит дух...

Пятьдесят девять — шестьдесят — И вдруг! —
Ливень гвоздей и подковок обрушился на брусчатку.
Двинулась маршем пехота — шаг тяжело печатая.

Перевел Андрей Базилевский



Paulina Ziclona

ПОЭТЫ

Вечерами в мрачных кафе, в синем табачном дыму,
Бредят обманутые поэты, не нужные никому.

Обманули их зимы и вёсны, да и осени, кстати,
И зеленые листья, и зори, и золото волн на закате,

Обманули бури, метели и ревуший ветров поток,
Обманули: страданье и жалость — смерть, и любовь, и Бог!

Обманули: бетон и железо, самолеты и рухнувший мост,
Острота корабельных винтов и точность вращения звезд.

Их обмануло сердце (всё прошло — и печаль, и радость),
Обманули паводки гнева, кровь из горла, бьющая водопадом.

Обманули их штурмы и бойни, и болотная гниль траншей,
И хихиканье пуль над трупами молодых здоровых парней.

Обманули ученые, нищие, работяги, вожди и священники,
Крылья ласточек обманули и воробьиные сеймы.

Полюсов промерзшие глыбы забелили глаза им снегами,
Солнце тропиков изрешетило им глаза золотыми гвоздями.

Как шпики, по асфальтовым улицам спуют они, но пока
Читают у встречных братьев только лживые мысли в зрачках.

Читают печаль фальшивую и счастье, что хуже тоски,
Гнетет их глухая жалость, гнев сжимает им кулаки.

Только эти антенны слышат ропот неба и туч подголоски,
Вой сирен и на красной стене — свежие брызги известки.

Слышат, как муравьиные полчища топчут в лесу траву,
Как солнце лучей гранатами забрасывает мостовую,

Как бурлит океан и воет лес, насквозь ветрами продутый,
Как шахту, шуруя по штрекам, газ наполняет мутный.

Они шепотом богохульствуют и бормочут молитвы старые,
Тихие, как пруды, жаркие, как пожары.

Поют вместе с западным ветром и колосьями ржи созревающей,
С морем трав, ледоходом на Висле — и яблоней отцветающей.

Знают: слов конопляные нити никогда не достигнут неба,
Бесконечные тихие реки всё затопят — и был, и небыль.

Знают: вечность слова проглотит — и кошунства, и сладость молитвы,
Все проклятия будут звездным фиолетовым светом залиты.

Вечерами в кафе золотистых, в тучах табачных где-то
Витают, смеясь, как дети, обманутые поэты.

Перевел Андрей Базилевский



ПОЭТ

Зачарован ты, мой мальчонка,
Как и всякий поэт на свете!
Твоя песня несется звонко
Вслед пропавшей во тьме комете.

На утесе поешь высоком —
Над бездонной рекой лесною,
Над кипящим и злым потоком;
Ты заброшен сюда волною.

Обращаешься с тайным словом
К этим грозно шумящим водам,
И к траве, и к ветвям еловым,
И к небесным сапфирным сводам.

Но с каким обратиться зовом,
Что за слово сказать прибою?
Звук, что будет для речки новым,
Ветерок, принеси с собою!

Как беседу вести с рекою —
Той, что вьется среди лощины?
Где же слово найти такое,
Чтоб измерить ее глубины?

Мой поэт! Позабудь про пенье,
И доверься волнам шумливым;
Пусть подхватит тебя течение
И несет к далеким заливам.

Позабудь же лесное слово,
Позабудь и слова речные;
От сияния слов золотого
У поэта — глаза больные...

Слов ловец, ты забыт, не понят;
Но давай запоем с тобою,
Про поэта, который тонет,
Исчезает под злой водою.

Перевел Сергей Шоргин





БЕТХОВЕН

Душно; воняет пивом; дым над столом клубится,
В свете дрожащем желтом черный народ копошится.

Только глаза закроешь — и голова глухая
Взрывы услышит, что длятся, мозг и мир сотрясая.

Это со звезд далеких — бледных нездешних свечек —
Плеск долетает нежный — плеск изумрудных речек.

В шумном порыве скрипок ветер деревья терзает,
В реках бессмертья молитва вдруг на губах замирает.

Ринется кровь по жилам и захлестнет волною
Мир — как уже бывало в давнее время Ноя.

Мышцы замрут от боли в напряженье глубоком —
Чтобы для слез непролитых русло прорыть по щёкам.

Из родников сокрытых хлынет радость ручьями,
И безголосое солнце будет висеть над холмами.

Ночь укроет всю землю черным шатром безмолвным,
Раны омоют, прихлынув, тихого Рейна волны.

И грозная туча вновь над землёй повиснет,
Ветер деревья в объятьях мягких и шумных стиснет.

В грозном сиянии молний, в блеске их влажных агоний
Радость и боль сплетутся несочиненных симфоний.

Перевел Сергей Шоргин





ЭГОТИЧЕСКИЙ КОНЦЕРТ

(Фрагмент)

Что есть поэзия? Лишь игры со словами —
игра с тенями всех вещей на свете —
непознаваемых?.. Поэзия, как ветер,
мне мысли путает, несясь, как вихорь шумный;
а я стою, как ель, вцепившись в склон корнями,
стою, как стог, который охватило пламя:
на сердце страх, и блеск в очах безумный!

Как тени разместить, чтоб догадаться — чьи же?
Как разместить огни — не знаю тоже...
Есть сила — та, что счеты спутать может;
ее давно я узнаю и вижу.
Как правду выразить в словах? Бессильно слово:
у одного оно — не то, что у другого.

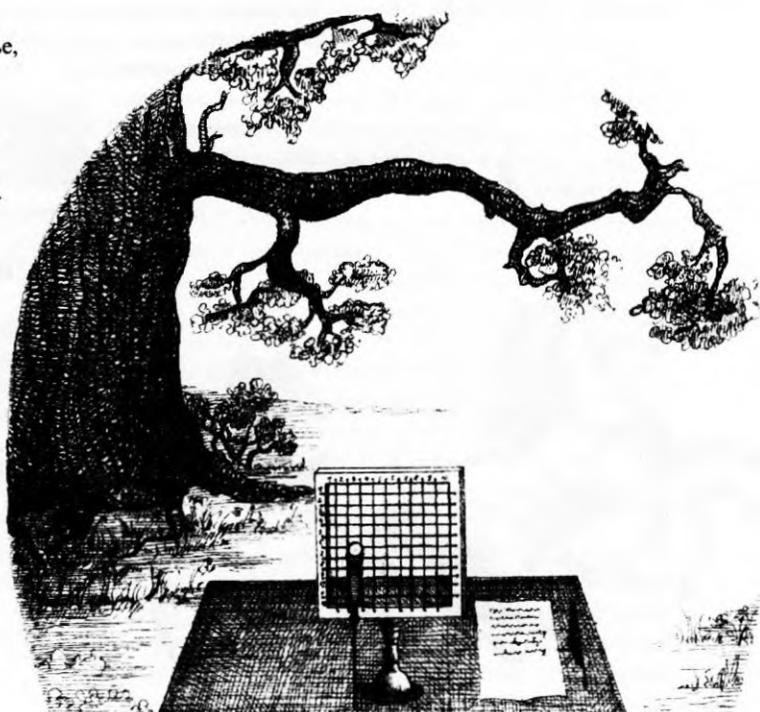
Так что есть слово? Это лишь затмение,
тьень из души, что в мир бездонный пала.
Что мне с того, что вещь назвали тенью, —
коль для души она мученьем стала?
Вовек увидеть солнце не сумеет
тьень от камней — хоть камни эти греет...

И что есть поиск? Жизнь во мраке полном,
среди пустоты загадочной блужданье,
путь наугад к шумящим дальним волнам
и часа просветленья предсказанье,
и с ночи тёмным ангелом сраженье,
и в сей борьбе неравной пораженье.

И что есть дело? Может, это — пред-знаменье,
а мысль — свобода, что бежит по тропкам,
где ноги ранят острые камни,
туда, где жизнь ручьем струится робким; —
ждать надо дела вольного, большого,
коль слово явится из мысли, мир — из слова.

Как замутить легко весь мир словами,
в глубины верить мутного колодца...
В воде прозрачной — видишь дно глазами,
но вот рукой достать не удаётся.
Вот так же трудно и слова понять простые,
а все словесные красоты — пустые.

Перевел Сергей Шоргин





ТРИ МИФА

I. Актеон

О богиня, о дева бесстыжая с гор,
еженощно ищу я свиданья с тобою —
лишь взлетит, словно птица, в небесный простор
месяц над светлой водою.

А когда ты в поток погружаешься — звук
сходен с флейты пленительным пеньем;
блеск живой раздвигаешь движением рук —
чудным, ленивым движеньем.

Я велю замолчать расшумевшимся псам, —
и на берег, раздвинув лилеи,
ты взойдешь, свои руки подняв к небесам —
как цветы, что снега белее.

О Диана, о дева бесстыжая с гор,
я о взгляде просить дерзаю;
пусть потом я оленем помчусь через бор
и пусть псы меня растерзают.

II. Селена

Поцелую тебя, чтобы ты пробудился:
поцелуй мой не будет, поверь, смертоносным!
Топкий берег речушки в тумане сокрылся,
и укрылись жуки под кустарником росным.

Брошу свет на тебя, нежно трону лучами —
так ласкать тебя больше никто не сумеет.
Я пойду по следам за заветными снами,
чтоб вошла туда девушка — та, что краснеет.

Ты же любишь меня! В этих снах — я с тобою...
Нет — увы! В сновиденьях Эроту подвластный,
ты ласкаешь другую, обнялся с другою!
То не я, то не я, мой прекрасный!

III. Дафна

Всё равно догоню — как бы ты ни бежала —
там, где песни потока лесного струятся;
обниму тебя — крепко, как богу пристало,
не успев от погони еще отдышаться.

Не беги и не бойся! Ко мне обернуться,
и испуг, и стыдливость забыть — умоляю!
Подожди же! Сейчас мои руки коснутся
твоих плеч...

Я в руках листья лавра сжимаю.

Перевел Сергей Шоргин





Агата Жилинская

ИНОСТРАНКА В СОБСТВЕННОЙ СТРАНЕ



Мария Кунцевич

«Все творчество заключается в том, чтобы понять, что я имею в виду»; «собственно, я пишу для себя»; «писать — это моя жизненная функция, так же, как дышать, спать, говорить»; «в моем творчестве меня по-настоящему интересуют только люди». Эти цитаты из интервью, которые Мария Кунцевич охотно давала после выхода в свет скандального «Завета с ребенком», недвусмысленно указывают на центральную проблему ее творчества — борьбу с собственными семейными демонами, которую читатель может наблюдать, хотя его присутствие вовсе не обязательно. Ибо тема, которую непрестанно разрабатывала одна из самых выдающихся польских писательниц XX века, — это семья, семейные отношения, материнство, любовь.

Бросим взгляд на ее биографию: дочь скрипачки и директора средних школ родом из мелкой шляхты; дипломированная гувернантка, изучавшая французскую литературу в Нанси и польскую филологию в Варшаве, дебютировавшая в студенческом журнале «Pro arte et studio» — инкубаторе лучших польских поэтов и прозаиков межвоенного периода; переводчица министерства иностранных дел на Парижской мирной конференции 1919 г., студентка консерваторий в Париже и Варшаве, которая в конце концов бросила карьеру певицы ради литературы, — на ее примере можно проследить судьбу польской интеллигенции первых десятилетий XX века. Эта интеллигенция еще помнила о своих шляхетских корнях, которые она рассматривала как долг перед обществом, но уже сознавала, что ее удел — отчуждение от природы и земли, уход в культуру и необходимость жить умственным трудом — новым и единственным источником доходов. Если наложить на это образ женщины, которая воспользовалась недавно обретенным правом на высшее образование, но в качестве основной выбрала профессию гувернантки, затем певицы и только после тридцати лет — писательницы (раньше эта профессия была исключительно мужской), то мы получим полное представление о Марии Кунцевич.

Ничего удивительного, что рассказы и повести, написанные в межвоенный период (прежде всего «Завет с ребенком», «Лицо мужчины» и «Иностранка»), представляют собой описание интимных переживаний образованной женщины, привязанной к мысли о собственной самостоятельности, но сталкивающейся с проблемами женской и мужской плоти, эротической страсти, брака, травмы родов и материнства. «Завет с ребенком» особенно сильно затронул большой вопрос польской культуры на пороге независимости. С одной стороны, этот рассказ стал ответом на брошенный С.Жеромеким еще до 1915 г. призыв писать не о проблемах поляка, но о проблемах человека: о страсти, безумии, жажде власти, патологиях, — что должно было обратить внимание европейского читателя на польскую литературу, прежде занимавшуюся исключительно общественно-национальной тематикой; с другой стороны, он подтверждал, с каким трудом



воспринимается это новое творчество, освобожденное от службы национальной идее. Публикация рассказа на страницах respectable женского журнала «Блющ» («Плющ») закончилась расколом в редакции из-за волны писем от возмущенных читательниц, которые сочли роды и опыт материнства темами неприличными и постыдными, граничащими с порнографией. Возмущение вызвали натуралистические и экспрессионистские метафоры, использованные при описании того, что раньше функционировало в польской литературе как «священный долг», выполняемый чистой «женщиной-ангелом», чуть ли не лишенной плоти.

Самым крупным успехом Кунцевич стала повесть «Иностранка», признанная ее лучшей книгой (что отражает число переводов на иностранные языки), хотя сама она больше ценила повесть «Лесник», основанную на биографии ее отца — так же, как «Иностранка» была свободным переложением биографии матери. Мать, женщина с тяжелым характером, несостоявшаяся в искусстве (из-за ошибок, допущенных в процессе ее музыкального образования, в результате чего она не смогла проявить свой талант) и в личной жизни, оказала огромное влияние на жизнь Кунцевич. В интервью писательница неоднократно признавалась, что она не в состоянии определить, в какой степени развитие ее писательского таланта вытекало из желания осуществить миф матери, а в какой — из глубокого восприятия евангельской притчи о зарытых талантах. Мать, материнство, семейные узы — все эти естественные и в то же время болезненно запутанные явления постоянно присутствуют в прозе Кунцевич в различных конфигурациях: соперничество и солидарность между матерью и дочерью, границы познания близкого человека — например, мужа или сына, восприятие собственного ребенка как кого-то чужого. В конденсированной форме эти темы вернулись в послевоенный период — в частности, в «Тристане-1946».

Благодаря своему юмору, тонкой иронии и деликатности в описании чувств особое место в творчестве Кунцевич занимает сборник рассказов «Две

луны», написанный под впечатлением первого посещения писательницей Казимежа-на-Висле, где она решила построить дом, вновь отданный ей после возвращения из эмиграции в 1962 году. Рассказы построены по принципу контраста двух слоев общества: художников и писателей, приезжающих в городок на летний отдых, и бедных местных жителей. Эти две среды так отличаются друг от друга, что, кажется, невозможно, чтобы им светила одна и та же луна, чтобы они жили под одним небом.

В число главных произведений Кунцевич, опубликованных в межвоенный период, входят «Завет с ребенком» (1927), «Лицо мужчины» (1928), «Две луны» (1933), «Иностранка» (1935), радионовеллы «Будни семьи Ковальских» (1938) и «Ковальские нашлись» (1938), а также серия репортажей из Палестины «Город Ирода. Палестинские записки» (1939). Проблемам войны и жизни поляков на чужбине посвящены дневник событий 1939 г. «Ключи» (1943), повести «Заговор отсутствующих» (1946) и «Оливковая роща» (1961), представляющие действительность с точки зрения ребенка, а также новая интерпретация мифа о Тристане и Изольде под названием «Тристан-1946» (1967). Однако больше всего сама писательница ценила повесть «Лесник» (1952), где она обличала литературную традицию, описывавшую влияние истории на формирование характера и патриотических чувств, и подвергала сомнению очевидность таких понятий, как польское самосознание, народ, родина. Автобиографичность, которой насыщены все ее произведения, еще более усилилась в триптихе эссе «Фантомы» (1971), «Природа» (1975) и «Диапозитивы» (1979), в котором писательница вновь вернулась к сложной истории собственной семьи. Свою последнюю книгу «Письма к Ежи» (1988) она посвятила умершему мужу. Плодом ее литературных интересов стали антологии современной литературы «The Modern Polish Prose» (1945) и «The Modern Polish Mind» (1962), а также книга о С.Пшибышевском «Fantasia alla polacca» (1979).

Мария Кунцевич (1897-1989) родилась в Самаре. Закончила романистику в университете Нанси, изучала польскую филологию на гуманитарных факультетах Ягеллонского и Варшавского университетов. Была студенткой класса оперы в Варшавской и Парижской консерваториях. Как писательница дебютировала в 1918 г. на страницах журнала «Pro arte et studio». В 1927 г. опубликовала сборник рассказов «Завет с ребенком». В 1939-1940 гг. жила во Франции, в 1940-1955 гг. — в Великобритании. Была председателем польского ПЕН-Клуба. В 1963-1972 гг. читала лекции о польской литературе в университете Чикаго. В 1968 г. вернулась в Польшу. В 1936 г. удостоена премии им. Петрашека, в 1974 г. — государственной премии I степени. Прозаик, эссеист, переводчица англоязычной, французской и скандинавской литературы.



Мария Кунцевич

Перевод Натальи Горбаневской

ДИАПОЗИТИВЫ

Отрывки из последней книги дневников

Причина

Я бывала свидетелем возвращений Причины. Она полька. Однажды мы вместе встречали Со-чельник. Она сама почистила селедку, сварила картошку, смешала сухофрукты с орехами; мы пили зубровку, квартира была полна ее смеха: куда ни погляжу, везде я видела ослепительные зубы, блестящие глаза, слышала шелест юбки, и что-то происходило, что не было задумано, фатализм носился как облако. Мы были счастливы. Пели, каждый что-то свое, восторженно врали, шелестя упаковкой подарков, любили врагов, любили прекрасный недобрый мир.

И вот так мы вышли из-под елки в римскую ночь и поехали на Капитолий. В церковь Ара-Цели¹ невозможно забраться с переднего фасада, там наверное тысяча ступенек. Мы объезжали серпантинном все новый и все время тот же пейзаж с кипарисами и луной, с бездной истории, с колоннами, гарнизонами, пиниями, с петардами старого года и канонадой в честь еще одного, вечно того же рождения. Сначала не церковь — сначала Рим. Из-под сени очень высоких деревьев, из зеленой травы я смотрела на городской овраг, искрошенный временем, истоптанный людьми, усеянный черепами, травами, пиццалиями, унавоженный человеческим и звериным дерьмом, украшенный скульптурами, весь мигающий от цирка огней — Рим — Рома — такой дуче, другой дуче — Brigade Rosse, Lotta Continua, MSI, PCI, DC², такая, другая ненависть, такая, другая любовь, и постоянно то же самое. И никогда неизвестно, что принесет с собой следующая компания. До полуночи оставалось полчаса, мы пошли в церковь. Толкучка. Все стулья заняты, скамеек нет. Алтарь во славе, в пресвитерии священнические одежды белы как снег и золоты как солнце. Цветов наводнение — одни только розовые и бе-

лые. Сияние. Хор совсем не григорианский, мелодии скорее напоминают вальсы Штрауса. Среди сидящих дорогие шубы и иностранные слова. Тут же бабы в платках тащат детей, слишком тяжелых для наработавшихся плеч. Ковчег со святыми дарами затянут вуалью. Первый раз я не угадывала, а видела этот интерьер, днем такой темный, теперь пламенеющий. Увидела роскошь кессонов на потолке и — чарующее видение — двух больших ангелов в глубине над главным входом. Повернувшись друг к другу профилем, они как будто излучали сияние, как будто впервые творили свое ангельство специально для этой ночи.

— «Борьба продолжается» (левацкая организация), Итальянское социальное движение (партия — наследница фашистов), Итальянская коммунистическая партия, Христианско-демократическая партия.

В двенадцать зазвонил колокол, отозвались издалека башенные часы, бухнули залпы — завеса на дарохранительнице упала. Духовенство в иератических одеяниях пустилось в иератический танец, какая-то дверь распахнулась, музыка умолкла, и в обнаженной нише над ковчегом явился Bambino Gesu³. Небольшая деревянная фигурка, что-то вроде наших резаных из дерева святых, с круглым крестьянским лицом, преждевременно сознательный ребенок. Одет скромно, держится прямо, уже на собственных ногах, с большой византийской короной на голове, усаженной драгоценными камнями. Яслей не было. Рождения не было. Мы получили Младенца, готового к своей миссии примирить жизнь со смертью. Ангелы затрепетали крылами, духовенство замерло, слова утихли, смерть нависла над головами, как тяжелый многокрылый филин. Мы не дожидались, пока он улетит. С нами был молодой шотландец, в первый раз наблюдавший католичество, он бледнел и краснел, шептал: «Что за театр! Какой великолепный, нелепый театр!»

¹ Церковь Небесного Алтаря (ит.). — Здесь и далее прим. пер.

² «Красные бригады» (левая террористическая организация), «Лотта континуа»

³ Младенец Иисус.



Мы вышли и поехали дальше, огибая развалины античных театров. Венгр вел машину, рядом с ним сидел, задумавшись, Ежи, сзади — Причина, шотландец и я. Чувствовал ли шотландец тяжесть ее головы у себя на плече? Пожалуй, нет: казалось, что он все еще спорит с Новорожденным о смысле распятия. Чувствовала ли она тепло шотландского плеча? Пожалуй, нет. Полулежа, она напевала «Бог родится, мощь крушится», как будто это песенка про Касю и Яся. Про любовь от мира сего. Человеческую, но божественную, католическую, но языческую. Напевала, потом гримасничала, как ребенок, теснила ее эта ночь — ничья, вся посвященная чудесам. Огорчалась. Что-то шептала, всхлипывала. Наверное просила у кого-то прощения, наверное знала, что мы на роковом облаке, что облако на рассвете развеется и она упадет головой на камни, а мы будем стоять рядом.

На улице

Плыву напрямки посреди машин. С одной стороны стена уступает место ограде, за которой расстилаются сады и возносятся здания Американской академии. (...) В квадратном окне скачут марионетки, за которых кричит и плачет невидимый режиссер. Нечто, что ничему не служит. Удары не болят, злость не обижает, любовь не радует. Слабый оказывается сильным, силач поддается закулисной мощи, публика не делает выводов, мораль тает, как шоколад. Остается нервная судорога. Туристические автобусы стоят возле подзорных труб, направленных на город внизу и на горы, залатанные снегом. Я смотрю на то, что видно без подзорной трубы. В Трастевере обширная постройка в форме креста, на трех этажах густо размещены маленькие окна. На скрещении куполок отмечает часовню. Огромная черная надпись на стене: RIFORMA. Тут реформируют преступников. Преобладающий цвет всего в целом, как клоака, коричневый.

Я совершенно одна. Последний на сей день свидетель, свидетельствующий самому себе. Вижу, как выглядит свет, не созданный для человеческого глаза, и молчу. Люди, конечно, есть, но этого нечеловеческого света они не видят.

Искиня⁴

Весной Рим сделался жарким. На Искию! За нежным ветром с нежного моря, за молчанием сонового леса, за сонным шествием виноградников

террасами в гору к вулканической вершине. За тишиной и травяным запахом сарацинских церквей. Все это еще можно переживать. Нельзя об этом писать, как не пишешь о «первой и единственной любви». Все, что было первым и единственным, состоялось бесчисленное количество раз, было пропало, задохнулось под Гималаями повторений. Мне стыдно смотреть на море, стыдно нюхать цветы и вспоминать любовь. Я отвожу взгляд от лишней невинности луны, прячусь от солнца, превращенного в кварцевую лампу. Однако постепенно стыд отпадает... Не хочу поддаться внушению, что все уже было и не о чем говорить. Деликатная проблема, хотя ее неделикатное имя — смерть. Правда, теперь хирург открыто говорит пациенту: «У вас неоперабельный рак», — но это не значит, что я должна закрыть глаза на Искию.

Ничего не случится

Владелец нескольких римских залов, где помещаются кинотеатры, говорит журналистам: «В первый же вечер после того, как похитили мою восемнадцатилетнюю дочь, кто-то нам позвонил: «Джованна с нами. Готовьте деньги. Позвоним еще». Звонки, которые последовали за этим, — продолжает измученный отец, — это безвкусная забава шакалов. Я не позволю обмануть себя. Прежде чем вступить в серьезные переговоры, я должен получить доказательство, что моя дочь действительно находится в руках тех лиц, с которыми я буду иметь дело».

Очерчивается новое деление: шакалы и лица. Клоуны в дурном вкусе и преступники всерьез.

На фотографии жены киновладельца, матери похищенной Джованны, — лицо женщины, склоненное в каменной печали, как лик Матери, песчущей мертвое Тело Сына.

Актер Альберто Сорди, римлянин по рождению и по ролям, которые он играет, на вопрос: «Почему Рим болен?» — отвечает: «Потому что принимает слишком много людей». — «Что ж тогда случится?» — «Ничего не случится». — «Но это повседневное насилие?» — «Римлянин ко всему привыкает». — «Вы чувствуете себя римлянином?» — «Типичным. Я работаю по призванию. Как монах, как священник. Мой двигатель — любовь». — «А если бы вы не были актером?» — «Лежал бы целый день в постели». Значит, Сорди — не шакал. Сорди — серьезное лицо, но только тогда, когда делает то, что любит.

⁴ Остров в Неаполитанском заливе.



Истинник жизни

20 марта вечером вместе с коммюнике №3 «Красных бригад», сообщаящим, что допросы идут при полном соучастии пленника, темными путями конспираторов, где роль почтового ящика часто играет помойка или ларек, пришло письмо Альдо Моро⁵ министру внутренних дел Франческо Коссиге. Похитители предали письмо огласке во имя «долга информировать народ». Последнее предложение письма звучит так: «Да просветит вас Бог, чтобы вы как можно лучше избежали впутывания в болезненный эпизод, от чего могло бы зависеть многое. Самые сердечные приветы...» Если просвещение должно было охватить и меня, раз я купила соответствующий номер газеты, то должна признаться, что я так и осталась непросвещенной. Двусмысленность формулировок, прыжки мысли вперед, назад, тонкие намеки составляли таинственный текст, но под мутным течением оруэлловского double think⁶ я видела одно и то же: этот человек не хочет умереть. Этот христианско-демократический политик, этот ревностный католик не хочет умереть за честь государства. И не его скрытые мысли и самые жаркие чувства не соглашаются со смертью — его сердце, легкие, желудок, мозг и память хотят жить любой ценой. Несмотря на классическую традицию героя на щите, несмотря на святомучеников, которым ни огонь, ни содранная кожа, ни голод, ни разъяренный лев, ни одиночество в пустыне не мешали умирать молясь... Умирали ли они в экстазе, как это показано на картинах мастеров религиозной живописи? Мы не слышали их крика, не дотрагивались до их ран. Мы верили в сверхъестественную силу человека. Верим ли еще? На это можно было бы ответить, если бы полное духов межпланетное пространство не было все еще слишком туманным для человеческого богословия.

Дул резкий сирокко, и полусельские боковые улицы Джаниколо были устланы пальмовыми листьями со скверов и из садов, как будто Сам Иисус должен был здесь проехать на своем ослиати⁷ — посланец к людям обочинным, людям без значе-

⁵ Альдо Моро — премьер-министр Италии, председатель Христианско-демократической партии, похищен террористами из «Красных бригад» 16 марта 1978, убит ими 9 мая того же года.

⁶ Двусмыслия (англ.).

⁷ Неделя ваий, или Вербное воскресенье (вход Иисуса Христа в Иерусалим) — в католической традиции Пальмовое.

ния. Я отрывала взгляд от газетных полос. Где важный человек, центральная фигура дел всей страны, писал важным людям о таком чужом мне деле, как государственные соображения, и о явлении, название которого — государство — покрывает для меня содержание малоуловимое.

* * *

Жизнь итальянского государственного мужа на вид зависела прежде всего от органов государства — полиции, армии, разведки. «Сердечные приветы» пленника министру внутренних дел, то есть в том числе начальнику над полицией, выражали побуждение к действию, почти уверенность, что пещера, где разбойники спрятали жертву (предположительно какая-то обычная квартира в центре города), будет вскоре выслежена и похищенному засветит свобода. Между тем «сердечность» результатов не приносила, дни проходили, и как последняя надежда на спасение оставался обмен, то есть живой Альдо Моро за освобождение неопределенного числа краснбригадников. «...я в таком положении, что обладаю полным сознанием и восприятием» — слова из письма.

* * *

Альдо Моро был не стар и не иссушен «долгим опытом». В письмах жене, распространявшихся «Бригадами» («Mia carissima Noretta»⁸), он находил для нее, дочери и горячо любимого внука нежные слова, свидетельствующие, что в его жизни не было недостатка в жестах любви. Он был счастливым мужем и отцом и довольно молодым дедом. Как его родная Пулия, так и Рим научили его солнечным, пахучим пейзажам.

* * *

Между тем атмосфера заключения сгущалась. Охранники, подбрасывавшие прессе коммюнике «Бригад» и апострофы узника, рисковали жизнью понапрасну. Так называемыми глазами души я видела, как скудная еда становилась все скуднее. Ее уже не подавали, а швыряли на стол, заваленный черновиками и проектами призывов о спасении. Весна разгоралась снаружи — лихорадочный ночной сон, дневной мираж, — в камере было холодно, все холодней по мере того, как кровообращение замедлялось, а смерть

⁸ «Моя дражайшая Норетта» (ит.).



приближалась все быстрее. Невольник, жаждущий дружеского голоса, слышал слова, с каждым днем все более оскорбительные, а в глазах палачей читал обещание окончательной расправы и презрение: вот как тебя трактуют товарищи «счастливых дней» (слова в одном из писем), как тебя ценит республика, как без тебя обходится пресловутое государство, как тебя любит Папа.

* * *

Человеческая комедия достигла кульминации, когда один из адресатов, зачисленный «военнопленным» в друзья, публично опроверг приписанное ему в письме мнение о допустимости обмена политзаключенных, после чего в кулуарах парламента воскликнул: «Моро нет в живых!»

Тем временем в более поздних письмах мелькала надежда на помощь компартии с учетом благодарности за инициативу «исторического компромисса». По тону было видно, как мозг уступал место сердцу, умножались сентиментальные акценты: тоска по семье, горечь, наконец — гнев на друзей и обещание, что история отомстит за ущерб, нанесенный историческому лицу. Следя в печати всё новые фазы монолога в пустоте — я цепенела, потому что меня охватывало чувство бессилия человека перед судьбой другого человека. И еще хуже — бессилия человека перед толпой людей. И еще хуже — бессилия сна перед явью. И доктрины перед стихией.

После многих лет чтения аскетической прессы ПНР, где жизнь препарирована по абстрактному образцу, я вдруг оказалась осуждена на поле зрения репортеров, привыкших к подлинности, созерцаю мир, перенаселенный преступлением, распятый, разодранный, погруженный в страх и злобу, полный ловушек и мошенничества. И на этом фоне одинокая фигура политика для обмена на неопределенное число политиков. На первый взгляд ситуация казалась совершенно ясной. Только мгновение спустя нахлынули сомнения: 1. Что выгоднее гражданину сегодняшнего мира: истинный образ или химерический? 2. Как далеко должен заходить иммунитет политических лидеров? 3. Может ли христианский политик ожидать, что общество будет руководствоваться Евангелием в своих конфликтах с Публичным Делом⁹?

⁹ Имеется в виду Res Publica (Общее дело), т.е. республика.

Глубокий мрак

Моро уже знал, что ничего не будет сделано, чтобы спасти его, но в последнем рефлексе самозащиты партийный чиновник отвернулся от Властей и обратился к Базе.

Продолжая свой призрачный диалог с неуловимым мнением неуловимых судей, он приказал: «Прошу, чтобы в моих похоронах не принимали участие государственные власти и не участвовали представители партии. Требую, чтобы за гробом шли только те немногие, кто был ко мне добр и кто достоин сопутствовать мне молитвой и любовью».

Секунда тишины

Мы шли, озабоченные антрактом в деле Альдо Моро. Найдется ли наконец исход милосердию? Сокрушатся ли сердца врагов? Сердца друзей? Так размышляя, я не сразу заметила, что кто-то, идя мне навстречу, обращается ко мне польски, бледный и трясущийся, и голос этот я знала. «Не ходите туда, — говорит он, — да вас и не пустят, виа Каэтани огорожена: там лежит тело. Его вышвырнули из багажника... Красный «Рено». Вышвырнули и сбежали. Полицейская машина приехала только в 13.20. Верно, его застрелили из пистолета с глушителем в гараже. Сейчас ждут родных...»

Мы повернули. Друг-поляк громко и быстро говорит, руки у него трясутся. Я молчу. Минует эпоха, захлопнулась дверь.

* * *

Феллини говорит, что юношеская ненасытность на плоть, хоть и прикрытая католичеством и светским лицемерием, остается такой же и в старости. Феллини рассказывает, как пожилые мужчины с ограниченной потенциальностью живут в раздражении, которое изливают на жен. А жены, страшно алкавшие родов, исчерпываются раньше. Устав нянчить детей и мужчин, они умирают первыми. Тихо умирают, благодарные за последний цветок, последний поцелуй сына. Мужья оплачивают им венки на катафалк, большие, как мельничные жернова. Среди стада потомков всегда найдется кто-нибудь, кто всплывает в усы или даже упадет в обморок в разгар погребения. Зато другой, известный ловкач, тем яростней кинется на живую женщину, чтобы успеть, чтобы поскорее уж стать покорителем. Тем временем из дома, погруженного



в траур, сбежит мальчонка, наконец-то избавленный от материнских тычков, упоенный свободой. Сбежит и в утреннем тумане станет перед внезапно явленной мордой вола — и в его больших круглых глазах увидит все тот же, свой собственный страх перед жизнью.

Ноябрь — опасная пора

«Настоящее» я в зеркале не отражается, оно — «сердце тьмы» всякого человеческого тела. Этим-то своим «сердцем тьмы» я не интересуюсь. Может, боюсь его, а может, не умею увидеть. Не умею и извлечь практические выводы из своего отражения во мнениях, не желаю ни в какую сторону менять образ. Ибо зеркало не говорит, кто я, — оно говорит, как я выгляжу.

В настоящий момент мне восемьдесят с лишним лет, и каждое утро я спешу увидеть, как я сегодня выгляжу. Насмотрелась в Мадриде «Капричос» Гойи, да и вообще все музеи полным-полны образов женской старости. Ведьмы, колдуньи перелетают на метлах с шабаша на шабаш, щерят в похабной ухмылке один и тот же длинный шаткий клык, чешутся и ржут от страха. Каждое утро я готова увидеть эту метлу, этот клык, этот страх...

Мне восемьдесят с лишним лет. Мой партнер на протяжении последних 60 лет сказал мне вчера: «Люблю глядеть на тебя», — так его это трогает, что он и не видит, как я скачу на метле.

Еще клетки

Иду мимо бара, время — после работы. Казино опять далеко, и далеко отсюда до Foro Italico, где в большом зале идет процесс «Красных бригад». Под

одной стеной поставили клетки для подсудимых. Наверное уже закончил давать свои показания виновник шестнадцати убийств Антонио Саваста, «фаскавшийся» активист организации, поставившей целью обновить мир путем внезапной и неожиданной смерти. Саваста — тот, кто похитил в Вероне американского генерала Дозера и не сумел его убить. В свое время он голосовал за казнь Альдо Моро. Теперь он утверждает, что перешел на сторону полиции, ибо «Бригады» не привлекли масс к борьбе с государством. Гуманных соображений он не признаёт, как не признаёт их и государство.

Действительно, четыре года тому назад итальянское государство во имя своего величия отказалось обменять Альдо Моро на полтора десятка террористов. Помню слова из его последнего письма: «Прошу, чтобы в моих похоронах не принимали участия государственные власти». Орган Христианско-демократической партии опубликовал это письмо с комментарием: «Нынешняя неприязнь нашего председателя к государству... находит объяснение в глубоком мраке...» Но разве не любая неприязнь произрастает из мрака?

Я сворачиваю на рынок, где четыре года тому назад покупала копчености и мед, стараясь не думать о мраке, в котором Альдо Моро на дне унижения писал свои письма Величию Государства.

Сады снова цветут, цветут женские платья и детские щеки. Я стараюсь не думать о тьме в разных птичьих и человеческих клетках. Ни о ночи в моем собственном черепе.



Игорь Клев

О ВОСПРИЯТИИ БРУНО ШУЛЬЦА ВОСТОЧНЕЕ ПЕРЕМЫШЛЯ

*Выступление на международном симпозиуме
«Присутствие Бруно Шульца в Центральной
и Восточной Европе»*

Как бывший львовянин, а теперь москвич, немного переводивший Шульца (первый русский перевод, опубликованный в августе 1989-го в рижском «Роднике») и кое-что о нем написавший, я могу поделиться своим пониманием того, как воспринимаются фигура и творчество Бруно Шульца на Украине и как — в России. Говоря коротко, на Западной Украине либеральными кругами — апологетически, а националистическими — резко отрицательно, в России же культурным мейнстримом — весьма дистанцированно, а частью культурного маргиналитета — с энтузиазмом. (Чтобы изложить свои соображения, не отнимая много времени, я вынужден идти на некоторое упрощение и огрубление — надеюсь, это будет воспринято с пониманием.)

Для значительной части культурного слоя Западной Украины Шульц не столько польский писатель и иудей, сколько галичанин — культурный герой Галиции и ее полпред в мировом контексте. И в этом есть свой резон: порой территория, география, общность исторических судеб значат не меньше, чем общности культурная, языковая и этническая. Националистические круги Западной Украины, напротив, стремятся к изоляционизму — им не нужен мост в большой мир, который посмеется над их компенсаторной мегаломанией. (Это не анекдот — негативная реакция львовских народных депутатов на предложение молодых либералов в середине 90-х установить памятник уроженцу Львова писателю Захер-Мазоху мотивировалась так: «Они хотят, чтобы мы, украинцы, не только мучались, но еще и кайф от этого ловили».)

Если позволить себе электротехническую аллегория: Шульц для украинской культуры — своеобразный разъем или переходник, подключающий ее к польской культуре и проблематике западноевропейского модернизма в его центральноевропейской версии (более депрессивной, фаталистичной, даже суицидальной — поскольку сравнительно небольшим центральноевропейским народам и странам суждено было играть в европейской политической истории Нового времени преимущественно роль «пешек», как это ни прискорбно). На востоке таким разъемом, подключающим украинскую культуру к русской, является фигура Гоголя. И что характерно, это самые фантазматические писатели, порожденные территориями, входящими в состав сегодняшней Украины. Можно отнестись к ним как к западному и восточному полюсам в культуре, а можно и как к явлениям маргинальным. Потому что уже для Киева (не говоря о юге и востоке Украины) Шульц не значит столь много, как для галичан.

И совсем уж прохладное, заторможенное, чтобы не сказать отчужденное отношение к нему в широких культурных слоях Москвы. При том, что именно в Москве (а это не город, а по многим признакам особая «страна в стране») весьма активно неформальное «шульцевское лобби». Если говорить о персонах, это в первую очередь Асар Эппель — в 90-е годы основной переводчик практически полного корпуса произведений Бруно Шульца на русский язык. Здесь наличествует один очень лю-



Бруно Шульц. Автопортрет



бопытный момент. Эппель — оригинальный прозаик, один из самых интересных новеллистов современной России, коренной москвич и еврей по национальности — вырос в одной из бесчисленных т.н. слобод довоенной и послевоенной Москвы, в Останкине. Знакомство с творчеством Бруно Шульца, как мне кажется, оказало ему неоценимую услугу как прозаику. Фантасмагорический и вегетирующий стиль дрогобычского писателя оказался настолько созвучным сохранившемуся у него ощущению родной окрестности, давно поглощенной многомиллионным городом, что это могло спровоцировать порождение некоего параллельного шульцевскому стилю, совершенно оригинального и идеально подходящего для литературного воссоздания замкнутого мирка — канувшего вневременного «местечка» своего детства. Ключевое слово здесь «местечко» — и я к нему еще вернусь. Отмечу только, что Эппель-прозаик занимает особое место в русской культурной и литературной традиции — сродни месту Бабея, скажем.

Другой случай заинтересованного и пристрастного отношения к фигуре и творчеству Бруно Шульца еще более любопытен, поскольку никак не мотивирован биографически. Это другой коренной москвич, известный социолог Борис Дубин — интеллектуал и переводчик полного Борхеса и целого ряда значимых фигур литературы европейского модернизма. В его лице можно персонифицировать одно из ответвлений русского культурного мэйнстрима — в России таких людей называют «западниками». С тем только существенным отличием от традиционно понимаемых «западников», что Дубин стремится не к растворению русского культурного мира в западноевропейском, а к выявлению и созданию контекста для ведения продуктивного диалога при сохранении всех идейных и конституциональных различий — если он и космополит, то именно «русский космополит». Чтобы задать рамки моей мысли и перейти к ее изложению, этих двух фигур, пожалуй, достаточно. (В скобках оставим весьма нескритичную в культурном отношении русскую еврейскую диаспору, столь же нескритичный и эпигонски настроенный круг любителей австро-венгерского культурного космоса, более чем многочисленный слой маргиналов, для которых любая фигура — лишь повод и инструмент для передела сфер влияния, а также литературных гурманов.)

Моя простая мысль заключается в том, что весьма сдержанное отношение к Бруно Шульцу в России мотивировано конституционально. К сожалению, и культурно, и биографически Шульц оказался в роли разменной монеты в историческом противостоянии большого и малого миров, если понимать их метафизически. К сожалению также, я не профессиональный философ, чтобы дать четкую дефиницию этих миров, — я делюсь только своим видением и деполитизированным представлением. Шульц — гений малого мира, в котором вырастает почти каждый из нас (и возможно, предпочел бы в нем остаться, не будь в нем так душно), и заложник большого, который до каждого из нас рано или поздно добирается. Никому за последние сотни лет не удалось умереть в той же стране, в которой он родился (причем от суммы перемен люди мрут не меньше, чем в результате войн). Шульц стремился творчески раздвинуть свой малый мир до пределов большого («Метель» [«Wichuga»], «Весна», «Санатория для усопших») и поплатился жизнью за самоуправство.

Как вывести из клинча большой и малый, подростковый и взрослый, открытый и замкнутый, партикулярный и божий, глобальный и антиглобалистский миры — местечко и универсум, — я не знаю. Знаю только, что каждому придется отвечать за то, что натворили все (и пусть никто не говорит «меня там не было 19 ноября»^{*}). Знаю еще, что если малый и большой миры не сделают хотя бы по полшага навстречу друг другу, все будет продолжаться по-прежнему (если не закончится преждевременно).

При столкновении большого и малого миров Шульц погибнет неизбежно. Но он задохнется и выродится до размера полевой мыши, если они совсем разминутся — здесь и сейчас.

Игорь Клевх (род. в 1952 г. в Херсоне) — известный русский прозаик и эссеист. Окончив русское отделение филологического факультета Львовского университета, работал в школе, затем в течение 17 лет — реставратором витражей во Львове. С 1994 г. живет и работает в Москве. Международный симпозиум, в котором он участвовал, проводился в связи с выходом в свет книги Ежи Фицовского «Регионы великой ереси и окрестности. Мифология Бруно Шульца».

^{*} День гибели Шульца — 19 ноября 1942 года.



Янина Куманецкая

ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

• 500 иерархов девяти христианских Церквей, а также политиков и мыслителей со всей Европы, собравшихся в Гнезно за несколько месяцев до расширения Евросоюза, подписали обращение к европейцам, в котором, в частности, говорится: «Единство Европы — слишком важный вопрос, чтобы полностью доверить его политикам. Европа духа должна рождаться из контактов граждан. Мы призываем всех (...) приложить свои усилия для ее создания. Мы должны привнести в Европу глубокий образ человеческой личности, реализм нашей аскетической духовности и подлинность жизни в общине».

• В Варшаве на 89-м году жизни скончался Еремий Пшибора. «Поэт-джентльмен, один из создателей легендарного «Кабаре двух пожилых господ», образец элегантности и хороших манер», — пишет о нем Ян Бонча-Шабловский. А Вислава Шимборская считает, что его песни невозможно исполнять истерично: «Никакого экзистенциального вытья и ломания стульев. Никакой корчи ужасающих рож (что теперь модно) — как будто между пением и острым воспалением слепой кишки нет никакой разницы. Так вот, у Пшиборы эта разница была очевидной». Еремий Пшибора начинал свою профессиональную карьеру еще в довоенной Варшаве в качестве радиодиктора. После войны работал диктором на радио в Быдгоще. Уже тогда он начал писать первые скетчи и сатирические монологи. Однако настоящим триумфом стал передававшийся на волнах Польского радио и подготовленный вместе с Ежи Васовским театр «Этерек» («Эфирчик»). Абсурдное описание не менее абсурдной действительности забавляло и смешило до слез. Отсюда был уже только шаг до нового средства массовой информации: в 1958 г. оба пожилых господина переехали на телевидение, а их программа, названная «Кабаре двух пожилых господ», стала культовым явлением польской культуры тех лет. Впрочем, она жива до сих пор. «Это была не только лирико-

сюрреалистическая игра в довоенные манеры, но и попытка спасти мир, уничтоженный войной, а затем коммунизмом», — оценивает Роман Павловский. «Все тут было высшего качества, — пишет Магда Умер, — поэзия, чувство юмора, отстраненное отношение к миру и чудесная погруженность в него. Критический взгляд на действительность, но без ненависти». Ежи Васовский умер в 1984 году. Теперь нас покинул Пшибора. Пожилых господ больше нет... Но, к счастью, остались пленки и песни.

• Все началось с пальмы... а сегодня, размышляя над тем, как сделать Варшаву более привлекательной, городские власти, архитекторы и художники генерируют всё новые идеи — впрочем, лояльно сообщая, что в поисках образцов они обратились к опыту Берлина и Барселоны. Выставка предложений, как сделать город более дружелюбным людям, под названием «Пальма. Что дальше?» была открыта на ограде старой варшавской теплоэлектростанции в районе Повисле. В рамках заботы о «дружелюбном лице города» было предложено множество забавных и неожиданных решений — например, превратить выходы из метро в своего рода художественные композиции. «Как показывает пример пальмы, — пишет «Газета выборча», — варшавяне хотят, чтобы в их городе были не только ровные улицы, разветвленное метро и новые мосты, но и немного безумия, современных скульптур, скамеек и игровых площадок».

• Премия Фонда культуры — одной из самых серьезных неправительственных организаций, поддерживающих польскую культуру, — присуждена Норману Дэвису. «По документам британец, по происхождению валлиец, снискавший международную славу благодаря книге по истории Польши «Божья игра», — написал о нем автор газетного репортажа. В своих работах замечательный историк посвятил много места Польше, а его последняя, опубликованная в Англии книга «Rising '44» повествует о Варшав-



ском восстании и имеет все шансы стать настоящим бестселлером. Норман Дэвис — первый иностранец, получивший премию Фонда культуры.

• **В Варшаве создан Польский союз зарубежных писателей, объединяющий полтора десятка человек из Великобритании, Франции, Вьетнама, Японии. Все члены союза пишут на разных языках и приглашают на проходящие два раза в месяц встречи, на которых они представляют свое творчество. «Мы хотим показать, что эмигранты способны не только брать, — говорит приехавший из Камеруна журналист Симон Мол. — Мы можем также очень много давать и вносить много нового в жизнь поляков».**

• Тем временем, если верить сообщениям прессы, восходящая звезда польской литературы Дорота Масловская пользуется огромным успехом в Париже. Ее «Польско-русская война под бело-красным флагом» признана там крупным литературным событием. «Книга заполняет серьезный пробел — на французском рынке все еще мало книг, описывающих центральноевропейскую общественную действительность после 1989 года, — написала французская рецензентка. — Автор сумел вдумчиво описать психозы поколения, которое не может позволить себе удовольствий, обещанных капитализмом».

• **Прошедшая в Ягеллонском университете международная конференция «Гомбрович — наш современник» стала одним из первых мероприятий Года Гомбровича, торжественно отмечаемого в связи со столетием со дня рождения писателя (автора «Фердидурки» и «Дневников»). Гомбрович будет также покровителем XXX Международной книжной ярмарки в Буэнос-Айресе, а затем мероприятий в Тулузе и Женеве. Кроме того, организационный комитет Года Гомбровича объявил конкурс на лучшее эссе о писателе на тему «Польское самосознание: ценность или обуза?».**

• В новом списке бестселлеров в категории документальной литературы первое место занимает книга Томаша Лиса «Что происходит с этой Польшей?». Необыкновенно популярный тележурналист, некогда корреспондент польского ТВ в Вашингтоне, увлекательно излагает

свои мысли о Польше, со знанием дела описывая разочарования современных поляков. Его книга прекрасно передает состояние умов тех людей, которых беспокоит судьба страны. На втором месте — исполненные обаяния воспоминания Беаты Тышкевич, популярнейшей и в свое время самой красивой польской киноактрисы. В категории художественной литературы всех лидировавших до сих пор женщин наконец-то опередил мужчина — Ежи Пильх со своим «Городом терзаний». Однако как Иоанна Хмелевская, так и Катажина Грохоля остались в первой пятерке.

• **Снятый по мотивам первого романа Грохоли фильм «Никогда в жизни» критика назвала шаблонным, напоминающим скорее рекламу зубной пасты, чем задиристое современное произведение искусства, каким была книга. Несмотря на это ожидается, что фильм принесет прибыль — такова сила масс-медиа, а Катажина Грохоля — явно медийная личность.**

• Тадеуш Соболевский о «Саде земных наслаждений», последнем фильме живущего в Венеции польского режиссера Леха Маевского: «Как получается, что фильм, составленный из готовых, иногда несколько подозрительных элементов, трогает своим личным тоном? Мелодраматическая схема «Сада земных наслаждений» таит в себе неподдельную тревогу художника (...) Больше всего в фильме трогает не банальное сознание смерти, но усилие, направленное на то, чтобы спасти, запечатлеть жизнь, проявляющуюся в искусстве, науке, эзотерической философии, во всех действиях, которые на ощупь совершают герои «Сада» (...) Не напрасно творил Босх, не напрасно в доках Венеции был создан такой шедевр, как гондола, не напрасно был построен город на воде».

• **На церемонии вручения «Польских Орлов» — ежегодной премии, присуждаемой самими кинематографистами за достижения в области кино, — бесспорным победителем стал Анджей Якимовский со своим фильмом «Зажмурь глаза». Его главным конкурентом был Ян Якуб Кольский с фильмом «Порнография». Однако овацией стоя публики встретила другого героя вечера — Казимежа Куца, который получил премию за вклад в кинематографию. Куц, дебютировавший как один из режиссе-**



ров польской школы 50-х («Крест за доблесть»), в дальнейшем снял цикл красивейших фильмов о Силезии («Жемчужина в короне», «Бусинки одних четоков»), а в последнее время все чаще ставил спектакли на театральных подмостках и в Театре телевидения. Сейчас он, помимо прочего, отстаивает интересы Силезии в польском Сенате.

• Лауреатом II Фестиваля польского независимого кино, организованного 2-й программой ТВП, стал фильм Владислава Сикоры «Сказка о людях Отсюда» — полная всевозможных забавных ситуаций, а также цитат из фильмов и кабаре сатира на хищный польский капитализм. Критик газеты «Жечпосполита» пишет о фестивале, больше недели собиравшем у экранов свыше миллиона зрителей: «Независимые кинематографисты предлагают жанровое, формальное и тематическое разнообразие, свежий взгляд на реальность (...) Их объединяет то, что они хотят говорить о вещах важных. Поэтому в их фильмах так часто затрагивается общественная тематика (...) В поисках новых тем и мест независимые художники открываются к иной Польше».

• В Гданьске создан Быстрый городской театр — первый документальный театр в Польше. Вдохновение пришло из Москвы — осенью Гданьск посетил «Театр.док», который привез несколько спектаклей, поставленных по методу *verbatim*, т.е. основанных на реальных событиях и документах. *Verbatim* появился в Великобритании в 90-е годы. Его цель — максимальное приближение к реальности, показываемой без театрального грима на базе подлинных текстов, чаще всего журналистских. Первые гданьские спектакли — это «Ложись»

(разговоры жен военнослужащих, посланных в Ирак), «Наши» (портрет польского неонациста) и «Женщины из-за восточной границы» (портреты проституток из бывшего СССР, работающих в Польше).

• «Вандалы — стражи Янтарного пути» — так называется выставка, открывшаяся в Варшавском государственном археологическом музее. Вот что говорит об экспозиции ее автор, профессор Анджей Коковский: «Вандалы (...) были людьми впечатлительными, думающими и тянущимися к знаниям. Они мастерски ковали железо. Вандалы создали Янтарный путь — этаким древним Ямальским трубопроводом, — по которому доставляли ценное сырье с берегов Балтики в Римскую империю. Неизвестно почему, все помнят лишь о том, что они разрушили три города в Галлии и ограбили Рим. Ведь другие племена были ничуть не лучше». В конце античной эпохи вандалы жили на территории сегодняшней Польши. Подготовка выставки продолжалась восемь лет. За это время было собрано 2 тыс. экспонатов из 32-х польских и зарубежных музеев и научных центров.

• Министр культуры Вальдемар Домбровский представил проект создания Центров современного искусства. «Я хочу, чтобы искусство, создаваемое в наши дни, собиралось систематически. В Польше есть несколько десятков собраний современного искусства, но ни одно из них не полно (...) Я планирую вновь проводить в «Захенте» ежегодные салоны такого масштаба, как прежние исторические салоны, представлявшие достижения Общества [поощрения изящных искусств]», — сказал министр. Однако эта прекрасная программа требует денег. Вальдемар Домбровский обещает дотации и рассчитывает на структурные фонды Евросоюза.



Катажина К. Гардзина

ВЕЛИКАЯ МАРИЯ

Юбилей Марии Фолтын

День ее 80-летия Польское телевидение отметило передачей записи «Гальки» в ее постановке. Польское радио подготовило оперный спектакль и диск с ее архивными записями. Марии Фолтын, певице, режиссеру, подвижнице музыкальной жизни, 28 января исполнилось 80 лет. Для нескольких поколений поляков Мария Фолтын — не только незабываемая исполнительница знаменитых оперных партий, звезда польской и заграничной оперной сцены, но и неутомимый, «неистовый» пропагандист творчества Станислава Монюшко. Поэтому ее и называют «вдовой Монюшко» — трудно сказать, чего в этом определении больше: злословия или восхищения. Благодаря Марии Фолтын Монюшко слушали и смотрели не только в Польше, но и в Гаване, Мексике, Анкаре, Новосибирске, Канаде, Бухаресте, Токио и Самаре. В ее постановках искрометную мазурку танцевали японцы, а знаменитой Галькой стала кубинка Иоланда Хернандес.

На сцене она дебютировала в 1949 г., когда в рамках экстренной замены выступила в заглавной партии «Гальки» в Силезской государственной опере. В 1949-1962 гг. Мария Фолтын была солисткой Варшавской государственной оперы, где дебютировала в роли Балладыны в опере «Гопляна» Владислава Желенского. В 1962 г. заключила контракт с Лейпцигским оперным театром. Мария Фолтын была лауреатом двух международных вокальных конкурсов: в Верчелли (1956) и Чиаррте (1957). В 1965-1967 гг. пела в Западной Европе. Вернувшись в Польшу, была солисткой лодзинского Большого театра.

Она выступала в самом широком оперном репертуаре и создала ряд выдающихся образов. К самым важным ее ролям

прежде всего принадлежат заглавные партии в операх Монюшко «Галька» и «Графиня». Большим успехом пользовалась Мария Фолтын в операх Пуччини, Чайковского, Верди, Вагнера — Вагнера она пела и в Германии. Сделала множество музыкальных записей на радио и пластинках, в том числе Монюшко, Грига, Шумана и Шуберта. Эти записи спустя полвека постепенно возвращаются на рынок благодаря стараниям Польского радио.

Завершив карьеру певицы, Мария Фолтын занялась оперными постановками — для этого она окончила режиссерский факультет Варшавской театральной академии. Дебютировала спектаклем «Галька» в Гаване (1971). Поставленные ею оперы были художественными событиями высшей пробы. Делом всей жизни Марии Фолтын стала популяризация музыки Станислава Монюшко. Она прославила польские национальные оперы как на родине, так и за границей.

В 1988 г. Мария Фолтын основала в Варшаве Общество любителей музыки Монюшко и стала его председателем. Десять раз она проводила Всепольский конкурс вокалистов-любителей, программа которого состояла из песен Монюшко. Очень важной частью деятельности Марии Фолтын стал Международный фестиваль Монюшко в Кудове-Здруе. В течение 20 лет она была его художественным директором.

В 90-е гг. Мария Фолтын осуществила еще одну идею, направленную на пропаганду польской вокальной музыки и одновременно творчества Монюшко. Международный конкурс молодых вокалистов имени Станислава Монюшко оказался



«выстрелом в десятку». Вскоре основанный Марией Фолтын конкурс стал самым крупным вокальным событием в нашей части Европы. Раз в три года в польскую столицу приезжают молодые певцы со всех концов света: были китайцы и австралийцы, французы, американцы, россияне и множество поляков. Очередной конкурс состоится в мае этого года в Большом театре — Национальной опере.

Мария Фолтын — не только директор и член жюри варшавского конкурса. Ее приглашают и в жюри известных вокальных конкурсов в Рио-де-Жанейро, Москве, Праге, Претории и Кальтанисетте (Сицилия).

Певица, празднующая ныне свой юбилей, не осуществила бы всего перечисленного, если бы не ее сила воли, настойчивость и железная последовательность. У нее есть очень преданные друзья, но есть и заклятые враги. Одни говорят о Марии Фолтын «тяжелая», другие — «упрямая», «импульсивная», «буйная личность». А Мария Фолтын прежде всего отважна — и в поступках, и в суждениях. Она была отважной, когда в Москве пела в присутствии Сталина, когда в возрасте 45 лет начала учебу на режиссерском факультете, ко-

гда ставила «Гальку» в Сибири, когда организовала первый конкурс имени Монюшко, почти не имея на это средств.

Мария Фолтын и Станислав Монюшко образуют неразрывную пару. Фестивали, конкурс, множество поставленных ею спектаклей, в том числе «Гальку», неоднократно транслировало даже... австралийское телевидение. Не так давно Мария Фолтын предприняла еще одно начинание во имя Монюшко. На эстраде Концертной студии Польского радио она поставила оперу «Графиня», которой нет в репертуаре ни у одного польского оперного театра. Гала-спектакль, который состоялся в студии 1 февраля, был чудесным подарком к юбилею. На этом празднестве пели лауреаты конкурсов им. Монюшко, а Мария Фолтын неизменно оказывалась в окружении почитателей, которые хотели выразить ей признательность, благодарность и уважение. Море цветов, овации публики, аплодировавшей стоя, и многочисленные поздравительные письма стали доказательством того, что для польской культуры Мария Фолтын — бесценное «учреждение», но, главное, замечательный человек.



Лешек Шаруга

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

«Энциклопедию русской души» Виктора Ерофеева польские читатели, о чем я уже писал, приняли если не с восторгом, то во всяком случае с огромным интересом. Кроме многочисленных рецензий и упоминаний в прессе заслуживает внимания большая статья историка общественной мысли Михала Богуна «Апокалипсис в одной стране», напечатанная в последнем номере гданьского ежеквартального журнала «**Пшеглэнд политичный**» (№64, 2004). Уже начало придает вкус к дальнейшему чтению:

«Виктор Ерофеев написал книгу, которая возмущает естественный порядок вещей: она возникла, хотя ее не должно было быть. (...) Ее несуществованию наверняка радовались бы парни из пропрезидентской организации, призывающие сжигать на кострах книги Ерофеева и других недостаточно патриотических авторов во имя утешения и укрепления духа благочестивых и гордых граждан великой России».

И дальше тоже занятно:

«Уже самим заглавием книга Ерофеева являет себя как нечто невозможное. «Энциклопедия русской души. Роман с энциклопедией» — в нескольких словах мы получаем обещание незавершенности, парадоксальности, открытости проблем, от которых не убежишь. Каким образом соединить достопренную тяжелую энциклопедию — монумент всеобщего образования — с чем-то таким аморфным, летучим и не поддающимся рациональному восприятию, как душа? И вдобавок русская? (...) В структуре книги выражается одна из тех черт, которые Ерофеев приписывает России и ее жителям. Это аморфность, вечная дезорганизация. Россия чужда форме, она есть опровержение аристотелевской метафизики (...). Этот недостаток, увечье движет историей России, которая, вытекая из того, чего нет, сама оказывается нехваткой. Воистину у Ерофеева есть нечто общее с Петром Чаадаевым, который первым открыл горестную неисторичность России».

Это не единственное родство, которое находит Богуна в рассматриваемой им книге:

«Чтение Ерофеева в особенности вызывает ассоциации с последним произведением Розанова — «Апокалипсисом нашего времени» (1919). В обоих случаях перед нами трагикомическое описание конца России. (...) Розанов увидел мощь апокалипсиса, когда Россия, вопреки известному решительному пророчеству, производила революцию в одной стране. Ерофеев идет по его следам, хотя уже сознаёт, что революция — это только видимость, а на самом деле можно ожидать лишь конца: «Обещанный конец света начался в одной стране». Но дела не так плохи, как это могло казаться его религиозно настроенным соотечественникам первых десятилетий прошлого века. С перспективы конца XX века ужас Розанова и его современников попросту наивен. Мы привыкли, что мир кончается каждый день, и «никто не предупреждает о конце света. Можно пожить и без света». Можно даже на малых оборотах, хотя русским этого скандально недостает. Действительность обнаруживает свой иллюзорный характер: иллюзорная страна с иллюзорным лидером, правительством, парламентом. Россия — это «украденная отчизна», от которой остались всего лишь «фрагменты географии». Если бы не осколки, занимающие четвертую часть земного шара, то она совершенно не заслуживала бы внимания. И снова явное обращение к Чаадаеву: Россия — это только география, истории русские не знают и не имеют по хронической склонности забывать. А значит, чистая фикция: только карта, очертания страны в форме растянутой гармошки — все остальное из-под людей вытащили, словно истертый матрац. (...) И опять в глубине появляется шутовское отчаяние Розанова, у которого в русской *divina commedia* наступает столь же пронзительный финал (...). Россия всегда была повестью из слов, колотящих по печальным головам. Великим анекдотом, по внутренней сторону которого живет ее население. Российское остроумие всегда говорит об одном: о России и ее метафизическом абсурде: «невоплощенном существовании». Из такого состояния (...) нет возможности выбраться. Россия останется фикцией. Заколдованный круг русской судьбы — отсутствие истории».



Читаю эти слова и слышу эхо «Поэтического трактата» Милоша, который писал, что у нас «историчность суть уничтожает». С другой стороны, в голове гудит захватывающий ритм «Скифов» Блока. Пожалуй, все это не так просто, думаю я и продолжаю делать выписки из статьи Богуна, который пишет о переменах, происходящих в России, и о том, как их видит Ерофеев:

«Россия останется фикцией. Современные преобразования, эти невероятные усилия сделать ее обычной страной по европейскому образцу, — тоже иллюзия. Заколдованный круг русской судьбы — отсутствие истории. Преобразования оказываются переходом от строя, которого не было («социализм — это в Швеции»), в довольно неопределенном направлении, а в целом, неизвестно куда и зачем. Но в России этот вопрос задавать не надо, ибо, когда появится ответ, самой страны уже не будет. И это касается отнюдь не только 90-х годов. История России — это неустанные перемены, разрыв с прошлым, которого нет, и начинание сказочки сначала во имя будущего, которого не будет».

Здесь возмущается мое чувство логики: Богун пишет об истории России, которой якобы нет, — о чем же он тогда пишет? Почитаем дальше:

«Россия — это попросту «щепочка неудавшихся реформ». Ее история — это футбольный матч между командами Европы и Азии. (...) В конце концов выигрывает Азия — благодаря отличной «централизации» при Сталине и пренебрежению вопросом при Ельцине, который в последний момент растерялся (видимо, по склонности к злоупотреблению крепкими напитками), не зная, на какой стороне футбольного поля ему играть. Но проблема лежит гораздо глубже, не только во внешнем слое борьбы европейства с азиатчиной. Дело в том, что история России кончилась, толком не успев начаться. (...) Метафизическое зачатие России — «небытие». Только оно описывает проклятую диалектику «все или ничего», которая изнутри сдает ее жителей. Между тоской по бесконечности и сознанием собственного ничтожества нервно вздрагивает параноидальная русская душа. Русский же — это «всечеловек», феномен незавершенный, хоть и состоит из «ничего». Он считает, что ему принадлежит весь мир, и одновременно избавляется от всего. Он смиренен и считает, что это смирение дает ему право управлять миром. Перед всем он становится на колени, распластывается даже перед супом, но делает это во имя собственной мощи. Составленный из взаимоисключающих свойств, величия он достигает в саморазрушении. Перед лицом «небытия» единственной реальностью остается сказка. Россия, если она вообще есть, — это сказка, зачарованный мир, зачатый словами».

Наконец, описав прочитанное, автор статьи переходит к попытке оценки:

««Энциклопедия русской души» использует целый каталог схем и стереотипов мышления об истории и культуре России, что позволяет воспринимать ее как тонкое пародирование основных понятий русской философско-религиозной мысли. Здесь отчетливо звучит далекое эхо ключевых ее категорий: «всеединство», «монодуализм» и «соборность». Ерофеев намекает на них или прямо их использует, как и многие другие слова и идеи, важные в русской духовности, чтобы с их помощью очертить ведущую в его книге мысль: бунт сознательной личности против гнетущей власти множества в его коллективистском, государственно-национальном аспекте. Таким образом, это уже известное повествование о попытке личности сохранить индивидуальность и чувство приличия перед лицом серости толпы, скрывающейся за дымовой завесой «национального народа», государственного единства или возносящейся к небу «соборности». (...) Книга Ерофеева — метафизический трагифарс, описание России *in statu nascendi*. Это роман о том, как нация — сообщество, создаваемое сознательными личностями, — вылупляется из «национального народа», т.е. из господства серой толпы, которая характеризуется многовековым, окаменелым бездумьем и бездействием. Это рассказ о единоборстве личностей с собственным наследием, с духовной и умственной атмосферой, которая подспудно и деспотически определяет их жизнь. Получающаяся картина и страшна, и смешна. «Горький вкус на устах — основной вкус отчизны». Но это не картина настоящей России, ибо таковой — как мы знаем — нет. Это лишь зачарованная страна, сказка, государство-фантазмагория, изодранная карта, закрывающая большой кусок света. В этом смысле можно сказать, что Ерофеев описывает не окружающую его действительность, а спутанное содержимое голов и сердец своих соотечественников. Таким образом, перед нами внутренний портрет России. (...) Дело в том, что такое описание возникает лишь под пером тех, кто не дает поглотить себя повседневности и тирании заурядности, кому везде и всегда хорошо, ибо они слишком сильно ощущают свою чуждость стадным стандартам и массовым инстинктам».



После чтения одного «внутреннего портрета» России стоит посмотреть на ее портрет, сделанный извне. Польский читатель может найти его в только что вышедшей книге прекрасного переводчика русской поэзии Адама Поморского «Скептик в аду. Из идейной истории русской литературы». Во вступлении автор пишет:

«Нигде столь строго, как в аду, социальное бытие не определяет сознание. Однако, пожалуй, сенсацией в культурном кругу Европы Нового времени стала российская традиция восприятия собственного государства как ада. Притом это традиция упорная, сохраняющаяся поверх поколений, поверх государственных устройств, родившаяся, вероятно, одновременно с Россией Нового времени. Ее истоки можно искать в религиозных движениях, которые в ответ на реформы Патриарха Никона привели в середине XVII века к возникновению раскола. Пожалуй, тогда-то в глазах части жителей Московии официальная действительность приобрела дьявольский вид. (...) Несколько десятилетий спустя, при Петре I, с царствования которого начинается история России Нового времени, уже во всем государстве — а не только в Церкви — произошла не просто реформа, а гигантская цивилизационная революция».

Что из этого вытекло и по сей день вытекает, Поморский прослеживает в сочинениях великих русских, от Пушкина до Бродского. Наконец, заслуживает цитирования и последняя глава — «Слово — это артефакт (выход из советизма)»:

«В необычайно творческий период русской культуры, под давлением брежневских лет была создана русская неофициальная культура: ввиду ее открытости и силы стилистического инстинкта после этой художественной формации, под конец века самой влиятельной и управлявшей мнениями, труднее было вернуться назад и заново замкнуть самую культурную Россию в идеологизированном непрофессионализме и политизированном провинциализме умственной и художественной жизни. А потом произошло то, о чем мы сегодня, сто и тысячу лет спустя, знаем гораздо больше, чем знали современники. Однако разыгралось это в сфере так называемой тогда политики — отнюдь не культуры. Культура осталась растраченным шансом — для России и для мира».

Красивая сказочка? На мой взгляд столь же красивая, как та, что рассказывает Ерофеев. Но жизнь — не сказка, и потому взглянем на реалии, как делает это Мартин Круль, который, посмотрев кинофильм Александра Сокурова «Русский ковчег», напечатал в краковском «**Тыгоднике повсехном**» (2004, №8) фельетон под названием «Россия — демократическая или патерналистская?». Он пишет:

«Россия Путина опять начинает напоминать царскую Россию — в варианте в меру просвещенном. Россияне будут вести разговоры о направлении своего развития еще долго, и не наша обязанность чрезмерно вмешиваться в эти дебаты, тем более что влияние Запада, а уж наверняка Польши, ограничено, иногда же может привести к реакции, обратной задуманному. Нам и всему миру — неприятно это говорить, когда у нас так много друзей среди российских демократов, — важно, чтобы Россия была предвидимой и стабильной. Поэтому не надо ожидать, что мир станет прилагать особые старания к тому, чтобы в России восторжествовала демократия. Ибо сейчас возникла третья возможность: Россия, открытая к торговым контактам с Западом, разумная в международных делах и патерналистская во внутренних отношениях. Это плохо для демократии, но мало кому из политиков в мире такая конфигурация мешает. А также сравнительно мало кому из либеральных демократов, которые издавна (по крайней мере со времен недвусмысленных высказываний о варварстве России, сформулированных Джоном Стюартом Миллем в середине XIX века) сомневаются, лежит ли в интересах всего мира притворная или полупритворная демократия в России. Есть же немало таких нелиберальных демократий, где существуют положенные институты (прежде всего свободные выборы), но которые на самом деле не демократические и уж заведомо не либеральные страны. Когда речь идет о небольших странах, это сравнительно маловажно, однако в случае такой державы, как Россия, это имеет огромное значение. Поэтому не будем чересчур изумляться ни поддержке, оказываемой Путину, ни его мало демократическим решениям и мерам. Я не хочу сказать, что Россия это заслужила или что такова неизбежно ее судьба, но пока что трудно себе представить другую Россию, тем более что мир это не тревожит».

Все это звучит цинично, но что поделаешь...



ОТ «ЯРМАРКИ ЕВРОПЫ» ДО «КОЛИЗЕЯ»

Интервью с президентом фирмы «Дамис»

Богданом Томашевским,

арендатором самой большой ярмарки Европы

Сооруженный в середине 50-х с безудержным социалистическим размахом, этот объект не оправдал надежд: для польской столицы он оказался великоват. И вскоре превратился в заурядную «толкучку». В 80-е годы, в пору напряженного единоборства командно-административной системы с нарождающейся демократией свободного рынка «великий базар» вообще перестал функционировать. И лишь в 1989 г., после шести с лишним лет «простоя», правобережная ярмарка была реанимирована молодой (год рождения — 1988-й) и набирающей силу фирмой «Дамис».

— *Правильно я излагаю факты, господин президент?*

— Совершенно верно: 14 лет назад, в августе 1989 г., «Стадион 10-летия ПНР» сменил свое имя и стал называться «Саксонской ярмаркой». Вначале рынок действовал лишь по выходным, а затем перешел на обслуживание покупателей семь дней в неделю.

В 1996 г. базар был переименован в «Ярмарку Европы». Название символично: эта территория (34 гектара) — «европейская Мекка» для несметного числа посетителей как из самой Польши, так и из восточных стран. Причем не только для соседей — украинцев, россиян, белорусов, но и для армян, грузин, молдаван, вьетнамцев, индусов, монголов...

— *Да, у каждого, кто хоть раз побывал на этом торжище, возникает неизгладимое впечатление от колоритного «вавилонского столпотворения». В то же время остается и неприятный осадок: название у бывшего стадиона звучное, а формы торговли — примитивные.*

— Согласен. Особенно это заметно в верхней части базара, именуемой «коронай». Ее традиционно занимают торговцы из бывших республик СССР, порой раскладывающие свой немудреный товар прямо на бетонных плитах. Значительная их часть, что греха таить, приторговывает нелегальным или гнилым товаром. Случаются и кражи, другие происшествия.

Сам же стадион нынче представляет жалкое зрелище — развалившиеся трибуны, заросшее поле...

— *Не потому ли рынок в последнее время все чаще подвергается сокрушительной критике? Во время недавней кампании по выборам президента (мэра) Варшавы влиятельный политик Анджей Олеховский назвал ярмарку «рассадником преступности» и заявил, что если его выберут президентом, то он «закроет этот базар». Подобного мнения (закреть) придерживаются и другие официальные лица.*

— Закреть — дело нехитрое. Но тогда к 60 тысячам безработных в Варшаве прибавится еще столько же потерявших постоянную работу и заработок на стадионе. Всего же ярмарка «дает хлеб» почти 250 тысячам людей, так или иначе обслуживающим ее.

Особенно это было бы катастрофично для наших соседей, у которых продажа блока сигарет или партии колготок на польской «толкучке» — единственный источник дохода.

А какой ущерб понесет наша родимая казна? Только районному муниципалитету Прага-Юг, на территории которого находится стадион, наша фирма ежегодно платит налоги на сумму 11 млн. злотых. Да еще 6 миллионов — Главному спортивному центру, с которым у нас и заключен договор на аренду.

А 4,5 тыс. единиц хозяйственной деятельности (фирмы, частные предприниматели) и 20 тыс. снабженческих фирм, работающих на стадионе? Ежемесячные абонементы, покупаемые ими для легальной торговли, стоят от 400 до 1200 злотых. Вот и считайте, сколько «купеческих денег» недосчитается государственная казна...



— Таким образом, возникает известная головоломка: «казнить нельзя помиловать». Где поставить запятую?

— Не казнить, а помиловать. Вне всяких сомнений. Жизнь идет вперед, и мы должны за ней поспевать. Да, базарный стадион в том неприглядном виде, в котором он пребывает теперь, — анахронизм. Чтобы отвечать требованиям времени, нужна коренная модернизация ярмарки. И наша фирма разработала концепцию преобразования бывшего «стадиона 10-летия» в современный спортивно-торгово-сервисный центр.

План одобрило Бюро застройки территории Варшавы, подчиняющееся президенту столицы.

— Думаю, что нашим читателям будет интересно ознакомиться с этим проектом.

— Вот, смотрите, планшет. Центральную часть объекта составит спортивное поле — Национальный стадион, который легко трансформируется в концертно-зрелищную эстраду. Под раздвижной крышей (диаметр — 190 метров) этого сооружения смогут разместиться 30-35 тысяч болельщиков или зрителей.

Далее. В семизэтажном здании, окаймляющем трибуны, разместятся выставочные залы, демонстрирующие последние достижения научно-технической мысли. Здесь будет также все необходимое для организации международных ярмарок.

Кроме того в торгово-выставочной части будут расположены супермаркеты, автосалон, рестораны. А в сегменте предоставления услуг — офисы фирм, банки, биржа, многоуровневые подземные гаражи.

Оборудование в самом здании, по нашему замыслу, должно соответствовать техническим новшествам. Предусмотрено, например, использование солнечной энергии, силы ветра.

И на крыше многоэтажного «кольца» будет своя интересная жизнь: ярмарки и фестивали на свежем воздухе, с возможностью полюбоваться долиной Вислы и столицей с высоты птичьего полета — 30 метров.

— Наверное, ваш проект тоже получил звучное имя?

— А как же. «Варшавский Колизей», по аналогии с римским. Пусть в этом месте Запад встречается с Востоком. На спортивных состязаниях, в торговых делах, на отдыхе.

— Отсюда, видимо, и своеобразная «роза ветров». Визу на вашем проекте знакомые названия: «Балтийский», «Вильнюсский», «Минский», «Московский...»

— ...а также «Киевский», «Братиславский», «Пражский», «Берлинский». Восемь входных порталов Колизея соответственно географической направленности. При каждом входе будет большой экран («телебим»), на котором можно увидеть фильмы о дальних и близких странах, репортажи о мировых спортивных соревнованиях.

Польша вступает в Евросоюз, и это событие обязывает нас быть открытыми миру.

Прилегающая к ярмарке территория тоже не забыта: центр подготовки олимпийских кадров, крытые теннисные корты. Бассейн, который в случае надобности может быть переоборудован в водный парк. Сауны, фитнес-клубы, «салоны омоложения» и прочие современные объекты, предназначенные для того, чтобы в «здоровом теле был здоровый дух».

И, наконец, средства сообщения с Колизеем. Над Вислой, в сторону Модлина, — сооружение эстакады. В обычные дни — для пешеходов и велосипедистов. В дни спортивных соревнований магистраль будет открыта и для автомобильного движения.

«Ярмарка Европы» и сейчас легкодостижима: в «обрамлении» мостов через Вислу, с близлежащей железнодорожной станцией...

Прибавьте к этому станцию метро, которое в будущем приблизится к правобережью. Так что и туристам до Колизея будет добираться несложно. А я уверен, что когда Польша станет одной из полноправных столиц европейского содружества, приток туристов с Запада возрастет. Уже сейчас гости из-за рубежа: французы, немцы, англичане — с удовольствием посещают нашу экзотическую ярмарку. После модернизации она станет, надеюсь, еще притягательнее.

— Однако ваш план, судя по его размаху, потребует немалых капиталовложений. Откуда средства?



— Для полной реализации проекта потребуется инвестировать примерно миллиард злотых. Уверен, что деньги найдем. Отечественный бизнес заинтересован в перспективном проекте. Основную часть средств готова вложить наша фирма, которая успешно осваивает польский рынок уже в течение 15 лет. О солидности нашего предприятия свидетельствуют факты. В 1997 г. по объему товарооборота мы вышли на 5-е место среди отечественных фирм. В 2000 г. «Дамис» получил официальное разрешение на возвращение НДС иностранным гражданам, которые приобретают товар на территории Польши.

В Лодзи у «Дамиса» есть Торговый текстильный центр. В Кринице-Гурской мы располагаем современным Центром отдыха и реабилитации на 180 мест, работающим круглый год. Фирма занимается сборкой и продажей автомобилей АРО, производимых в Румынии, на которых устанавливается 40% польских комплектующих; на базе АРО разработаны кареты «скорой помощи», пожарные машины и полицейские автомобили. «Дамис» занимается также проектированием и производством обогревательных систем, успешно действует и в других сферах бизнеса.

Ну и, конечно, прибыль от ярмарки. Самым удачным был 1997 год, когда товарооборот на бывшем стадионе достиг 1,9 млрд. злотых. Далее известно: ужесточение пограничных предписаний для граждан бывших советских республик и экономический кризис в августе 1998 года в России отразились и на «Ярмарке Европы» — товарооборот сократился наполовину. С тех пор так и не удалось наверстать упущенное. В 1999 г. товарооборот составил 657 млн. злотых, в 2000-м — 800, в 2001-м — 850 миллионов. На том же уровне завершили и прошлый год.

— *А как отразилось на торговле введение виз (в октябре прошлого года) для восточных соседей в связи с предстоящим вступлением Польши в Евросоюз?*

— Поначалу пагубно — стадион заметно опустел. Но постепенно его трудовые будни входят в привычную колею. Как известно, для украинцев визы бесплатные, и потому их бизнес на стадионе не претерпит значительных изменений. Что касается россиян и белорусов, то их визы недороги и доступны.

— *Еще заметно, что вы включились в борьбу с «пиратами», продающими «самопальные» диски. Это очердная (не очень результативная) кампания или «война до победы»?*

— Пожалуй, ни то ни другое. Окончательная победа над «пиратством», как показывает практика, в принципе недостижима. При самых драконовских мерах найдутся рискованные люди, которые будут торговать «из-под полы». Однако свести это бедствие к минимуму возможно.

Тут уместно сказать, что Польша «на мировом фоне» выглядит неплохо. Тем не менее в прошлогоднем докладе Госдепартамента США обращалось внимание на то, что «Польша медлит с оздоровлением рынка». Оказывается, представители американского посольства в Варшаве регулярно покупают «пиратские» диски на бывшем стадионе и отсылают их затем в Вашингтон на экспертизу.

Разумеется, мы не хотим, чтобы в преддверии вступления в Евросоюз нас «склоняла» мировая общественность. Как, например, Украину, к которой из-за невероятно разросшегося там «пиратства» США даже вынуждены были применить экономические санкции. Что же касается Польши, то и «ложка дегтя» в международных делах неприятна. Поэтому совместно с Союзом производителей аудио- и видеосредств мы и взялись за «пиратов».

Результаты есть: на «короне» стадиона они уже не рискуют открыто выкладывать свой товар, как безбоязненно делали это раньше. Каждый год полиция конфискует на ярмарке нелегальные изделия на миллионы злотых. Судя по всему, нынешний год будет самым «урожайным».

А вообще мы надеемся, что реализация перспективного плана облагородит и формы торговли, что отразится на нравах и законопослушности. «Варшавский Колизей» должен стать визитной карточкой и цивилизованным символом польской столицы, вошедшей в «европейскую семью».

— *Успехов вам в ваших начинаниях.*

Беседовал Владимир Блинков

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ

- А.Новак** о «Великом Новгороде» Стефана Братковского
А.Яцковский о малых роинах
А.Гузицкий о лемках
Л.Колаковский об основах права
С.Братковский: Чем был ДиП?
В. и Р.Слизовские о дневниках генерала Старинкевича
Я.Тазбир об Александре Липатове
Беседа с Ядвигой Стшелецкой
М.Выка о Станиславе Бжозовском
Рассказы Михала Гловинского
К.Бурнетко: Газетный киоск
Р.Пшибыльский об Иосифе Бродском и Анне Ахматовой
Б.Поцей о Ванде Ландовской
К.Яновская и П.Мухарский: Беседы к началу столетия
Наши за границей: А.Северин, В.Пшоняк, З.Рыбчинский,
А.Холланд, Р.Полянский, А.Кшивицкий и др.

СТИХОТВОРЕНИЯ

**Милоша, Стахуры, Бялошевского, Яструна,
Чухновского, Херберта и др.**

в переводах

**Бродского, Базилевского, Астафьевой, Ройтмана,
Британишского, Горбаневской, Свяцкого и др.**

Журнал «Новая Польша»

допущен к распространению на территории Российской Федерации
решением Министерства Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций



НАЦИОНАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
РЕКОМЕНДУЕТ
ЛУЧШИХ ПОЛЬСКИХ
ПИСАТЕЛЕЙ
И КРИТИКОВ

twórczość
Старейший польский литературный ежемесячник, посвященный современной прозе, поэзии и литературной критике. Оказывает влияние на перемены в польской литературе.

Dialog

Ежемесячник, посвященный современной драматургии.

**NOWE
KSIĄŻKI**

Ежемесячник. На протяжении более полувека незаменимый источник знаний о книгах. В каждом номере рецензии, интервью, статьи о писателях, публицистика, библиография, анонсы.

**dwutygodnik
Ruch muzyczny**

Старейший и единственный в Польше журнал, посвященный музыкальному творчеству, теории и практике музыки. Выходит 26 раз в году.

**НОВАЯ
ПОЛЬША**

Единственный журнал о Польше на русском языке. Богатая подборка публицистики польских и российских авторов. Переводы малоизвестных в России произведений польских поэтов и прозаиков.

**LITERATURA
na świecie**

Ежемесячник. Единственный журнал, уже многие годы публикующий все интересные новинки современной мировой литературы.



Biblioteka Narodowa, Dział Wydawniczy Czasopism Patronackich,
02-086 Warszawa, Al. Niepodległości 213, tel./fax (+48 22) 6082488, tel. (+48 22) 6082374

Cena 6 zł w tym VAT 0%

ISSN 1508-5589



9 771508 558041